

Мура Боспора

Литературный альманах

ВЫПУСК XV

Аура Боснор

литературный альманах
выпуск XV

Симферополь
2014

ББК 84.2 (Крым-рус.)
Л 62

Л 62 **Ли́ра Боспо́ра. Выпуск XV.** Изд-во: ТПО «Вариант»,
ОО «СГТ», 2014 г. – 388 с.

ISBN 978-966-174-207-5

Редактор Вдовенко А. Н.
Составитель Левченко Т. В.
Компьютерный набор Левченко Т. В.
сайт: http://www.litprichal.ru/users/LIRA_BOSPORA/
Email: lira_bospora@mail.ru

Выходит в свет очередной, XV выпуск литературного альманаха «Ли́ра Боспо́ра», подготовленный к печати одноименным объединением керченских авторов. Книга открывается рубрикой «70-летию Великой Победы посвящается» — наша дань памяти незабвенного подвига братских народов.

Читатель встретит в издании ставшие традиционными рубрики: «Поэзия», «Проза», «Многогранники», «Краеведение», «Мемориал», «Юмор и пародии» и другие. В гостевом разделе представлены авторы из Москвы и Братска, Рыбинска и Краматорска. Большинство авторов остаётся верными классическим литературным традициям.

В XV выпуске альманаха много новых молодых авторов — это даёт надежду на будущие встречи с читателями как на страницах издания, так и в интернет-версии «Ли́ра Боспо́ра»

Альманах издаётся на средства авторов.

ISBN 978-966-174-207-5

ЛИРА БОСПОРА

лит ерат урный альманах

выпуск XV

© Алексеева Л. П. 2014 г.	© Медведев И. П. 2014 г.
© Анисимова Т. 2014 г.	© Молодцов С. В. 2014 г.
© Артёмин К. А. 2014 г.	© Молодцова М. В. 2014 г.
© Бойченко-Керченский А. И. 2014 г.	© Москатов А. Ю. 2014 г.
© Бондаренко Е. В. 2014 г.	© Невзорова И. М. 2014 г.
© Бурова С. А. 2014 г.	© Нестеренко В. М. 2014 г.
© Бухарбаева А. И. 2014 г.	© Пак Е. В. 2014 г.
© Васильев-Пальм Б. А. 2014 г.	© Панин Л. Т. 2014 г.
© Вдовенко А. Н. 2014 г.	© Полуянова Р. П. 2014 г.
© Веденёва В. 2014 г.	© Протасовицкая А. А. 2014 г.
© Володин В. С. 2014 г.	© Руденко В. Е. 2014 г.
© Головатый О. 2014 г.	© Синеглазов А. В. 2014 г.
© Дадой З. С. 2014 г.	© Синеглазова А. А. 2014 г.
© Дерий Ф. П. 2014 г.	© Славин Н. А. 2014 г.
© Десятова Л. С. 2014 г.	© Смашная В. П. 2014 г.
© Дмитрюкова Г. Н. 2014 г.	© Собко Е. В. 2014 г.
© Зайцев В. И. 2014 г.	© Суровой Н. Ю. 2014 г.
© Збараг М. И. 2014 г.	© Тарасенко А. Ф. 2014 г.
© Ищук Т. В. 2014 г.	© Тищенко Л. Д. 2014 г.
© Карачанова А. 2014 г.	© Токарева А. П. 2014 г.
© Коломейцева Е. 2014 г.	© Трушкова Н. С. 2014 г.
© Коваль В. Ф. 2014 г.	© Фёдорова-Росс А. В. 2014 г.
© Левченко Т. В. 2014 г.	© Храмова Л. В. 2014 г.
© Ложкина А. 2014 г.	© Чернышёв Е. С. 2014 г.
© Лось В. М. 2014 г.	© Чудновская А. М. 2014 г.
© Мазилев К. В. 2014 г.	© Чудновский М. Е. 2014 г.
© Макарова А. С. 2014 г.	© Шапран О. Д. 2014 г.
© Матвеева М. Л. 2014 г.	© Шталь А. 2014 г.

*70 - л е т и ю
В е л и к о й П о б е д ы
п о с в я щ а е т с я*

Н а у м С л а в к и н

(1926 – 2012)

ИЗ АДЖИМУШКАЙСКОЙ ТЕТРАДИ

Рассказ публикуется с сокращениями. Полный текст опубликован в книге памяти Н.А. Славина «Он человек был...» (Керчь, 2013 г.)

Обеденного времени оставалось добрых полчаса, и Иван Антонович сошел с крыльца с неспешной хозьяйской оглядкой. Солнце висело высоко, звонко била в лужицы капель. Около недобранной в зиму поленницы дров лежала Стрелка — охотничья лайка — и не поднялась, только шевельнула чуткими ушами. В ящике над калиткой Иван Антонович увидел сквозь прорези белое и позвал:

— Нюра, почту заberi!

Жена первой нагнулась, когда из пачки газет выскользнул конверт и лёг тыльной стороной на скат припавшего к забору серого сугроба. Иван Антонович ждал, от кого письмо. Дочка Клава жила здесь, на соседней улице. Невестка (сын Николай после армии женился в городе) присылала недавно открытку на отцовский день рождения. Приходили редко письма от сестры Лизы и нюриной неблизкой родни. Больше никакой не имелось переписки.

— На моё имя, Горшковой Анне Егоровне. Адрес на Траковой. Ваня, не пойму я! — жена будто звала защитить.

На Траковой они сняли комнату в тридцать девятом году, когда только поженились и приехали из Кунгура, где Горшков учился в лесотехническом техникуме. Потом дважды меняли жильё, и вот уже полтора десятка лет у них была нынешняя квартира —

половина леспромхозовского дома на Железнодорожной.

Он взял конверт с досадой, в которой пряталась опавшая на сердце тревога, достал из кармана полупальто очки. Название города в обратном адресе Иван Антонович прочитал без них, и холодок предчувствия ворохнулся в груди колючим комом.

— Ну, чего ты всполошилась? Читай, коли тебе.

Листок, вынутый из конверта, дрожал в Нюриной руке. Она тихонько охнула. Потом, оберегая внешнюю боль, пошла к дому. Доски прогибались, и в щели между ними набегала вода.

Они стояли в прихожей, дверь наружу не затворена, и перенимали друг у друга письмо. Девочка-семиклассница сообщала, что в каменоломнях, где во время войны оборонялись наши окруженные войска, найден список со многими фамилиями, и школа ведёт поиск. Далее с пропуском в две строки было добавлено: «Дорогая Анна Егоровна! Простите за тревожную вестъ. Ваш муж мл. политрук Горшков И.А. был среди защитников катакомб. Напишите нам его полное имя и, если можно, пришлите карточку. Мы хотим как можно больше знать про погибших героев. Напишите также про себя, как Вы живёте. С уважением к Вам, Света Колесникова».

Нюра смотрела сквозь него, не вытирая щёки. В глазах застыло давнее страдание. И Иван Антонович в горькой растерянности поспешно сказал:

— Так теперь-то чего убиваться? Живой ведь я!

* * *

Когда в праздничные дни выходили ветераны при наградах, Иван Антонович тоже прикалывал на грудь серебряную «Славу», медаль «За отвагу» и прочие отличия. Не пожалел однажды просверлить в новом пиджаке дырку для потускневшего знака «Отличный миномётчик». По военкоматским бумагам он проходил сержантом, командиром расчёта. И сам привык помнить себя тем, кем завершил победную войну западнее немецкого города Ратенов. Но глубже, будто в подполье, существовала память другой весны, вернее, уже лета, тремя годами раньше: внезапное крушение фронта и горечь поражения, сознание безысходности во мраке обложенной каменной норы.

То безвременье, продлённое тяжким пробуждением за колючей проволокой, с простреленной грудью, казалось небылью. Была это словно другая война, неизвестная, неитоженная. И сам он, истраченный ею вконец, счастливо ожил в совершенно другом человеке, намного старше летами и опытом, когда, бежав из эшелона пленных, поблуждав по Украине, обрёл вновь силы и оружие у партизан, через отряд вернулся в армию.

В партии, понятно по тем временам, его не восстановили, о нововведённом офицерском звании он, младший политрук, прошедший плен, тоже не могмышлять. Ещё то хорошо, что у партизан он успел проявить себя в деле. Вернулся по демобилизации домой, увидел Нюру, её руки, огрубевшие на лесоповале, — втянулся в полукрестьянский скудный быт, утвердившийся здесь за время войны. Прошное отре-

зало напрочь — зачем было его ворошить. На прежнюю должность техника его не звали. А ему свойственнее было среди рядовых рабочих, таких, как сам, недавних солдат. Здесь не смотрели, что у тебя в анкете, если только не спецпереселенец, да и заработок был выше. Позже Ивана Антоновича выдвинули всё-таки в бригады, но то уж по стажу и личным качествам — естественным ходом вещей.

Как ни прожито, назад не воротишь, и годы шли на закат. Он ничего не желал: заработать честно пенсию, ещё побродить вольно в тайге с ружьишком и понятливой лайкой, дожидаться им с Нюрой совершеннолетия внуков, затем — пора и честь знать... А тут непредугаданное письмо звало вспять, бередило в душе старое, угасшее: «Каким ты был, так ли скроил жизнь?» Он почувствовал, что и у жены мысли опасно обходят прошлое, когда она сказала:

— На погрузке не хватятся тебя? — Бригада складировала свезенный к путям зимний лес, и требовался присмотр, чтобы не допустить пересортицы.

Втянувшись в работу, обычно он забывался, и время текло вровень с делом. Иван Антонович вернулся домой устало облегчённый, но вновь ощутил беспокойство, едва затворил калитку, и в комнате прежде всего глянул на угол стола, куда Нюра клала свежие газеты, — письма там не было.

За ужином оба молчали. Нюра прятала от мужа покрасневшие глаза. Иван Антонович зажгёт лампу-грибок, расправил перед собой газету, чтоб не класть чистую бумагу на клеёнку.

Он не любил скорописки и в редких случаях, когда составлял отчётность дома, пользовался ручкой-

вставочкой и тяжёлой мраморной чернильницей, подаренной ему в пятую годовщину бригадирства. В чернильнице остался сухой осадок, он налил горячей воды и развёл. Нюра, видя приготовления, ушла в спальню. Телевизор не включала, хотя в программе был художественный фильм.

Иван Антонович смотрел в темное окно. Ему казалось, что люди ждут от него полного жизнеописания и оправданий, словно он намеренно не давал о себе знать. Вдруг он вспомнил, что просят прислать фотографию, и обрадовался поводу отодвинуть допытливый белый лист.

— Была карточка. Для Доски почёта снимался, в костюме. Ты галстук гладила, мать. — Но в бархатном выпцветшем семейном альбоме среди перемешанных разных лет снимков не нашлось, чего искали. Одно к одному — всё сегодня влекло Ивана Антоновича в прошлое, особенно, когда попадались довоенные фотографии Нюры. Въявь она уже не помнилась ему молодой и красивой.

— Непохожий ты здесь, Ваня, — сказала жена, поглядев на единственную отобранную карточку, паспортного формата, с уголком для печати, — совсем стариком выглядишь. Но сходить завтра к поселковому фотографу и сняться для особого случая ни у неё, ни у него мысли не возникло.

Письмо получилось скупо укороченное, ему самому не понравилось — похоже на заявление. Горшков Иван Антонович, то есть я лично, вернулся с войны живой, работаю там-то, должность такая-то, спасибо за память. Посылаю карточку, лучше, извините, сейчас нет. Надписывая конверт, он видел перед глазами не девочку-подростка с крупным ученическим

почерком, а солидных педагогов, почему-то одних мужчин в строгих пиджаках. Его тянуло скорее заклеить конверт. И утром, когда Нюра собиралась в магазин около почты, Иван Антонович положил письмо к себе во внутренний карман, чтобы отправить проходящим поездом. Отдал в багажный вагон и свалил груз с души.

* * *

Минуло полмесяца, и был возврат морозов, затем новая оттепель круче завернула к весне; дорога задержала порожняк, трещал план; письмо из потусторонней невообразимой дали начало забываться. Пока не пришло второе, на сей раз укарауленное Нюрой, каждый день, видать, поджидавшей разносчику. Конверт стоял на ребре, прислоненный к хлебнице.

— Не стала я распечатывать. Боязно без тебя.

Он молча, в хмурой сдержанности надорвал угол конверта и пальцем изнутри пропорол боковину. В конверте кроме письма Светы Колесниковой содержалось официальное отношение со штампом. Иван Антонович сперва развернул его.

Школа (стояли подписи директора и секретаря партбюро) просила начальника предприятия, где работает И.А. Горшков, дать ему возможность приехать на День освобождения города, защитником которого он являлся. На Ивана Антоновича произвела впечатление сама бумага, солидность машинописного текста. Видимо, его приезду придавалось значение, коего он не предполагал. Нюра читала вместе с ним, наклонившись над плечом.

— Ты там геройство совершил, Иван? Мне никогда не говорил.

— Какое геройство! — Он не мог объяснить, дать оценку той давности, куда по прошествии многих лет настойчиво обращали его память. Так жёстко свелись обстоятельства, что стёрлась грань между подвигом и прямой необходимостью. Рядом были вера и шатания, неколебимость духа и жажда уцелеть. Военная катастрофа при очевидной растерянности, неспособности командования потрясла каждого и поставила перед крайним выбором. Для политработника, хоть и низшего ранга, Горшкова не оставалось, собственно, иного, как умереть, подороже отдав свою жизнь.

— Видишь, — укорила его жена девочкиным письмом, — «отзываются родственники, вы один живой герой».

Он ничего не ответил. Ясно, школьникам интересны рассказы про боевые дела, про жизнь в подземелье. А что он может поведать — поучительно, веско? Кого достоверно назовёт? Даже на простой вопрос, сколько дней пробыл в каменоломнях, он не ответит. Дней в прямом понимании у них там не существовало. Только ночь, сон, более похожий на болезненное забытие. Вылазки в предрассветные часы за линию вражеского оцепления. Специально отряженная команда завладевала колодцем. Во дворах безлюдного поселка иногда находили припрятанные жителями зерно, вяленную рыбу. Вода и пища. Оружие, выхваченное из рук поверженного врага. Не могли же они рассчитывать на большее, на выход из окружения, если вокруг голая степь и дальше море. Возвра-

шались изреженные группы, а внешнее обширное пространство каменоломен, поросшее полынью, изрытое воронками, гуще пятнали бугорки неподвижных тел.

В штольне тлел огонек просмолённого кабеля — другого не имелось освещения. Во тьме неотчётливо проступали лица. Остаточные группы из разных частей, случайное смешение званий и родов оружия — здесь они составили новое воинское формирование, с установленной субординацией, с подразделениями и штабом. Без организации они не продержались бы и двух-трёх суток. Однако из старших начальников Иван Горшков знал только одного, и то видел его, когда еще не ушли под землю. Знал лейтенанта-ротного, чьи донесения вместе со списками личного состава мальчишки отрыли в завале.

Как политрук он говорил бойцам про ожидаемый спасительный десант и неизбежный перелом на фронте. Разумеется, он был осведомлен ненамного лучше своих слушателей, но слова жадно ловили, к беседе тянулись, как к огню...

* * *

Их провожали дочка с мужем и внуком Витькой. Поезд стоял всего три минуты, и Нюра боялась высоких ступенек. Плацкартное купе было пусто. До пересадки предстояло ехать почти полтора суток. И хотя им с Нюрой продали два нижних места, Иван Антонович посидел немного рядом с женой и спустил себе верхнюю полку.

— Пойду постели возьму.

Нюре было неудобно в тесноватом жакете, но растегнуть пуговицы она не решалась.

— Давай поедим чего, — предложил Иван Антонович, чтобы Нюра скорее освоилась.

Половину ночи он не спал от непривычки в тряском расшатанном вагоне. Нюра лежала не двигаясь, но тоже не спала. Место напротив неё заняли две девушки. Голова к голове они дремали сидя среди нерассованных беспечно свёртков и сумок. Ивану Антоновичу, глядя на них, сделалось спокойно, он отвернулся к переборке и уснул...

* * *

Ивана Антоновича не отпускало ожидание близкой встречи. С кем или с чем, и что ему от неё, он не мог объяснить. Однако дорога и пробегаемые поездом местности потеряли для него привлекательность. Он ел с женой, пил чай, потом взбирался наверх и не спал, уставив взгляд в пластиковую обивку багажной полки. Когда Нюра вставала посмотреть, что там муж, Иван Антонович улыбался ей молча и успокоительно.

Знающие пассажиры посоветовали Горшковым сойти раньше, на полустанке, откуда в нужную им часть города есть прямой автобус. Ступив на перрон, Иван Антонович глубоко втянул в грудь ранний весенний дух степи, запах молодой полыни и нагретых солнцем каменных осыпей.

— Памятники, Ваня!

На скальной круче высился обелиск. И дальше на склонах холмов там и сям белели в окружении зелени каменные пирамидки как укоренённая принадлежность здешнего пейзажа.

Нюра наклонилась взять дорожную сумку, Иван Антонович отвёл её руку и уловил быстрый встревоженный взгляд.

— Погоди, сейчас, мать.

Он не хотел обнаруживать — до головокружения, до дрожи в коленях — нахлынувшую слабость. И впервые подумал, что напрасно, может случиться, везёт с собой жену. Груз неизбытого прошлого пригнетёт и её — для женщины тяжелее и горше.

Подъехал автобус и развернулся в обратную сторону. Водитель придержал дверь открытой, чтобы вошла пожилая пара. Больше на кольцевой остановке не было пассажиров.

Горшковы в мыслях не имели, что им подобает особенная встреча, и в школу они явились не ко времени.

У школы есть внешняя праздничная сторона жизни с торжественными построениями, равнением на знамя. Ученики приходят наглаженные, девочки в белых фартуках. Гости, ветераны при полном наборе наград, умиляются; растроганно они вспоминают пионерские линейки своего детства. Учебная же школьная повседневность мало привлекательна для постороннего человека. Он пройдёт мимо классов, и на него пахнёт парной духотой. Он услышит сквозь дверь крамольный гул неинтересного урока и раздражённую нотацию педагога. А застигнутый в коридоре звонком, совершенно потеряется в толчее перемены.

Иван Антонович и Нюра покорно ждали, когда на лестнице иссякнет сорвавшаяся ученическая лавина. Дежурная сторожиха увела их в свою каморку при раздевалке. На крючках одиноко висели позабытые с зимы пальтишки и шарфы.

— На переменке нельзя к нам ходить. Собьют — недорого возьмут. Чаю не попьете с дороги? У меня включённый.

Горшковы в два голоса просили женщину не беспокоиться.

— Ну, свободней сделалось. Стой, дитё! — Она поманила пробежавшую мимо девочку. — Вещи у меня оставите, зачем везде таскать.

В учительской комнате былолюдно, разговаривали громко. Учителя не остыли от урока, а через несколько минут им снова в классы. Иван Антонович попятился обратно в дверь. Но в комнате догадались, что за посетители. Их зазвали и окружили с приветными словами, с расспросами, усадили на видном месте возле большого овального стола, с которого унесли горку деревянных транспортных и циркулей. Вошёл высокий полуседой мужчина — директор.

— Алексей Михайлович, вот дорогие гости!

Директор пожал руку Ивану Антоновичу. Нюра не знала, подавать ли свою. Он легонько коснулся её руки пальцами. Прозвенело на урок, и учительская комната опустела.

Алексей Михайлович хромал. Его кабинет был незаперт, поместив приехавших в кресла по обе стороны стола, директор сел на стул. Вытянутая негнущаяся нога вздрагивала.

— Знаю, чем вас обрадую, Иван Антонович. Есть живые ваши товарищи. Письма к ним не сразу добрались. Пять человек отозвались. Вечером встречаем Савицкого и Яценко.

— Может быть, узнаю в лицо, — только и сказал Иван Антонович. Другие фамилии директор не назвал: наверное хотел избавить его от неопределённого гадания. Главное — люди живые. Иван Антонович узнал, что съезжаются также родные погибших: жены, сыновья, дочери. Директор сказал, что Горшкова с нетерпением ждут.

— Я готов. — Встал Иван Антонович, и Нюра с ним.

Девушка-пионервожатая повела Горшковых в спортивный зал, где на раскладушках размещались приехавшие. Вошедших обступили давно увядшие женщины, их взрослые дети. Наперебой ему показывали старые фотографии, твердили имена. Но память напрасно искала какую-нибудь зацепку. Чем пристальнее он всматривался — гуще наплывал туман, и зыбкие образы тонули в нём.

Люди презрели немощи, дорожную тяготу и расходы, приехали издалека по первому зову. Чего они жаждали? Ясности, определённости в судьбе мужа, отца, признанной утверждённости его честного имени и покоя собственной душе. Им надо знать всё — так они искренне полагали. В глазах, в недомолвленном слове сквозил страх окончательного, не оставляющего места надеждам известия. За долгие прошедшие годы они срослись со своим ожиданием и теперь безотчётно отодвигали минуту прозрения, их терзали несоединимые чувства. Даже тех, кто упоминал об официально заявленном факте смерти и документе для пенсии.

Пуще всего эти исстрадавшиеся женщины боялись потерять последнее, что у них оставалось: веру в чудесное воскрешение родного человека из небытия. Когда Иван Антонович оговорился, что носил к братской могиле тела удушенных газами, плачущая ближайшая слушательница защитилась рукой: «Нет-нет! Не надо!»

Наконец, его отпустили, он сказал Нюре, что пойдёт в дежурку за вещами. Возле двери ждала Света Колесникова.

По аккуратным письмам Ивану Антоновичу представлялась школьница с косками, с потупленными глазами — в полной родительской и учительской власти. Была в этом образе трогательная обязательность и наивность, не ведающая, что могут сотворить в чужой жизни выписанные прилежно на бумаге правильно составленные фразы. В подлинной Свете не было милой взрослому безликой детскости. Смотрела она неробко, чуткие брови взлетали, выражая вопрос, выдавая скрытую строптивость, сомнение, обиду...

— Нюра! Нюра! Чего мы наделали. — Оказывается, Света и её мама честь по чести ждали Горшковых на городском вокзале и не дождались, расстроились, конечно. Свету специально отпускали с последних двух уроков.

— Такси заказывали?! — вместе с мужем ужасалась Нюра, — Ваня, надо деньги отдать.

В такой неурядице нельзя было отвергнуть предложение Колесниковых поселиться у них.

— Неловко вроде, Ваня.

Сторожиха в раздевалке помогла преодолеть колебания Нюры:

— Маму её я знаю, уважительная женщина. А наши здесь какие удобства? В кране вода когда течёт, когда нет, в туалетах хлорка. Одно слово — школа.

Света взяла у Нюры сумку.

* * *

Два сотоварища Горшкова вышли в разных концах поезда. К зданию вокзала, где ждал с другими встречающими Иван Антонович, привели тучного, шумно дышащего человека — Яценко. Какой-то миг колебания не дал им обняться. Яценко несколько раз тиснул ладонь и отпустил. Второй, со следами ожогов на лице, Савицкий обменялся с обоими также простым рукопожатием. Он держал перед собою, как бы отгораживаясь им, брошенный на левую руку плащ.

— Я, по правде сказать, недолго под землей находился. Мы переправиться думали.

— Вот зустрелись хлопцы, — повторял Яценко. Потом перешёл на русскую речь. — Значит, судьба была встретиться, такое дело, братки.

Ивана Антоновича сковывало многолюдье, почтительно внимающее окружение. Вроде совершалось ритуальное действие, а они, в главных ролях, плохо научены, как себя держать. И он, и вновь приехавшие не знали друг друга, не ощутили родства и товарищеского притяжения. В автобусе они сели не вместе.

Вечерние улицы в пункте одинаковых огней, в редкой расцветке неона никак не связывались с именем города, словно не имели в нём корня и существовали отдельно. И столь же далеки от прежнего бытия были два человека, которых привёз поезд. Когда-то

их и Ивана Антоновича пути случайно пересеклись, чтобы потом разойтись безвозвратно. Для него годы чужой жизни, вмещающие войну, и плен, и долгое последующее существование, были темны и немы, как, впрочем, и его для них.

Встречи и впечатления дня убеждали Ивана Антоновича, что поездка напрасная, без проку ему и людям. Зачем было ехать и жену везти. Только ли, чтобы растравлять себя и явственнее ощутить опустошающий бег времени? Следовало, однако, ничем не обнаруживать свои настроения, скрыть даже от Нюры. Сколько потребуется и насколько хватит отпущенных ему дней, он пробудет здесь, исполнит, чего от него ждут. Обязывая себя таким образом, он думал о Свете Колесниковой и добром, по всему видать, человеке, школьном директоре.

Ночь Иван Антонович спал без сновидений, встал и оделся, услышав звук отпираемой двери. Нюра успела сходить с хозяйкой Зоей Ивановной в магазин. Гостей позвали к столу. Иван Антонович ел машинально, не похвалил, как вчера, хозяйкины блюда.

— Не привыкну к разнице во времени, — проговорил Иван Антонович, чтобы успокоить Нюру, чутко улавливающую состояния мужа.

Было воскресное утро, но Света заторопилась в школу и вернулась с новостью: приехали ещё три бойца подземного гарнизона. На улице Света оборачивалась, поспевают ли за нею старички. Перед школьными воротами стояли вчерашний разъездной автобус и новый вместительный «Турист».

Приехавшие ночью были Шебунин, Бевз и Погосян с женой. Погосян помнил Шебунина и называл

много фамилий, Горшкова нынче не осаждали расспросами, внимание переключилось на новые лица. Оставив Ньюру среди женщин, он ступил к забору, в тень акаций. Жаркий, потный с солнцепёка, подошел Яценко.

— Ты ж понимаешь, он говорит: «Степан, мы трое выходили». — «Не знаю, не помню». — Шебунин, оказывается, не признал Погосяна, — «Как же не помнишь? С нами Карачурин был из Мензелинска». — «Не знаю такого.» И весь разговор. Шось у него не того.

Нюра взяла Ивана Антоновича под руку; он не заметил, когда она оказалась рядом. Народ толпился около машин. Гостей пропустили в большой автобус на удобные кресла. В проходе стеснились пионеры, пахло жареными семечками. Позади Горшковых сидели жена и сын лейтенанта Трибрата. Вчера Иван Антонович в спортзале говорил с ними, и теперь он знал фамилию ротного командира.

Город кружил перекрёстками, устроенные кварталы перемежались пустырями и огородами. Иван Антонович скоро потерял ориентировку. Машины стали в конце по-деревенски просторной улицы, и Иван Антонович не поверил, что приехали.

Тогда, давно, он очутился в катакомбах после недели боёв, бомбёжек, ночных рывков из окружений. Танки вклинивались между отступающими, давили и расстреливали. Всю степь окутывала едкая известковая пыль, поднятая бомбами, взбитая бесчисленными колесами и гусеницами. От прикрытия, оставленного учбатом, куда после Первоя Горшкова определили на стажировку, уцелело несколько человек. Они при-

стали к сборной части из остатков трёх дивизий. Город, уже занятый врагом, обошли ночью, и затем, во время блокады, город был недосыгаемо далеко. Из амбразур и лазов они видели только край каменного карьера, оплетённый колючей проволокой. Для человека, прячущегося в земле, передвигающегося ползком, все расстояния увеличены многократно.

— Иван, а Иван, не видать каменоломни, — приговаривала Нюра, подавленная ожидаемым. Он и жену не подготовил, и не знал, с чем сам придёт сюда, какие чувства родит встреча со Скалой.

Тропинка вилась в гущине мертвой прошлогодней травы. На спуске из-под ног посыпалась ракушечная крошка — тырса (не думал, что вспомнится местное слово). Иван Антонович помог сойти Нюре и шедшим сзади женщинам. Его не тянуло к барабанному бою и голосам детей. Он отклонился от тропки и шёл один, наугад, цепляясь за неверные плети бурьяна, съезжая в воронки.

* * *

Звон... Звон... Из темного провала, недоступно обрамленного терновником, или из лазури распахнутых небес... Звук протяжный, настойчивый он слышал в себе, как зов давности, как пробуждение. Сердце билось резко, сильно. Ветер гнул былинки на навороченном взрывом гребне. Иван Антонович, удивлённый, осмотрелся. Местность словно развернуло на невидимой оси, и всё расставилось, как должно, как он знал. Посёлок и дорога в город. Колодец в низине. Щербины заделаны цементом и поставлен ворот.

Давно неезженная колея выбирается из скалы пологим витком: так легче было лошадям тянуть гружённую камнем подводку.

— Политрук!

Не думая, он пригнулся к гребню. Когда-то оклик спас его от пули, и она взыкнула мимо, брызнув колючей тырсой.

Это случилось в первое утро подземного пребывания. Ночью они ворвались из степи в посёлок, в грохот и вспышки слепого боя, и здесь соединились с армейским арьергардом, занимавшим каменоломни. Ни здешние, ни новоприбывшие не подозревали, какой им выпал общий жребий, не знали, что переправа кончена и пути никуда нет. Катакомбы казались временным пристанищем. Они сдали раненых в подземную санчасть, вконец обессиленные повалились спать под каменным кровом.

Выработки напротив главного входа служили своего рода шахтным двором: сюда днём проникал рассеянный свет, и на три стороны расходились галереи, через которые в мирное время вывозили добытый ракушечник. В галереях обосновались подразделения арьергарда, теперь никого уже не прикрывавшего. Проснувшиеся новички осознали пока лишь то, что из одного окружения попали в другое.

— Придушат здесь, как крыс!

— Воды нет, сухаря завалящего.

Наверху начали рваться снаряды: похоже, свои, — и людскую тесноту взбудоражило освежённой надеждой. Если открыла огонь артиллерия, значит, наши контратакуют.

— Ударим с тылу, что командиры думают!

— Здесь старше наших начальники.

— Сторонись! Дорогу!.. — К выходу протискивалась группа с автоматами и в касках.

— Стой! За своеволие — к расстрелу! — Из глубины вышли несколько командиров.

Приказная твердость в голосе батальонного комиссара остановила автоматчиков.

— Выход караулят немецкие пулеметы. Умереть — так с пользой! — Голос то усиливался резонансом, то гас, увязая в пустотах. — Проявляйте красноармейскую выдержку, товарищи.

Снаряды продолжали рваться с неправильными промежутками. Многоликая масса придерживала дыхание, будто от неё зависело вызвать огонь сильнее и слить вместе редкие разрывы. Тёмные запавшие глаза комиссара выбрали Горшкова, и он, притянутый ими, ступил ближе.

— Пойдѣшь в разведку, младший политрук. Определись, откуда бьют, и как реагируют немцы. — Задание было высказано тоном полуприказа, полупросьбы. Всѣ-таки стихией этого человека были не жесткие повелительные формулы. Он намеренно вызывал доверие новичку: строевой командир вряд ли рискнул бы положиться на неизвестного.

С Иваном Горшковым отправился сержант-артиллерист. Лазутчиков провели к малозаметной, вырытой талой водой щели. Старшина охраны сделал предостерегающий знак.

— Сторожат, как коты мыша. — Он взял у красноармейца гранату и швырнул вперёд. Дождавшись взрыва, отполз от щели.

У Горшкова имелся наган и на шее комиссаров бинокль. Он выбрался наружу первый, свет и тепло

блаженно охватили тело. Сержант благополучно перебежал площадку. Опасения старшины оказались напрасны: немцев, живых или убитых, поблизости не было. Сияло небо, и высокое хорканье снарядов походило на звучные махи перелетных гусиных стай. Когда в начале мая гуси появлялись над передовой, солдаты обеих сторон забывали про войну и из траншей палили вслед. Гулкая стрельба катилась вдоль фронта.

— С косы 152-миллиметровые. Бьют по площадям батареей неполного состава. — Через паузу сержант закончил: — Пустое дело.

Улицы посёлка были безлюдны. Вражеская пехота ввиду обстрела отсиживалась, по-видимому, в подвалах. Но постовые, можно не сомневаться, сохраняли бдительность, и дежурная смена не отходила от бойниц.

— Я туда поднимусь, — Горшков глазами показал на скальный выступ. — А ты доложи обстановку и возвращайся.

Вот тогда-то и попал он на прицел снайперу. Счастье, что сержант вовремя оглянулся. Впоследствии они ещё сколько-то раз выбирались на поверхность, и Горшков уже знал, что снайперы никогда не сторожат против солнца, а пулемёты, чтобы не рассекретить себя, в одинокого не стреляют. Роли поменялись: Горшков, снабжённый автоматом, прикрывал зоркого напарника. Наблюдали движение автоколонн и видели даже полосу пустынного моря. Они сблизились как товарищи, но имён в обращении не знали. Только: «пошли, сержант», «гляди в оба, политрук».

Звон... Звон... Серый известняк, тонкая пыль. Люди галлюцинировали водой, бесконечно разнообразной, недоступной влагой. Страшнее всех мук и безнадёжнее самой смерти ощущение усыхающих клеток, вязнущей в жилах густеющей крови.

Фашистские пулеметчики меняли для себя игру. Иногда они подпускали жаждущих к колодцу, позволяли вытащить тяжёлое ведро, позволяли даже припасть губами к краю — не больше. Следующую группу настигали на полпути: не к воде, так назад в укрытие. Безумие жажды было равно дезертирству. Посты перекрыли выходы напротив колодца, одно, что не стреляли в своих.

Сержант погиб днём, при полном солнечном свете. В санчасти умирали раненые, и командование решило дать правильный бой за колодец, не дожидаясь ночи. Они состояли в одной группе, политрук и отделенный командир. Батальону при реформировке отвели постоянный сектор обороны. В группе был единственный ручной пулемет «дегтярь», его взял сержант.

Короткими точными очередями отделенный подавил фланкирующий пулемет. Мгновенно перенацелился и заставил умолкнуть второй. На большее в ручнике не достало патронов.

— Гады, дайте же воды набрать! — Воспоминание было столь отчетливо, что Иван Антонович застыл.

Сержант стоял в рост, в руке порожнее ведро. «Дегтярь» от толчка свалился набок, задрал сошник, как мёртвую лапу. Есть признанная власть победы, одоления, несомненная даже для противника, ибо чувство справедливости коренится в человеке глубже

ожесточения и вражды. Кто мог оспорить горделивое право победителя встать вот так прямо, приблизиться свободно к колодцу.

— Рус, иди, иди! Бери!

Две пули продырявили жестяное ведро, третья вырвала клоч кирзы из сапога.

— Эх, гады! — Сержант яростно швырнул ведро в сторону немцев.

Он упал, захлебнувшись кровью. Дальнейшее обрывалось. Иван Антонович не помнил, унесли тело, или оно осталось наверху, добычей зноя и трупных зелёных мух.

* * *

— ...Политрук!

Звал Бевз, болезненного вида человек с лицом обтянутым и потому выглядевшим моложе, с глазами, навечно сохранившими голодный лагерный блеск. Утром Иван Антонович едва успел перемолвиться с ним несколькими словами.

Его признали в том качестве, в каком он сам ощутил себя сейчас. Слово было естественно среди воронок, исторгнутых взрывами, неслышимое эхо которых продолжало биться о каменные глыбы.

— Ждут тебя!

— Иду, — тихонько, для себя сказал Иван Антонович. Он вышел к дороге, здесь и солнце светило мягче. Люди пропустили его вперед. Нюра отряхнула с мужниного пиджака известковую пыль.

Спуск показался не очень крут, оборонительная стенка давно разобрана. Шахтный двор загромождали

куски сорванной кровли. Невозможно представить, что здесь когда-то слышались мирные рабочие шумы, звенели пилы, и возчики понукали лошадей. Мальчишки-восьмиклассники, прыгая по острым камням, обогнали взрослых и пропали в темноте. Потребовалось возвратить их, чтобы не остаться без провожатых. Воздух глубин был недвижим и плотен, казалось, скала хранит отстой давно погасших огней и выстуженного тепла.

— Зажмурьте глаза, пусть привыкнут.

Несколько мгновений Иван Антонович слушал тьму. Нюра сжимала его локоть. Она висла, прижимаясь к боку, и он чувствовал её страх, её сопротивление в каждом запинающемся шаге.

— Ничего, ничего, мать.

Щупальца фонариков шарили по неровным стенам или вдруг бледным раструбом расплывались в открывшейся пустоте. Несколько раз Иван Антонович задевал головой потолок. В его время каменные выработки были обширнее своей населённостью, полнившей их жизнью. То был целый город с улицами, тупиками, соседствующими или отдалёнными, малоизвестными. Теперь подземелье призрачно оживало лишь вдоль узенькой тропки. Люди побудут и уйдут, и оно вновь сожмётся в холодном оцепенении.

Эти выработки, переходы он узнавал и не узнавал. Вот явно было жильё: на скальной лежанке тырса переслоена сухими водорослями из госпитальных матрацев. В стене торчит гвоздь. Легче сломать, чем вытащить ржавое железо. На гвоздь вешали оружие. Прочее имущество помещалось в изголовье.

Слышались всхлипы, придавленные вздохи женщин.

— Сюда, сюда! — звали мальчишки, всякий раз возникая сбоку, словно кружа.

Цепочка, ведомая лучами фонариков, одолевала завалы, огибала громадные конусообразные осыпи, подземелье делалось все более дико, глухо. Иван Антонович уже не искал примет и не запоминал, хотя внутреннее чувство говорило, что идут верно и что один он шёл бы так же.

Серый верхний свет заслепил неможное электрическое мерцание. Он тёк вдоль конуса со дна сквозной воронки. Мальчишки объявили, что сами спускаются сюда прямо сверху. На дне воронки есть свежая промоина, они её расширили, принесли из дома лопату и лом. Инструмент пригодился, когда расчищали, заваленную штольню. Через воронку же солдаты, посланные военкоматом, забирали наверх останки погибших.

— Дальше кто пойдет? Не уместимся там все. — Мальчишки не очень охотно приглашали желающих.

Иван Антонович отнял от себя нюрину руку. Он полез по шатким камням во вновь сгустившуюся темноту. Проводники шумно дышали где-то близко. Инстинктивно он сжался в узости раскопа.

Дрожащий луч obeжал стены. Чиркнула спичка, и зажёгся самодельный факел. Посредине квадратного помещения стояли стол и высокий табурет. Слева — железная койка, и там что-то чернело неразличимое: тряпки или сгнивший матрац.

Дымные языки лизали потолок. Запах склепа вытеснило смоляным чадом, как от горящего кабеля. Тени расталкивали пространство суетливым отражённым движением. Политрук Горшков бывал здесь не однажды, дышал копотью, видел пляшущие тени. Ему

отдавались приказания, в последнюю свою вылазку он тоже отправлялся отсюда.

— На кровати лежал Дорофеев, а лейтенант привалился к столу.

— В первый раз мы побоялись зайти, а потом взяли сумку с документами.

Трибрат стоял пригнувшись под низкой кровлей. Пламя факела светило сбоку.

— Ротный! — глядя в лицо, позвал Иван Антонович. Дыхание забило хриплым колючим кашлем.

Прошрое, с ним ли, без него, было живо и пребудет всегда.

В л а д и м и р Л о с о

ИХ ИМЕНАМИ

Где гуляют сквозные ветры,
 Боль земли где еще свежа,
 Той земли не отдав ни метра,
 До сих пор солдаты лежат.
 До сих пор их помнят и любят,
 До сих пор их ночами ждут.
 Дует ветер и сушит губы,
 А они домой не идут.
 Видно, очень в пути устали,
 Били ветры стальные в грудь.
 Нет, не мёртвыми наземь пали —
 Прилегли отдохнуть чуть-чуть.
 Обняла их земля родная, —
 Сыновей своих и солдат,
 Возле сердца маки пылают,
 В изголовье дубы шумят.
 Да еще от полыни горькой
 Степь седеет. Молчит и ждёт.
 А под звёздами у пригорка
 Спят солдаты который год.
 Называем их именами
 Наши улицы в городах...
 Обелиск. И вечное пламя —
 Жгучей памятью сквозь года.

ТЯЖЕЛА БЫЛА ВОЙНА

Тяжела была война —
 Чаша горечи без дна,
 Всем пришлось хлебнуть оттуда
 Горя горького сполна.
 Сколько пройдено путей,
 Сколько видано смертей!
 Те, кто выжил, понимают:
 Не вернуть назад друзей.
 Не вернуть друзей назад —
 Обелиски говорят,
 И на кладбище военном
 Пирамидок белых ряд.
 Ветераны той войны.
 Как беречь мы их должны!
 Тех, кто был тогда надеждой
 Всей израненной страны,
 Кто спасал нас от беды,
 От огня и от воды...
 С каждым годом всё труднее
 Им смыкать свои ряды.
 Но они еще в строю,
 Как в последнем том бою,
 По осанке и походке
 Я их сразу узнаю.
 ...Тяжела была война.
 Горе вышито до дна.
 Но стоит у обелиска
 В карауле тишина.

ЧАЙКИ

Чайки кружатся над морем.
Солнце, небо, даль.
Крылья в горестном изломе,
В голосах печаль.

Словно души здесь погибших
В яростных боях
Всё летают над волнами,
Презирая прах.

Через годы, через дали
К нам они летят, —
Чаек белыми крылами
Память бережат.

ТИШИНА

Мы пишем про них стихи,
Мы песни поём про них,
Их много осталось там —
Весёлых и молодых.

Их много осталось там
На чёрных полях войны,
Мечтающих о глотке
Нынешней тишины.

Вы слышите? Тишина.
Мы ею обязаны им,
Ушедшим от нас навек —
Весёлым и молодым.

А л е к с а н д р

Б о й ч е н к о -

К е р ч е н с к и й

(1928 - 2012)

СЕРАЯ ГРОМАДИНА

Уличные бои в Берлине с каждым днём становились ожесточённой. Немцы оказывали упорное сопротивление. Они, видимо, надеялись, что всё однажды переменится в их пользу. Но наши войска постепенно продвигались к центру, отвоёвывая квартал за кварталом. Кольцо всё больше сжималось, словно удавка на шее повешенного. Говорили, где-то впереди рейхстаг – «фашистское логово».

Поредевший взвод лейтенанта Кулика в сумерках выбил немцев из большого дома. Потом оказалось, что это дом Гимmlера. Бойцы с усмешкой шутили: «Вот и добрались мы до «осинового» гнезда...»

Лейтенант, осматривая здание, недовольно ворчал:

– Ничего не понимаю! Мне приказали брать рейхстаг, а где он?

Видимость закрывала серая громадина. Здание стояло как-то боком, и определить, что-либо не возможно. Это и беспокоило Кулика. Но в данную минуту его больше волновало – как организовать оборону дома. К утру гитлеровцы «очухаются» и пойдут в атаку.

Ночью лейтенант не сомкнул глаз, а наблюдал за окружающей обстановкой. Он отчётливо видел – где-то справа строчит пулемёт. По его «голосу» определил – «максим». Трассирующие пули от него рассекали пространство, словно летящие искры от невидимого костра, разносимые ветром. Слева одна за другой

взлетают ракеты и искажают жёлтым светом предметы на площади. Заполночь постепенно стала стихать стрельба, пока не наступила тишина. Да такая, что слышно, как где-то далеко лязгает железо о железо...

Светало. На востоке зарождалась заря. Она медленно и нежно окрасила розовым редкие тучки на горизонте. Чуткая тишина. Война ещё спала и насторожённо прислушивалась к тишине, набираясь сил для ратного дня. Такая тишина бывает только на фронте.

Когда совсем рассвело, все, кто находился в доме Гиммлера, подошли к окнам. Они надеялись увидеть рейхстаг, но серая громадина мешала. Она закрывало собой всё пространство, что за ней – трудно определить. Ещё перед утром залёг туман.

С восходом солнца туман разошёлся и чётче стали различаться предметы на площади. По углам бронеколлапы, чуть дальше замаскированные танки, справа, между деревьев самоходки. Всё это затаилось и ждёт сигнала...

Кулик перешёл к другим окнам – та же картина. Только увидел здание с другой стороны, с окнами, заложёнными мешками с песком.

– Чёрт знает что! – ругался лейтенант.

За его спиной собрались солдаты и задали тот же вопрос:

– Так, где же рейхстаг?

Зазвонил телефон. Кулик снял трубку:

– Пятый слушает!

– Почему не наступаете? – спросил полковник. – Что мешает?

– Серая громадина. Она всё заслонила.

– Сейчас я буду у тебя.

Пришёл полковник и потребовал карту. Рассматривали её и так и этак, но ничего не поймут. Вдруг полковник воскликнул:

– Так это и есть рейхстаг! Только боком. Перебирайся на фасад и атакуй...

Через час началась артподготовка. Сразу загудело, заревело, затряслась земля от разрывов бомб и снарядов. Взвод Кулика пошёл в атаку с фасадной стороны.

Перед ними серое здание с громоздкими, неуклюжими, как ноги слона, колоннами; многоступенчатая лестница перед порталом; окна, заложённые мешками с песком. Между мешками оставлены щели для стрельбы.

Всё это в один миг оцетинилось стволами автоматов и пулемётов и поливало наступающих градом пуль.

Бойцы залегли. Оценив обстановку, поползли попластунски. Пули свистели и жихали, цокали и высекали искры о булыжную мостовую.

С большим трудом взвод преодолел площадь и проник внутрь здания. Бой гремел вначале внизу, потом переходил всё выше и выше на этажи. Тысячи полторы немцев засело в подвалах рейхстага. На что они надеялись, трудно понять. Видно, когда поняли, что им уже не вернуть прежнего своего положения – подожгли здание...

Гореть в рейхстаге было чему. Горела мебель, краска на стенах, вспучился и полыхал паркет на полах...

Поступил приказ по радиации: «Покинуть здание рейхстага. Когда прогорит – станете брать его снова...»

Выходить оказалось уже некуда. Запертые в одной из комнат огнём, бойцы, словно в ловушке, задыхались от дыма. А пламя подступало всё ближе и ближе. Неминуемая гибель.

– Что делать, братцы? – забеспокоился командир.

Ему не успели ответить, как с треском рухнула стена в соседнюю комнату. Такая случайность оказалась спасением.

Когда огонь начал стихать, все выходы из подвалов заблокировали.

После водружения на куполе здания Знамени, бои в рейхстаге продолжались ещё два дня и две ночи. Только второго мая немцы стали сдаваться. Они шли колоннами без оружия к Бранденбургским воротам. Победители выходили из сгоревшего здания закопчённые и смертельно уставшие. Они тут же, между колонн, валились на плиты портала. Засыпая, они и не предполагали, что закончили войну на неделю раньше, чем прогремели залпы салюта Победы.

Слава вам, Победители!

Леоид Панин

ДЕСАНТУ «ОГНЕННОЙ ЗЕМЛИ»

Дан приказ — прорваться к Эльтигену
 Под прикрытием дьявольской ночи.
 Шёл десант морской, взбивая пену,
 К берегам израненной Керчи
 Ветер выл, и мачты гнулись косо
 И стонали в море корабли.
 В бой ушли десантники-матросы
 Сквозь заслоны Огненной земли!

Шторм ревел и бой свистел картечью
 На плацдарме с раннего утра.
 И рвануло над вечерней Керчью
 Словно взрыв, гвардейское «Ура»!
 Здесь волна, окрашенная кровью,
 Нам печально плещет за бортом,
 А в земле, слезой омытой вдовьей,
 Спят бойцы-герои вечным сном.

На седой вершине Митридата
 Потянулись руки к козырькам,
 Чтоб почтить погибшего солдата,
 Честь отдать героям-морякам.
 Серебром покрыл ковыль воронки,
 Седина осела на висках.
 И давно истлели похоронки
 В материнских высохших руках.

ОГНЕННАЯ ПЯДЬ

Из морской дали
Вышли в поход корабли
К берегу крымской земли
В шторм белопенный.
Сквозь свинцовый град
Через кордоны преград
Шли восемнадцать ребят
Вглубь Эльтигена.

Шли матросы в бой
Ночью штормовой
Закусив моряцкую
Ленточку в зубах,
Чтобы с боем взять
Огненную пядь,
И кусочек Родины
Грудью отстоять.

Душами вросли
В пядь эльтигенской земли,
Вместе в бессмертье ушли
Все восемнадцать.
Шли в последний бой,
Чтобы в ночи штормовой
На высоте огневой
Вечно остаться.

Шли матросы в бой
Через смерч стальной
Закусив моряцкую

Ленточку в зубах.
 Чтобы отстоять
 Огненную пядь
 И за землю русскую
 Жизнь свою отдать

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Похоронку мать не получила,
 Сын с войны ни строчки не прислал...
 Почтальон ей весточку вручила,
 Сообщила — без вести пропал.
 Молча, слёзы горькие глотая,
 Не один десяток долгих лет,
 Ожидала сына мать седая,
 В час ночной и в утренний рассвет.

Без вести пропавшие бойцы —
 Сыновья и деды, и отцы!
 Сколько вас лежит в земле сырой,
 Так и не вернувшихся домой?

Прочитала мать в статье солдатской,
 И на сердце сделалось больней, —
 Что вдали, в одной могиле братской.
 Похоронен был боец Андрей.
 Сын едва у матери родился,
 Мать его Андреем назвала:
 — Это мой сыночек объявился!
 Наконец, сыночка я нашла!

Там лежал боец, геройски павший,
С фронта не вернувшийся домой,
После боя без вести пропавший —
Сын какой-то матери другой...

Шелестят листвою вокруг берёзы,
Обернувшись к памяти моей,
На седой гранит роняют слёзы
Пять осиротевших матерей.

ШТРАФНИКАМ НЕ ДАВАЛИ НАГРАД

Выдвигались в атаку полки
И сверкали огнём артралёты,
Шли вперёд на врага штрафники,
Шли на мины и на пулемёты.
Как в пылающий, огненный ад,
Штрафники свои души бросали —
Штрафникам не давали наград,
Их на верную смерть посылали.

С боем взять высоту в этот раз
Был отмерен им срок до заката —
Это был командирский приказ,
Значит, выбора нет у штрафбата
Как до цели живым добежать,
И в дыхании огненных ветров,
Ценой жизни своей удержать
Эти несколько проклятых метров?

Отразили шестнадцать атак
 Восемнадцать бойцов из штрафбата,
 И не выдержал сломленный враг
 Слов отборного русского мата.
 На краю опалённой земли,
 В окруженье войны окаянной,
 Все бойцы, как один полегли,
 Наверху высоты безымянной

Был окончен последний парад,
 Дни сражений давно отпылали.
 Штрафникам не давали наград,
 Их в награду на смерть посылали.
 Среди моря седых ковылей,
 У кургана, избитого боем,
 Восемнадцать растут тополей,
 Как салют неизвестным героям.

ЦВЕТЫ ПОД ЗЕМЛЁЙ

Под землёю цветы не растут
 И слепые дожди не приходят,
 Под землёю последний приют
 Одинокие души находят.
 Под землёю, в глухой пустоте,
 Где холодная смерть обитала,
 Молчаливо лежат в темноте
 Лепестки на плите пьедестала

Где войной земля
Обескровлена
И полынь-трава
Горем вскормлена,
Там седой солдат
Отыскал покой
И с войны назад
Не пришёл домой.
Не пришёл солдат
На родной порог,
И цветы лежат
У солдатских ног,
Под сырой землёй
Обескровленной,
Под полынь-травой
Горем вскормленной.

Под землёю не вянут цветы,
И своих лепестков не теряют,
И на ложе гранитной плиты
Вечным сном в тишине засыпают.
Словно сердцем пролитая кровь,
И весною, и солнечным летом,
Вновь ожившие души цветов
К небу тянутся маковым цветом

Где войной земля
Обескровлена
И полынь-трава
Горем вскормлена,
Там седой солдат
Отыскал покой

И с войны назад
 Не пришёл домой.
 Где войной земля
 Обескровлена
 А полынь-трава
 Кровью вскормлена,
 Не стоят кресты
 Вдоль кривых дорог —
 Там растут цветы
 У солдатских ног.

Н а т а л о я

П р у и н к о в а

(1940 – 2012)

ПОТОМУ ЧТО ПОБЕДА

Солнце было всюду: в небе, в сверкающих окнах домов, в сиянии орденов военных. А главное, оно было сильным, стремительным светом из глаз человеческих. Город тонул в солнце. Огромное, ошеломляющее счастье оглушило девочку. Она видела целующихся людей, слышала смех, рыдания. Но даже сквозь них шла освобождающая душу радость. Война окончилась. Победа!

Девочка смотрела на людей и думала об отце. Взрослые ей говорили: кончится война — папа вернётся домой. Размышления, тем не менее, не отвлекали её от интереснейшей игры — скакать на одной ножке со ступеньки на ступеньку. Парадная лестница, казалось, терпеливо ждала, когда девочка прыгнет неудачно и упадёт. Так и случилось. Поднявшись, она молча потрогала лицо, увидела кровь, закрыла рукой рассечённую бровь и поспешила домой.

Там тоже всё было вверх дном, даже пунктуальная бабушка нарушила распорядок дня и совсем не обращала внимания на Тату (так звали девочку). Тогда она решила заявить о себе каким-нибудь необычным поступком. Удивить бабушку можно было только одним — добровольно вымыть руки перед обедом.

Но вот и руки вымыты, а бабушка не торопится звать. От обиды стало пощипывать в носу. Хотелось есть. Сели за стол и стали болтать. От двоюродной сестрёнки Татки, Любы, девочки в веснушках с каким-то злым носиком, исходило терпеливое ожидание

чьего-то промаха. И Татка чувствовала, что рядом не сообщница по шалостям, а та, кто их непременно выдаст взрослым. Но эти внутренние разногласия сейчас не мешали им болтать не только языками, но и ногами, причём, всё сильнее и сильнее.

Девочки увлеклись, и вскоре деревянная лавка, на которой они сидели, закрипела умоляюще и угрожающе одновременно. Надо бы остановиться! Но Татка уже испытывала упоение опасностью. Свежая ссадина была не в счёт. Девочка хорошо представляла, что сейчас будет. Лавка перевернётся и они, кувыркнувшись, свалятся на пол. Поднимется шум и крик. Сбегутся взрослые. Любина мать, черноглазая и крикливая, будет визжать, что Татка специально уронила её ребёнка. А Таткина мама расхохочется звонким смехом и утащит её в другую комнату. Потом бабушка, статная, усатая, ласковыми руками вырвет ребёнка из рук «этой легкомысленной особы», так звала она Таткину маму, и поведёт девочку кормить.

Татка всё сильнее раскачивала лавку, как вдруг открылась дверь, и появился военный. Девочка мгновенно уперлась руками в стол и лавка замерла. Босонogie девчонки, худые и большеглазые, одинаково открыли рты и восхищённо уставились на вошедшего. Военный рассмеялся, поставил чемодан на пол и лукаво спросил:

— А которая из вас моя дочь?

Татка заорала замирающим от ужаса голосом:

— Папа! Это я! — и заревела во весь голос.

Но тут же была подхвачена сильными руками. Отец смеялся и подбрасывал её ещё и ещё. Татка бабахталась в его руках, потом крепко обняла папу и не

отпускала даже тогда, когда прибежали мама и бабушка. И он всех обнимал вместе с Таткой. Правда, бабушка потихоньку стыдила её:

– Слезь с рук, бесстыдница! Отец устал с дороги. Совести у тебя нет!

Но татка молчала и делала вид, что не слышит. А когда все сели за стол, он снова взял её себе на колени. Все смотрели на папу и все хотели с ним разговаривать. И он смеялся, отвечая взрослым что-то, а потом наклонялся, гладил её по кудрявым русым волосам и спрашивал:

– Ну, правильно я говорю, дочка?

И она отвечала гордо и важно:

– Правильно!

Потом почему-то все стали грустными и стали куда-то собираться. И Татка снова вцепилась в отцовский рукав. Шли долго, и пришли к горе, которая стояла посреди города. Татка подумала, вот бы папа взял меня на руки и понёс на гору, а то я устану, и бабушка будет ругать меня. Папа как будто услышал, поднял её на руки и понёс. Подниматься нужно было долго, бабушка запыхалась, её жалели. А мама стояла рядом и смотрела на отца, он ей улыбался. Татка давно заметила: кто бы долго ни смотрел на маму, всегда начинал улыбаться, потому что она весёлая и красивая. Потом они взобрались на самую макушку горы. Она была круглая и зелёная от молодой травы. С горы был виден город, только дома казались маленькими и почти все было разрушено. Там, в развалинах, мальчишки играют в войну, и проходить страшно: камни так и свистят. А с высоты казалось, что кто-то строил из кубиков дома, а потом пришёл злой человек, пнул ногой и они развалились. Бабушка плакала:

– Что с городом сделали, сынок! Весь разрушили. Ты только посмотри!

Отец молчал. Лицо у него стало твёрдое, как из камня. А ещё он увидел на горе памятник и подошёл к нему. Бабушка встала на колени перед памятником, прижалась головой и стала приговаривать:

– Родные наши! Сколько же вас здесь лежит!.. – Она плакала и гладила каменный памятник.

Папа подошёл, тоже погладил памятник и сказал:

– Спят. Отвоевались. Но они – победители. А город, мама, мы отстроим, выстроим заново. Мы ведь молодые, сильные. И он будет красивее прежнего.

* * *

С тех пор прошло много лет. Татка сама стала бабушкой, и в День Победы она привела на гору свою маленькую внучку. Они стояли на самой вершине горы. Дул сильный ветер. И словно спасаясь от него, к обелиску прижались старые пушки. На их стволах беспечно ворковали голуби. Корзины с цветами окружали памятник. А по склону горы поднимались и поднимались люди. Много людей. Они несли цветы.

– Бабуля! Смотри, сирень, – её внучка, толстушка Ниночка, теребила за платье бабушку, заглядывала ей в лицо.

Но бабушка молчала, она ничего не слышала. Смотрела вниз, на город. Он раскинулся по обе стороны горы. Дымил трубами заводов, голубел сиренью, белел маленькими домами.

На окраинах поднимались девятиэтажки. Город рос. Волнистая гряда холмов – древние сто курганов,

обнимали его. Внизу, в бухте, синело море. Белые яхты летали наперегонки с чайками.

А у самого мола строго стояли военные корабли, украшенные разноцветными праздничными флажками.

В о л е т т а

Р у г е н к о

АПОКАЛИПСИС. МОЙ ГОРОД МЁРТВ

Мой город мёртв! Колючесть облаков
 Уже не рай для местных менестрелей.
 Полынь степей — не ложе для любви,
 А колыбель навек уснувших птиц.
 Скрежещет порт. Зловещ последний вздох
 И стрелы кранов кровью проржавели,
 Хотя ещё чуть теплится внутри
 Движение молекул и частиц.

Мой город слеп. Глазницами окон
 Исклёванными пулями обстрелов,
 Незряче пьёт по капле пустоту
 Разрух и засух, войн и катастроф.
 Лишь стая злых расхристанных ворон,
 Кружит в голодном танце оголтелом,
 Похоже, здесь давно подвёл черту
 Не помнится, когда почивший, Бог.

Мой город нем. Застыл истошный крик
 В иссохших жерлах выбитых воронок.
 В конвульсиях катится эха дрожь
 По стенам обезглавленных домов.

Рыдает над руинами старик
 И плачет чудом выживший ребенок
 Над матерью, рукой стирая кровь
 С седых и неживых её висков.

Мой город глух, контужен. Он распят,
 Да будет проклят злой Вселенский Гений,
 Дающий власть горстями, на развес,
 Вселивший в души липкий чёрный Страх!
 Ты слышишь пульс? Воздвигнутый стократ,
 Святою Верой поднятый с коленей,
 Он будет жить! Ты видишь, он воскрес
 С Победной сединою на висках!!!

Мой город жив, пока жива душа,
 Трепещущая венами предсердий!
 Пока живы Надеждою сердца
 И свет Любви над миром не померк!
 Тогда вернётся, судьбами верша,
 На эту Землю Эра Милосердья!
 И боль шипов тернового венца
 Уже не испытает человек!

ЦВЕТА КРОВИ ТЮЛЬПАНЫ...

*Памяти павших в Великой
 Отечественной Войне посвящается*

*Где шумит седой ковыль в степи туманной,
 Где кричит ночная птица в тишине,
 Расцветают в мае красные тюльпаны
 В память тех, кто жизни отдал на войне.*

Каждый год они весной, взглянув на небо
 Льют на землю лепестков густую кровь,
 Согревая всех давно ушедших в небыль,
 Скорбной линией, застыв на изготовь...

Капли крови в тюльпанах —
 Это память о тех,
 Кто от выстрелов странно
 Грудью падал на снег...
 И в пробитых шинелях
 Насквозь пулей шальной
 Беззастенчиво рдели,
 Прорастая весной.

Цвета крови тюльпаны —
 Как заря над землёй,
 Там, где старые раны
 Затянулись травой...
 Им, ушедшим так рано,
 В мир, где правит покой
 Возлагаем тюльпаны
 На могилы весной.

Вы не плачьте, тюльпаны,
 На могилах солдат!
 Здесь покоятся с миром
 Дед, отец мой и брат!!!
 Не смогли вы их жизни
 До Победы сберечь...
 От рожденья до тризны
 Вы сражались за Керчь.

Среди трав да бурьяна
 Там, на передовой,
 Смертью храбрых тюльпаны
 Пали ниц под горой...

И в глазах ветеранов,
Тех, кто вспомнили бой,
Цвета крови тюльпаны
Заалели слезой.

С чёрной линией рваной
В сердцевине больной
Облетают тюльпаны
Цвет, роняя слезой.
И под звуки баяна,
И под вальс фронтовой,
Вам, отцы-ветераны
Их поклон неземной...

Где шумит седой ковыль в степи туманной...

В СОРОК ПЕРВОМ ДАЛЁКОМ ГОДУ...

В сорок первом далёком году
Отшумели балы выпускные
Под поющий в мажорном ладу
Колокольчика школьного звон.
А наутро мальчишки на фронт
Уходили, совсем молодыми,
Не испившие ласковых
девичьих губ
И без чинных солдатских погон.

Р и м м а

П о л у х а н о в а

(1939 - 2014 г.)

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

Во время Великой Отечественной войны мы жили в городе Котлас Архангельской области. Жили бедно, как и все в то тяжёлое время. Отец в июле 1941 года ушёл на фронт, служил на Северном флоте старшиной I статьи на тральщике. Мама работала воспитателем в детсади́ке, туда же ходили и мы с братом. Это и помогло нам выжить.

Вспоминаю, как по уторам давали нам жидкую манную кашу, которую мой организм решительно отвергал. Воспитатели жаловались маме, но и она ничего не могла со мной сделать. Так что, я обходилась кусочком чёрного хлеба и чуть сладким чаем. В обед, в основном, давали картофельный супчик — вода и размятая картошка, и обязательно по ложке рыбьего жира. До чего же он был противный, но пить его заставляли всех, иногда даже и силой, говорили, что это витамин и его надо пить, чтобы не болеть. И всё же, детский сад был нашим спасением.

По воскресеньям мама наливала в блюдечко немного растительного масла и мы макали в него маленький кусочек хлеба с солью, и казалось, что нет ничего вкуснее!

В садике поварихой была тётя Лена, мы её любили и постоянно крутились около кухни. Иногда тётя Лена выносила нам по маленькому сухарику. Нам, конечно, этого не хватало, и мы поддразнивали её шуточной песенкой: «Тётя Лена, дай полено, нечем печку

растопить». Но, слава Богу, она не обижалась на нас, а очень жалела и сочувствовала нам.

Помню, как-то мы гуляли во дворе и увидели летящий самолёт, с которого вдруг посыпались белые, розовые, зелёные и голубые бумажки. Мы их собирали и отдавали воспитателям. Говорили, — это были немецкие листовки, хотя война до нас не дошла.

Как-то на побывку приехал наш отец, который служил на полуострове Рыбачий, и его корабль тралил мины в Баренцевом море. Когда корабль подорвался и встал на ремонт, команде дали отпуска, и таким образом отец оказался дома. Какой же это был счастливый день! Мы с братом не отходили от отца, а он попросил маму пригласить в гости соседей и накрыть стол. Когда все заняли свои места за столом, папа достал целую буханку белого хлеба, разрезал его и каждый кусочек намазал настоящим сливочным маслом. А когда подали чай, он каждому давал по маленькому кусочку сахара, которые откалывал специальными щипчиками от большой сахарной головки. Вот это был пир! А потом папа взял гитару, и все вместе пели любимые папины песни «Тёмная ночь», «Дороги», «Катюшу», «Огонёк» и другие. Мы с братом тоже пели, потому что знали эти песни наизусть. Как-то папа написал маме в письме слова песни «Тёмная ночь», и этот фронтовой треугольник хранился у нас много лет.

Песни военных лет, такие как «Землянка», «Тёмная ночь», «Соловьи» стали символом веры для каждого бойца, защищавшего от врагов нашу Родину, своих детей, жён, матерей, которые тоже верили, что Победа придёт и враг будет повержен.

А л е к с е й

В г о в е н к о

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

Да, память есть у русского народа.
 Такими создала нас мать-природа,
 Скорей всего, себе же на беду.
 И помним мы, не позабывши втуне,
 Один кошмарно-длинный день в июне
 В том, сорок первом, тягостном году.

Вот европейцы мудро поступили —
 Войну минувшую давно забыли:
 Француз и немец вместе пьют вино.
 И я б забыл... Но стонет, позабытый,
 Мой дед, бесславно на войне убитый.
 А где? И как? Узнать мне не дано...

ПОГИБШЕМУ ПОД ЭЛЬТИГЕНОМ

Простой солдат поры военной,
 О чём ты думал, уходя
 В ночной десант у Эльтигена,
 Когда прибой ревел, гудя?

Вздымалась серых волн гряда,
 В лицо швыряя пены клочья.
 Нет, ты не понимал тогда
 Неповторимость этой ночи.

Была и жизнь не дорога,
Лишь только б до земли добраться,
Чтоб на смертельного врага
В атаке яростной подняться.

А я, — теперь ровесник твой,
Аккордам памяти внимаю
И, молча слушая прибой,
Неповторимость понимаю.

Я понимаю: на века
В народной памяти нетленной
Святой войны твоя строка —
Ночной десант у Эльтигена.

П а т о я н а

Л е в ч е н к о

ВОЕННЫЕ ОРДЕНА

Звучит всё отдалённой канонада
 За плотною завесою годов.
 Вновь надевают ветераны для парада
 Сияние военных орденов.

Не лечит время памяти их раны,
 Хоть слышат они мира тишину.
 И вечно будут видеть ветераны
 В тревожных снах минувшую войну.

И пусть звучит всё глуше гул сражений
 За плотною завесою годов,
 Но с каждым годом строже и священной
 Сияние военных орденов.

МИНУТА ПАМЯТИ

Звоните все колокола!
 И вдруг — замолкните все разом! —
 Минута Памяти пришла.
 Той Памяти, что в горле — спазмом!

Нет этой Памяти светлей,
 И нет ужасней во Вселенной:
 В ней миллионы всех смертей
 Вздыхаются толпой нетленной!

Пусть будет в мире тишина:
 Минута Памяти настала.
 Она в сердца к нам снизошла,
 Богиней Скорби, с пьедестала.

Сердца, как колокольный звон,
 Стучат в груди детей и дедов.
 Великой Памяти закон
 Вступает в силу в День Победы.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Мирных залпов цветная тень
 Опадает дымком на травы.
 День Победы — контрастов день:
 Смех и слёзы, салют и траур.

Но и семьдесят мирных лет
 Из сердец не уносят наших
 Тех, кого уже больше нет —
 За великое счастье павших.

Снова Память в сердца стучит
 Двадцатимиллионным набатом.
 Этой Памяти не изжить,
 Эту Память храним мы свято.

Наши семьдесят мирных лет
 Нам подарены миллионами
 Тех, кого уже больше нет,
 Тех, кто рядом живут —
 безмолвными.

Пробудитесь, очнитесь, сердца!
 Сколько душ среди нас израненных:
 Потерявшие мать и отца
 Бесфамильные, Беспрозванные...

Пусть же Памяти нашей свет
 Не оставит ничьих рыданий:
 Эти семьдесят мирных лет
 Были страшной оплачены данью.

В день Победы, — контрастов день, —
 Смех и слёзы, салют и траур.
 Мирных залпов цветная тень
 Опадает дымком на травы.

В л а д и м и р

В о л о д и м

В МУЗЕЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Под холодным стеклом много медленных лет,
Будто кем-то случайно забытый,
Спит безвременным сном комсомольский билет.
Спит, жестокою пульей пробитый.

Юный воин его в блиндаже получал,
С торжеством, хоть и наспех немного.
Всю дорогу он сердцем билет ощущал.
Жаль, недолгой случилась дорога.

Я не знаю короче и ярче пути.
Он, как молнии высверк во мраке.
Им обоим судьбою судилось пройти
От окопа — до первой атаки.

Шёл в атаку билет, не страшась ничего,
Хоть в разрывах земля клокотала.
Ведь впервые под тонкой обложкой его
Настоящее сердце стучало...

И сегодня билету в тиши вновь и вновь
Та атака смертельная снится.
И вскипает горячая юная кровь
На его пожелтелых страницах

СОН ФРОНТОВИКА

Нынче день по-праздничному солнечный.
Я надел парадный свой мундир.
Фронтowych друзей с сестричкой Сонечкой
В дом ко мне привел мой командир.

Помню, Соня, медсестрёнка милая,
Как из боя вынесла меня...
Благодарных слов достойной силы я
Не нашел до нынешнего дня.

Я щиплю гитару семиструнную
В том бою утраченной рукой...
Что же вы, друзья, такие юные?
Да и я сегодня молодой.

Выпьем же за встречу! Мы не виделись,
Почитай, уж шесть десятков лет.
Что не навестил, вы не обиделись?
Ведь могилой вам — весь белый свет...

Наливай, сержант, по полной кружке нам —
Фляга не записана в реестр.
И пройдемся в сквер, к театру Пушкина,
Где играет духовой оркестр.

К черту костыли! Ах, Соня! Сонечка...
Я с тобой танцую вальс-бостон.
А потом отпляшем лихо полечку,
Лишь бы не кончался этот сон!

Только б не кончался этот сон...

ФРОНТОВЫМ КИНООПЕРАТОРАМ

Кажется, так давно,
Будто в седых веках,
Кто-то снимал кино,
Камеру сжав в руках,

Под пулевую трель,
В самый жестокий бой,
В ливень, в жару, в метель
Камеру нес с собой.

Миг превращая в час,
В год или даже в век,
Сам погибая, спас
Камеру человек,

Чтобы за толщей лет
Тем, кто войны не знал,
Мирного неба цвет
Много дороже стал,

Чтоб нашей цели быть
Ясною, как рассвет:
Мир на земле крепить –
Дела важнее нет!

ОДНАЖДЫ В ПОЛЕ

Тучки — белые барашки,
 Стадом к югу побрели.
 Веет запахом ромашки,
 Перекопанной земли...
 Как не совестно кукушке
 Куковать сто раз подряд? —
 У разбитой нашей пушки
 Вечный сон сморил ребят.
 Лихо вырулил на пашню
 Трактор, траками звеня.
 А на нём — с крестами башня,
 Да жестокая броня...
 Не водить мне девок боле
 В рощу, слушать соловья.
 Двое нас осталось в поле:
 Вот он — танк и вот он — я.
 С головы сорвав повязку,
 Под ракиновым кустом
 Я вяжу гранаты в связку
 Окровавленным бинтом.
 Не завидую вражине
 (Да и кто ж тому виной?):
 Он погибнет на чужбине.
 Я — в сторонушке родной.
 А пока он прёт, надеясь
 Всю Россию покорить,
 Я под солнышком согреюсь
 И успею докурить.

С в е т л а н а

Б у р о в а

ИХ ВЫСОКАЯ МЕЧТА

*Поколению, пережившему
Вторую мировую войну,
посвящается*

Отгремели бои за Отчизну
И победный салют отсверкал,
Шли тернистой тропой к коммунизму,
Свято верили в свой идеал.
Расцветала страна, но, к несчастью,
Сговор туч над собой не учла.
Разыгрались страстишки и страсти.
И до слёз не хватает тепла.
Что награды? Для них ли трудились
День за днём, от зари до звезды?
Только б дети отцами гордились,
Только б внуки не знали нужды.
Только б были разумны, здоровы
И пред силой не падали ниц.
Только б гидра фашистская снова
Не посмела нарушить границ.
Ах, тревоги! Как змеи в постели.
Ах, душа! Продержись до утра.
Только б внуки построить сумели
Царство мира, любви и добра!

А н н а

У д н о в с к а я

ПРОЛИВ

*Памяти моего дяди И. Л. Раскина,
ветерана 51-й Армии*

Мои дядя и тётя жили в Симферополе. Иногда летом они приезжали к нам в Керчь. Тётя, высокая, уже немолодая женщина с пышными волосами и яркими, детски голубыми глазами, певунья, очень любила море и вообще воду. Она сама себя за это называл «уткой».

Всей семьёй мы шли на пляж. Тётя сразу шла купаться. Она заходила в воду на такую глубину, чтобы доставать дно, и медленно плыла вдоль всего пляжа туда и обратно, так что, на берег выходила не скоро.

А дядя садился на топчан спиной к морю, и взрослые о чём-то тихо беседовали. Нам, детям, это было неинтересно. Мы с разбегу бросались в море, визжали и брызгались недалеко от берега.

Когда солнце начинало уж очень сильно припекать, дядя заходил в воду по колена. Мы звали его: «Дядя, иди к нам!» Ведь со взрослыми купаться всегда интересней: за них можно цепляться, как за буёк, там, где уже не достаёшь дно, а не плескаться на мелководье, как лягушата.

Но дядя не слышал нас. Он стоял в воде и смотрел куда-то в даль пролива. И было в его взгляде что-то такое, что мы, ребятишки, даже шуметь переставали. Простояв так с полчаса, дядя набирал в горсти морскую воду, выливал её на свою совершенно безволосую голову и возвращался на топчан. Никогда глубже чем по колена он в воду не заходил. Только

уже будучи подростком, я узнала причину столь странного дядиноного поведения.

...Шла война. В мае 1942 года немцы прорвали оборону Крымского фронта. Наши войска отступили к Керчи. Часть бойцов удалось на катерах переправить на Таманский берег, но вывезти всех не представлялось возможным: не хватало катеров, немецкая авиация постоянно бомбила пролив.

Дядя воевал в 51-й Армии, часть которой осталась на крымском берегу. Многие ушли в Аджимушкайские катакомбы. Дядя рассказывал: «Я пошёл, посмотрел. В катакомбах мне не понравилось». Он вообще был немногословным человеком. Но теперь-то я понимаю, что своим практичным крестьянским умом дядя понял: войти – легко, а вот выйти оттуда живым...

Он решил, как и другие, переправляться через пролив самостоятельно. Дядя был автомехаником, поэтому он снял с брошенной машины колесо и из покрышки сделал плавсредство. Такие же приспособления он сделал двум девушкам, которые тоже собирались переправляться. Плавать дядя не умел. Наши катера подбирали плывущих в проливе бойцов, но под бомбёжкой далеко не всем удавалось достичь спасительного берега.

Я не знаю, доплыл ли дядя сам, или его подобрал катер, но он остался жив и воевал дальше. Однако он никогда не забывал эту переправу. Под разрывами бомб на утлом плавсредстве, совершенно не умея плавать.

Для нас, детей, пролив был тёплым и ласковым морем, а для дяди он навсегда остался границей между жизнью и смертью.

М и х а и л

У г н о в с к и й

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Война с фашизмом продолжается.
 Борьба словесная идёт.
 Добро со злом вовсю сражается:
 Немало тех, кто подло льёт
 «Бензин на угли безрассудства,
 Что густо тлеют там и здесь.
 Нашлись среди людей искусства
 Забывшие про совесть, честь;
 Талдычат ложь средневековую,
 Злым мифам жизнь давая вновь.
 А где ж разумное, толковое,
 Где к людям, к Истине любовь?
 Но, одолевши все преграды,
 Она своё возьмёт. И вот
 Народам главная награда:
 На Землю вечный мир придёт!

А р у с а

А л е к с е в а

ВETERAНАМ К 23 ФЕВРАЛЯ

Дорогие друзья, мы хотим вам сказать,
 Что на сердце горит и не может молчать.
 Нашу жизнь отстояли вы в страшном бою,
 У черты побывали, на самом краю.

Жизнь вам счастье и горе отпустила сполна,
 Сердце стонет, читая всех друзей имена.
 Чтоб при слове «Победа»
 так от счастья рыдать...
 Силу радости той нам в судьбе не узнать.

А сейчас вы всё те же, что и годы назад,
 И такой же бесстрашный и доверчивый взгляд.
 Так же будете вы за Отчизну стоять,
 Вам для друга не жаль даже сердце отдать.

За погибших в боях выпьем чашу до дна,
 Нас простите, что есть перед вами вина,
 Что не можем теперь вас от бед уберечь,
 Что всё меньше людей ждёт тепла этих встреч.

Береги вас судьба и от бед сохрани,
 Всех, кто сердцем богат, а душою раним.
 Что от смерти лихой нас сберечь вы смогли,
 Низкий-низкий поклон вам, до самой земли.

ВETERAНЫ

Ветераны, друзья дорогие,
Как нам хочется с вами дружить
И к ногам вашим, наши родные,
Все на свете награды сложить.

Драгоценней алмазного фонда
Ваших душ побеждающий свет.
Вы живите ещё долго-долго,
Окончания подвигам нет.

Вы достойный пример человека
Посреди тяжелейшей войны.
Ветераны, вам в жизни полвека
Часто снятся военные сны.

Снится берег и волны морские,
И десант, и осенний рассвет,
Украины дороги, России,
И ребята, которых уж нет.

В жизни выпали вам не свиданья,
Не свирель соловья в ту весну,
А такие судьбы испытанья,
Десять жизней вместились в одну.

Вдруг случится година такая,
Повторить мы ваш подвиг смогли б?
Увидав вас, мы шапки снимаем,
Низкий, низкий поклон, до земли.

Люди, мир от врагов берегите,
Пусть не будет пожаров во мгле.
Каждый воин, как ангел-хранитель,
Охраняет покой на земле.

Вспомнив молодость, дни боевые,
От волнения слёзы из глаз.
Вы защитники наши родные,
Что б мы делали в жизни без вас?!

B e p a

K o b a n o

ГАЛИН ПЛАТОК

На дворе уже смеркалось, когда Галя вышла из здания госпиталя подышать свежим воздухом. Девочки по очереди выбегали на улицу. Военный госпиталь переполнен ранеными солдатами. Тяжелый воздух и усталость давали о себе знать.

Сегодня для всех был особенно трудный день, хотя легких дней давно уже не было. Утром пришел состав с ранеными из полевых госпиталей. Передохнуть не было времени ни у кого. Бедный Иван Петрович, самый опытный и уже в возрасте, хирург госпиталя, не отходил от стола целый день. Вот только покурить ему давали в перерыве между операциями. Зажигали папиросу, и с рук медсестрички затягивался, делая глубокие вдохи едкого дыма, чтобы надольше сохранить его в лёгких. Вредная привычка, но он не мог и не хотел её оставить. Перед самой войной умерла жена, и он стал курить ещё больше. Несколько затяжек — и снова в «бой».

Галя ещё немного постояла, вдыхая глубоко чистый осенний воздух. Было начало ноября 1944 года, но морозов еще не было. Галя посмотрела на небо, на котором была видна огромная синяя туча. Листья на деревьях почти опали, и земля была покрыта толстым слоем золотых листьев, словно пуховым одеялом. Галя посмотрела вдаль, и ей почему-то пришли в голову слова из есенинского стихотворения:

*Отговорила роща золотая,
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.*

– Да, хорошо журавлям, они домой улетели, а я вот здесь, далеко от дома, – вслух сама себе сказала Галя. Совсем недавно, казалось, с ребятами пели песни вечерами. – Ой, что это я в воспоминания ударилась, – также вслух произнесла она и оглянулась, как будто её мог кто-то услышать. – Еще чуть-чуть постою и пойду, – уже шепотом сама себе сказала Галя, как вдруг неожиданно очень робко сначала, а затем смелее стал падать снег. Она даже руки подставила, чтобы убедиться, не привиделось ли ей, но оказалось, что нет. Действительно, снег падал такой крупный и пушистый, что ей захотелось его ловить в ладони, как в детстве. Галя с плеч одела на голову пуховый платок, так как стало совсем холодно. Его дала мама, когда провожала свою кровинушку на фронт. Галя не хотела брать, но мама настояла, сказав при этом: «Галиночка, доченька, он убережет тебя, согреет, и я всегда буду рядом с тобой», – обцеловала дочь и перекрестила по-матерински. Ну как после этого не взять?

– Ну, вот и маму вспомнила, – и у Гали скатилась слеза. Она быстро ладонью смахнула её, как будто кто подсматривал за ней. Мамин платок такой мягкий и теплый, как мамины руки. Ей казалось, что и сейчас она чувствует их тепло.

– Галя, ты где? – услышала голос Наташи, подруги, операционной сестры. Вместе заканчивали краткосрочные курсы медсестер, вместе попали в один

госпиталь. Вот только Галя не смогла быть операционной, даже ассистенткой боялась присутствовать в операционных, а Наташа – нет. Она такая смелая и бойкая девушка.

– Я здесь, – отозвалась Галя, – сейчас иду! – Она оставила свое место отдыха и пошла к зданию госпиталя, когда уже совсем стемнело. Когда вошла в здание, то обратила внимание на себя. Она была вся усыпана снегом. Первым её заметил Толя, медбрат и на все руки мастер, и как закричит:

– Посмотрите! К нам Снегурочка пришла! Вся в снегу!

– Ой, и правда вся в снегу, – сказала удивленно Галя.

– А что, на дворе снег идет? Вот здорово! Зима! Галя к нам зиму принесла! – радовался как ребенок Толик.

Никто, кроме Гали, и не заметил, что шел снег, некогда было даже в окно глянуть. Толя начал сгребать с неё большими ладонями снег и прикладывать к своему лицу, освежая его.

– Браты, как здорово, зима пришла! – было и радостно, и грустно. А грустно от того, что надо было согреть как-то больных. И радоваться пришлось недолго. Из операционной вышел Иван Петрович весь бледный, и если бы не расторопность Толика, то он мог бы упасть прямо в коридоре. Толя его подхватил и скомандовал:

– Носилки, быстро – и на воздух! – Его положили на носилки и вынесли на улицу. – Пусть немного отдохнет. Разойдитесь, дайте воздуха!

Через минуту Иван Петрович открыл глаза и сказал: «Дайте лучше закурить. Восемь часов, как не курил».

Толя быстрым движением достал из своего кармана пачку папирос, вытащил одну, подкурил и дал в рот Ивану Петровичу, не выпуская её из своих рук. Иван Петрович сделал глубокую затяжку и закрыл от удовольствия глаза, как будто у него во рту была самая вкусная на свете конфета. Толик держал папиросу в своих руках, чтобы руки хирурга немного отдохнули. Сделав несколько затяжек и выдохнув дым, сказал:

– Сейчас немного отдохну и встану, а ты, Галя, нужна там одному хлопцу. Совсем еще юнец, мамку кличет. Жаль мне его. Боюсь, что до утра не дотянет. Ранение было сильное в живот, пошли осложнения. Вчера оперировали. Сделали всё, что смогли. Теперь вся надежда на организм молодой да на Господа Бога. Сделай укол обезболивающего, погладь по голове, возьми за руку, ну, в общем, как мамка сделала бы.

– Хорошо, Иван Петрович, а как я его найду? Ведь там столько солдат лежит.

– Найдешь. Он маму зовет. Вот и будешь ему мамой, на время, правда. Ступай.

Гале ничего не оставалось делать, как подчиниться старшему. Ивана Петровича вся молодежь называла «Батя». Он всем почти в отцы годился.

Галя вбежала в процедурную, взяла шприц, набрала из ампулы лекарство и крупными шагами направилась по коридору искать палату с больным под именем «Х». Пройдя почти весь коридор, Галя услышала стон, затем зов:

– Мама, мамочка, родненькая!

– Мама, мама, – уже тише шептал раненый. Галья сняла с себя пуховый платок и накрыла им больного под самый подбородок к ушам, как бы обнимая. Вытерла со лба пот и нагнулась, чтобы поцеловать в лоб, но вдруг вспомнила, что так целуют покойников, и отдёргнулась.

– Мама, ты здесь? Я знаю, ты здесь. Это твои руки.

– Спи, сынок. Я не оставлю тебя, – также тихо сказала Галя.

Через некоторое время в палату зашел Иван Петрович и спросил:

– Ну как дела?

– Плох ещё, но уже тише бредит. То ли уснёт, то ли умрёт, но лучше первое.

– Галя, ты умничка. Платком укрыла, как мать родная. Может, выкарабкается. Ты везучая. Вот и его спасёшь, – по-отцовски сказал «Батя».

От этих слов ей стало легче, как будто это были слова её отца, настоящего.

– Галя, вот еще что, зачем приходил. Как только уснет, разу ко мне. Ты мне очень, очень нужна. Тут такое дело... – и посмотрел в её глаза так глубоко, как в душу. Ей стало интересно, зачем она ему нужна, что за такое дело. Ей даже жутко стало. Что он хочет ей сказать?

– Нет, сначала час на сон, а затем ко мне и без лишних вопросов. – Галя съёжилась, как провинившийся щенок.

– Я что-то не так сделала?

– Нет, сейчас не могу сказать, потом.

Иван Петрович ушёл, подопечный уснул, а Галя пошла в ординаторскую, прилегла на кушетку, но сон не шёл. Через час Галя еле поднялась и пошла искать Ивана Петровича. Он её сам первый увидел.

– Галина, хорошо, что пришла. Вот такое дело. У нас один раненый лежит, очень тяжёлый, потерял много крови, но кровь у него очень редкой группы. –

И тут Галя догадалась. У неё четвертая группа. Это и есть значит важное дело.

– Я готова, – сказала бодро Галя, не дав договорить хирургу.

– Идёмте!

Прямое переливание для неё было первое в жизни.

– Затем в столовую. Там тебя будут ждать, чтобы накормить.

– Иван Петрович, я сначала сбегая в палату к своему «сынку», посмотрю, как он там, хорошо?

А «сынок» мирно спал, дышал, правда тихо, но живой. Галя перекрестила его и тихонько вышла из палаты.

После переливания Галя отдохнула до утра, а затем пошла проведать своего больного. Открыв дверь, она увидела, что он лежит с открытыми глазами. Хотя они не были широко открытыми, но Галя увидела их голубой цвет. Она чуть не запрыгала от радости у дверей.

– Живой! Как я рада! Мы все за тебя переживали. Значит, долго будешь жить.

– Девушка, а правда, что вчера ко мне мама приходила? Вот даже и платок её. Это она накрыла меня им?

– Да, я вчера была твоей мамой, а платок это мой. Ты всё маму звал, бредил, ну я и решила стать тебе мамой.

– Сестричка, а у моей мамы точно такой же платок. А как вас зовут?

– Галей.

– Вот и мою маму Галей звать! Надо же!

Галя сияла от счастья.

– Видишь, вчера была тебе мамой, а сегодня де-
вушкой и сестричкой меня называешь, но лучше быть
сестричкой, чем мамой. Тебе сколько-то лет и как тебя
звать, братец?

– Мне семнадцать, скоро восемнадцать. А зовёт
меня мама Николкой – Николаем значит. Я в день
Святого Николая родился. Так и назвали.

– Да, у тебя сильный покровитель, – сказал сосед
по палате. – Крепко тебя держал, не отпускал. Да вот
и Галина не дала тебе уйти. Всю ночь возле тебя нянь-
калась, молитвы читала, платком своим укрыла, как
крылом ангел-хранитель. Всю жизнь должен благода-
рить её. Хорошая дивчина.

Коля протянул Гале пуховый платок.

– Спасибо, сестричка! Ты теперь навсегда оста-
нешься моей сестрой. Ты спасла меня, мама, и пухо-
вый платок.

– Живи, братик! – Галя подошла и по-матерински
погладила его по голове. Коля был еще слаб, бледен,
но живой, как этого очень хотела Галина.

Свой день рождения Коля встретил в госпитале
вместе с соседями по палате и Галей.

Š a u n a

D e ř u ť

ОГНЕННАЯ КЕРЧЬ

Я не видела Керчь военную.
По рассказам пишу стариков.
Как с любовью к ней достоверною
Защищали её от врагов.

Натиск бешеный вихрем огненным
Наступал, вырывая крик.
Диким гулом выл, но несломленным
Дух народа был, и велик.

Бомбы падали. Пыль. Воронок ряд.
Не один квартал опустел.
Юнкерс шёл в пике. По всему подряд
Бить без промаха он умел.

Разрушал в упор всё, что виделось.
Он с землёй хотел Керчь сравнять.
Чёрным коршуном, смертью двигалась,
Безысходностью злая рать.

Но народ-герой во весь рост вставал.
Грозен глас его, грозен вид.
Стиснув зубы, шёл, твёрдо верил, знал,
Что в борьбе с врагом победит.

Отстояли Керчь. Возродили вновь.
Память вечная всем жива.
Расцвели сады там, где пала кровь.
Не нужны для павших слова.

ТИШИНА

Мы как будто одни
Здесь сидим в тишине.
Всё затихло вокруг,
Всё безмолвно.
Мчатся ночи и дни
В свисте пуль и в огне.
Ждём Победы, мой друг,
Безусловно.

Перед боем всегда
Тишина... тишина.
А над нами шатёр поднебесья.
Где-то мама одна.
Знаю, плачет она.
Где-то милое сердцу Полесье.

Как хочу я домой!
Я вернусь, мама, верь!
Ты любовью своей охраняешь.
Встречусь скоро с тобой.
Ты откроешь мне дверь.
Я — не тот. Я — другой. Ты узнаешь.

Припев.
Тишина. Тишина.
Не нужна нам война.
Не нужна. Не нужна. Жизнь важнее.
Мы с победой придём.
Много стран обойдём.
Стал дороже нам дом и милее.

ОТГРЕМЕЛИ БОИ

Отгремели, отшумели все бои.
 Наши головы давно уж побелели.
 Как давно с тобою мы не пели
 Песенки солдатские свои.

А вода по грудь и в сапогах.
 Рядом те, кто мог, уже поплыли.
 Вот и берег в двадцати шагах,
 А за нами — жизнь — большие мили.

А нам жизнь дана совсем не зря,
 Так давай обнимемся с тобою.
 Верю я, нет, всё же верю я
 В наше поколение молодое.

Как давно не виделись с тобой,
 Но сумели дружбу мы сберечь.
 Помнишь, как мы выиграли бой,
 Как в огне пылала наша Керчь?

Припев.
 Так давай запоём, как живём на земле.
 Вот и слёзы бегут. Что ж такого.
 Мы помянем друзей. Хлеб да соль на столе.
 Чарку снова нальём, вспомним снова
 Наших бывших друзей.

Ну-ка, друг мой, налей.

П р о з а

М а р и н а

М а т в е е в а

г. Симферополь

РОЖДЕСТВО БЛОГЕРА

– Я ему про Водокачку расскажу! (требовательно, истерично).

– А. Я. Про. Ко. Тят (размеренно, со среднерусским оканьем).

Это мама и прабабушка Рэтти спорят, кому рассказывать ему сказку.

Ну, про котят – это понятно. А вот Водокачка – это уже прорыв в мышлении. Тем более, что победила мама, утащила Рэтти в свою комнату и зажгла именно о ней.

Но есть и преамбула. Дело в том, что мама Рэтти – вдохновенный импровизатор. Да ещё и с психологическим уклоном. Последним её импровизом была сказка о кошке без хвоста, которая по этому поводу очень комплексовала. Тем более, что была влюблена в кота с умопомрачительно пушистым хвостом. Но она избавилась от комплексов, когда победила в состязании по бегу задом, организованном Раком. Тот умел пятиться исключительно назад и активно пропагандировал всем своё учение. Так вот, наша кошка победила, поскольку отсутствующий хвост не мешал движению, как это было с другими зверями. Пушистохвостый кот вообще пришёл последним и понял... странно, что понял, а не расшипелся от зависти... что часто наши недостатки могут обернуться достоинствами. И сразу же предложил кошке выйти за него замуж. Возможно, потому, что задоходство стало очень популярным учением и могло пригодиться в

жизни. А возможно, просто кошка, избавившись от комплексов, стала ужасно обаятельной.

Но это было вчера. Сегодня нас ожидает Водокачка.

Один дядечка выиграл в лотерею машину. Но ему вместо ожидаемой иномарки выдали эту самую Водокачку. Ох, и расстроился же он! Ох, и обиделся! До слёз.

Но Водокачка оказалась, конечно же, говорящей. И сказала ему: «Не горюй. Вот увидишь – я тебе ещё пригожусь». И начала совершать подвиги. Сначала обогнала все иномарки города. На каком основании, непонятно, но так было надо. Затем спасла город и своего хозяина от ужасающей жары, напоив его водой, раздавая воду людям, поливая деревья и смывая с дорог наглую серую пыль, которой было очень много, просто пласты ползучие, так как прошёл самум. Затем – нет, это ещё не апофеоз, но тоже круто! – конечно же, случился пожар. И горел именно дом, в котором жил хозяин. Водокачка пожар, разумеется, залила. И очень оперативно, поэтому ничего не пострадало. И все очень полюбили Водокачку, она стала национальной героиней города. Супермен на колёсах. Всегда приедёт на помощь. И звать не надо.

Апофеоз же случился тогда, когда в город прилетели инопланетяне. И вылезли из канализаций подземные монстры – кошмарный сон пьяных диггеров. И пришли из окрестных лесов злые йети вкупе с летающими зверолюдьми, обладавшими сильнейшими суггестивными способностями. Да, в этом городе очень любили смотреть канал «Мега». Но, тем не менее, кто-то не тот к ним всё-таки прилетел, пришёл или прилез.

Так вот, когда к ним прилетел-пришёл-прилез Кто-то-Не-Тот и попытался захватить и поработить город, наша Водокачка поступила страшно. Она облила его водой. А так как на его планете воды никогда не существовало, то его реакция на эту странную и агрессивную субстанцию оказалась непредсказуемой.

Ну, тогда это точно не могли быть монстры из канализации, потому что в канализации вода есть однозначно. Так кто же это был?

На этом моменте маму Рэтти закоротило. Потому что ей самой было интересно, кто же это был. Она зависла, как компьютер, с глазами, застрявшими в потолке, и задумалась о том, зачем это всё вообще. Зачем она рассказывает ребёнку всю эту безумную сказку. И не послать ли всё нафиг, не уехать ли в Хренландию, к тамошнему дервишу за просветлением. Да вот потолок не покрашен, и прабабушка. Ещё мама Рэтти задумывалась о том, не является ли она придатком к своему ребёнку, и где её собственная личность, и зачем она вообще живёт. Потому что маме Рэтти было 30 лет, и ей уже казалось, что всё.

Может, потому она описывала смерть инопланетянина так жестоко и реалистично. При этом помня, что дети любят страшные и уродливые сказки, и не надо бояться им их рассказывать – типа разрушишь психику. Не разрушишь, а наоборот – закалишь. Ребёнок будет знать, что если облить водой злого йёти... да, мама произносила его имя именно так, с надрывом и матерным пафосом... то из его живота выскочат все амперметры, которые он съел за свою жизнь. Ибо питался он исключительно амперметрами, и город хотел захватить для этого – в городе был самый большой амперметр во всём мире, и йёти мог бы кушать его

долго, по кусочкам, целый год. Амперметр – это такой брахиозавр, только пыльцеядный, он жил в местном зоопарке и вообще был занесён в Красную книгу, потому что всех его братиков и сестричек поели йёти, а люди спасли только троюродную бабушку, племянника снохи деверя и его самого. Но те города, в зоопарки которых отправили двух других, злодеи уже захватили и зверушек поели. А теперь голодают.

Так вот. Если облить – высасывают. Живыми. То есть, йёти снова есть, кого кушать, и наш город с его зоопарком они оставят в покое. Так и случилось. Ушли с миром, захватив всех выскочивших карбюраторов ...мама увлеклась, да... для запасов на зиму. Из Водокачки карбюратор не выскочил, потому что у неё его не было. Она же живая.

И тут взъерошенный Рэтти понял, что за мамой надо записывать. И начал.

Прошёл год. Мама уже ничего не рассказывала, так как увлеклась разведением зеленоухих стеклояблочек в дамском клубе по хендмейду с элементами эзотеротической психотанкистики по методу Пердса. А Рэтти всё записывал. И записывал. И появился у него Блог в ЖЭЖэ, и он каждый день туда что-то записывал. И записывал... и записывал...

И записывал.

И записывал.

А что ещё делать, если у тебя такая вдохновляющая на что-то другое жизнь?

А н т о н

М о с к а т о в

ЭПИДЕМИЯ

Опадают листья. С приходом осени, что затянулась до зимы, смиренно опадают. Поняли, что бороться бессмысленно, и опадают. То ли от резких порывов ветра, что так редки этой осенью, то ли просто оттого, что устали висеть на ветках и украшать своих родителей. Каждый лист похож на человека с его перипетиями жизни – рождается в самую светлую пору, расцветает и дарит, а если повезёт, то и отрывает себе маленький кусочек счастья летом, стареет, меняет цвет, обретает мудрость (если обретает) и, наконец (а это уже всё), уходит прахом к земле к приходу зимы.

Люди бестолковой листьев – те хоть знают, что питают своего родителя, дают ему силы к росту и жизни, за что он им платит своей защитой и покровительством.

Человек же, напротив, всю жизнь пытается от своих покровителей избавиться, доказать свою самостоятельность, автономность, хотя на неё способны единицы, уйти от родителей, поднять своё Я над другими, ничего не меняя вокруг, в тщеславной надежде наивно предполагая, что оставшиеся какие-то там несчастные шесть миллиардов людей должны к этому Я прислушаться и принять желания к исполнению.

В этот момент вспоминается одна история, что рассказал мой старинный приятель ещё со школьной скамьи. Это история одного молодого человека, что пытался доказать окружающим, и себе, конечно, в первую очередь, хотя в этом боялся признаться, свою значимость.

Работал этот самый юноша на заводе сторожем. Работа не плохая, конечно, но и не хорошая – обычная, как и все. Хотя, откровенно говоря, был у неё

один серьёзный плюс – график работы сутки через трое не мешал учёбе в институте. И, как известно из школьного курса математики, если что-то где-то прибавит, то в другом месте столько же, это к бабке не ходи, убавит – зарплата была так себе – пиво два три раза в баре попить да девочку в кино сводить. Хорошо, что жил он с мамой и во всем её слушался. В общем, был послушным и почтительным сыном. Да она же его на завод и пристроила. Когда двое работают – это всё одно легче, чем когда один лямку тянет.

И смотрел этот юный молодец да с маменькой на другой отдел завода, где и зарплата была раза в три повыше, да и работать приходилось меньше, а если говорить правду – вовсе не работать. Жаловались, бывало, они в два голоса, нечасто, правда, раза по три в день, не больше, что они хороши, а удачу ухватили другие.

И однажды были услышаны их жалобы в небесной канцелярии – после увольнения одного из сотрудников, шеф отдела предложил парню перейти к нему. Предложил, видя, что парню тяжело приходится, хотя вертелись в голове слова директора: «Я их всех очень люблю и уважаю, но ты меня извини...» Да жаль было парня – сам помнил, как в молодости всего хочется, а не хватает. Взял, да проклял тот миг, когда делать это удумал.

Нет, поначалу, месяца два-три всё было нормально. Парень сидел тише воды, ниже травы, присматривался, приглядывался, учился. Оказался он смыслённый, хватал всё на лету, был аккуратен и исполнительен. Но, как и все, кто ещё не вкусил чёрствого, но незабываемо прекрасного куса самостоятельной жизни, абсолютно не способным решать вопросы,

в которых необходимо было брать ответственность (а может это было семейное).

Теперь, когда он работал в другом отделе, он уже не говорил, что здесь не работают, а напротив, утверждал, что нагрузка здесь огромная. Воистину говорят, что ежели не видишь, это ещё не значит, что этого нет. И, примерив чужой тулуп по себе, он понял, что не всё в этом мире легко дается. Научился парень работать, простые вещи у него стали хорошо получаться – то, что ему доверили, раньше курировал сам шеф, и всё там было отлажено, только не зевай и не считай мух.

И вот тогда заболел он. Заболел он болезнью не просто неприятной, как насморк, обидной, как трихомонада и неподдающейся медикаментозному лечению, как простуда. Заболел он болезнью лихой и неизлечимой, да ещё в очень обостренной заразной форме – звёздной.

Зарплата вдруг стала маленькой, совсем не соответствующей уровню нагрузки, начальник превратился в самовлюблённого придурка, а сам парень расцвёл и стал специалистом, что мог решить любую проблему, не разбираясь в ней и не выходя из кабинета. А поскольку этот вирус был заразен, то через месяц им уже болел весь отдел. А мама славного паренька, повинаясь материнскому инстинкту, который, вообще, как и большинство благих намерений, выстилает известную всем живым, слава Богу, лишь понаслышке дорогу, не решилась лечить сына, а вскоре заболела и сама (хотя, лично у меня есть подозрения, что она-то и являлась хроническим переносчиком данного заболевания, которое лишь обострилось).

А болезнь все прогрессировала – теперь зарплата была такой, что уважающий себя человек вообще бы из-за нее мараться не стал, начальник – вообще сущий урод, а парень – борец за очищение мира от уродов и прочей нечисти. В общем, началась эпидемия.

Шеф отдела, честно сказать, струхнул не на шутку. За его практику таких вспышек болезни никогда не было, кроме единичных случаев, которые удавалось обуздать своими силами, поэтому с повинной головой он устремился к директору. Тот долго слушал, слушал внимательно, не перебивал, долго думал. Но молчанием делу не поможешь, делать нечего, пришлось вводить карантин и сражаться с эпидемией.

В первую очередь директор прописал прививки шефу отдела, состоящие из разных компонентов типа: «Знаешь, что я по этому поводу думаю!», «Куда, ты, блин смотрел!» и тэдэ. А чтоб лекарство действовало лучше, привёл несколько ярких примеров, объясняя, кого он ему, директору, напоминает, и с кем он, директор, его, шефа отдела, сравнивает. После этого, оздоровив обстановку у себя в кабинете, он придумал цикл мероприятий по остановке эпидемии, что грозила катастрофой.

Долго ли, коротко ли сказка сказывается, да не скоро дело делается. Прошло какое-то время, и жизнь на предприятии вернулась в прежнее спокойное русло. Инфицированные работники были переведены в другие фирмы, где администрация имеет возможность лечения рецидивов болезни более эффективными способами. И более пациентов не смущает ни увеличение рабочего дня, ведь теперь в качестве компенсации они получили уменьшения заработной платы и количества выходных, ни моральные муки совести

за работу под началом людей, чей коэффициент интеллекта ниже, чем их суммарный.

Правда, иногда приходит к директору мать того мальчика, которая по странному стечению обстоятельств и лени руководства, не была уволена и зачислилась в списки незаменимых, и жалуется, как тяжело приходится теперь её сыну, как сложно работать, что денег не хватает и как он мечтает вернуться. Но мудрый директор понимает, что это всё – остаточное проявление синдрома, понимающе кивает головой и обещает обязательно помочь. Да иногда заходит сам папень и всегда говорит, что скоро у них подымут зарплату и будет совсем хорошо, даже лучше, чем было.

Но люди понимают, что это неизлечимые последствия.

Так они и живут вместе – сыну уже скоро тридцать, а он ещё не женат и не собирается, а мама ещё считает, что рано ему улететь от родительского очага. И ещё любят они обсуждать, кто виноват в этой эпидемии – директор или шеф отдела. А директор и шеф отдела понимают – шеф отдела, ибо не послушался мудрого совета, и понимают они, что жизнь всё так же идёт своим чередом, никуда не спешит и никогда не опаздывает.

Люди как листья – многие не понимают, что если их сорвёт с дерева, то это отнюдь не значит, что они смогут справиться с ветром, и если они родились на вечнозеленом дереве, даже пусть не пытаются...

В а с и л и й

Н е с т е р е н к о

ДОЛЖНИК

(байки деда Пантелея)

Если мы находимся внутри одной большой компьютерной игры, то нам должны начисляться очки. Деньги. Но что для этого должны делать мы?

Мне было девять лет, когда жарким летним полднем в мои руки попала целая пачка советских денег. Её обронил высокий слепой фронтовик в хромовых сапогах и с тросточкой. На противоположной стороне улицы, где через несколько лет возникнет центральный универмаг, он из кармана галифе вытаскивал носовой платок. Говорят, у незрячих слух острее, но этот лишь вытер пот вокруг чёрных окуляров и, слегка пошатываясь, продолжил свой путь, постукивая палкой о тротуарный кирпич, вкопанный на ребро вдоль бульварной клумбы. Я, с рогаткой, босиком и в чёрных труселях (иных тогда наша промышленность не выпускала) шёл на пляж, но, заметив чужую беду, изменил свой привычный маршрут. Пришлось, перейдя раскалённый асфальт, догонять инвалида, чтобы вручить потерю. Тот судорожно стал пересчитывать, даже не сказав «спасибо». Мне показалось, что дед сейчас выронит от волнения трость и ему не на что будет опереться. Поэтому я приостановился, чтобы подать, если что. Но тот уже контролировал ситуацию и что-то бурчал себе под нос, прижав палку под мышкой культёй левой руки.

А днём позже в магазине «Детский мир» я украл один рубль, пока мой взрослый кузен Миша Попов, художник-рекламист кинотеатра «Ударник» искусно заигрывал с очаровательной продавщицей. Моё внимание привлекла жёлто-коричневая бумажка нового

образца 1961 года, слегка придавленная пластмассовым пупсом в открытой витринке. И я сделал всё чисто. Маме объяснил появление карманных денег тем, что получил награду от обрадованного пенсионера. Папа похвалил меня за благородный поступок.

Но история с рублём не окончилась. Спустя несколько лет, уже в восьмом классе, ко мне зашёл в гости в отсутствие родителей ухажёр моей старшей сестры Сергей. Молодой силач, поиграв со мной в настольный баскетбол и послушав битлов с пластинки, нарезанной на использованном рентгеновском снимке, остался доволен визитом и предложил рубль в долг, хоть я и не просил.

– А когда вернуть? – я весело выбрал из предложенного веера одну банкноту.

– Когда будут лишние, тогда и вернёшь, – отмахнулся гость.

Хрустящая бумажка быстро растворилась в радиодеталях, дефицит которых мной, юным радиолюбителем, ощущался постоянно. Через месяц мой кредитор подловил меня возле дома и злобным голосом напомнил: «Даю тебе два дня». А на третий я получил в челюсть. Не сильно, но увесисто. Этот уличный босячок надеялся, что я буду жаловаться на обидчика своей старшей и единственной сестре и та, спасая брата, пойдёт к нему на встречу.

Уж очень он безрезультатно и долго обхаживал красотку.

Но, к счастью, у меня были два друга-одноклассника: Илья и Сашка. Первый – богатенький буратино. Его папа торговал вином на городском рынке от колхоза «Победа». Саша перезанил мне рубль и мы отдали жлобу долг в тот же день.

– Научим Пантелея деньги делать? – тряхнул кучеряшками коренастый Илья, обняв меня и Александра.

На следующий день пришлось убежать с уроков труда с моими защитниками к шпане в парк, чтобы посмотреть, как играют в карты на деньги. Игра называлась тринька. Моих ежедневных пятнадцати копеек от мамы едва хватало на пять минут игры. Но и здесь выручал один из друзей (что побогаче). Он был огненно-рыжей масти и мечтал, чтобы его звали «Огонёк». Но кликуха «Рыжик» прилипла сама, не спросив разрешения Александра. В карты Алекс играл виртуозно.

Дело было в Комсомольском лесопарке. Я сидел под левой рукой Сашки и срезал колоду в нужном месте специально отточенным ногтем большого пальца. А он помогал мне делать ставки, даже когда у меня кончались деньги. Затем мы и вовсе стали играть с ним в один носок. То есть, во время игры все сидели прямо на земле, и смятые бумажные деньги заталкивались в носки. Так было удобнее не только контролировать ситуацию в игре, но и маскироваться от ментов в случае шухера. Длинные брюки-клёш надёжно скрывали игровые вещдоки.

К нам в круг иногда подсаживались поиграть каменюшники. Самым денежным был Бауэр – бригадир хозрасчётной артели каменщиков открытого карьера. Он играл в буру и очко на «шалбаны». Деньги с проигравших не брал, но за каждый проигранный ему рубль бил в лоб юноше щелчок.

Однажды он нам с Александром проиграл 200 рублей. Это большие по тем временам деньги (1968 год). Естественно, мы повели его в кабак. Помню, к

нам тогда присоединился авторитетный вор Володя Чубатый – он недавно «откинулся» из очередной ходки.

В ресторане «Бригантина» для нас пел «под Магомаева» будущий солист «Песняров» Виталик Лохмоткин по кличке «Робертино». Он был ещё и прекрасным биллиардистом. (Мы к тому времени стали захаживать в «кузню» – так называлась городская биллиардная, где собирался весь бандитский бомонд города). Там мастера экстра-класса «раскручивали» в «американку» моряков-загранщиков, прикидываясь новичками.

И вот, когда выпивка, купленная за выигранные у Бауэра деньги стала заканчиваться, Чубатый пригласил на состязания по армрестлингу двух молодых офицеров-авиаторов из-за соседнего столика. Этот удивительный человек состоял из одних сухожилий и давал фору любому, кладя свою руку до высоты спичечного коробка. Тем не менее, он всегда выигрывал. А тогда – за пятнадцать минут – почти три сотни. Парни вертолётного полка явно сорили своими добытыми военным риском деньгами. Но в милиции давно знали, что если вино-водочный магазин обворован через раздвинутые с нечеловеческой силой решётки, то это дело рук авторитетного вора по кличке «Чубатый». И в армрестлинге ему тоже не было равных.

Моё тогдашнее увлечение красивой жизнью по весы едва не окончилось тюрьмой. Когда Алекс – самый удачливый из нас троих ушёл служить в армию на китайскую границу, мы с Илюхой вляпались в историю. К тому времени я уже учился на вечернем отделении техникума и посменно обслуживал климатическую установку аквариумной АзЧерНИРО. Это в

центре города. В ночную работа такая: кнопку нажал и пошёл гулять.

В тот вечер меня угораздило проиграть свой первый аванс одному из лучших биллиардистов города – Касьяну. Он угостил нас в кабаке, а затем мы, уже в хорошей кондиции, сняли бOLONЬЕвое пальто с пьяного в умат морячка-загранщика. Вернее, снял со спящего шустрый Илья и вынес мне из неосвещённого подъезда в темноту двора свёрток:

– Тикаем, в парк, Пантелей!

В Комсомольском парке мы спрятали пальто в воронку и завалили пожухлой листвой. На следующий день Робертино купил его за полсотни. И я смог отдать своей маме сорок рублей уже проигранного мной трудового аванса, что и было отмечено на семейном торжестве. Ведь родители-то были не в курсе моих походов.

Но кто-то в билиардном мире постукивал не только по шарам, но и в милицию. И вот мы с Ильёй на допросе у дяди Лёни Волкова – участкового «Солян`ой» – одного из самых бандитских районов.

– Так, парни; выбирайте: тюрьма, или армия?

– Дядя Лёня, мы ничего такого не сделали, – Илюха по кличке Ухо умел прикинуться дуриком и давил на жалость.

– А я вам ещё раз говорю: статистику района мне перед пенсией я вам портить не позволю, сукины дети!

– Хорошо. Через месяц вы нас не увидите – заверил я пожилого капитана милиции.

– А ты, Пантелей, ещё за ту драку мне не ответил!..

«Та драка» была весной, на проводах друга в армию. Мы пошли искать приключений на танцплощадку клуба госторговли, где тогда играл и пел молодой Юрий Лоза. И нашли-таки: я выбил себе сустав большого пальца о челюсть комсомольского работника, а пока сидел на нём сверху, Саша, обознавшись, закатал мне ногой в правую челюсть и свернул прорезающийся зуб мудрости. Все разбежались, когда на узконосой туфле одного из наших босяков вспузырился ещё живой человеческий глаз.

Через месяц в «кузне» появился невысокого роста молодой одноглазый мужчина. Он очень скоро научился метко закатывать шары в лузы, а попутно обнаружилась утечка информации из нашего сплочённого полукриминального коллектива.

Таким образом мне пришлось отказаться от возможности окончить последний курс техникума, хотя учёба шла легко и была возможность получить отсрочку от призыва в армию.

Вот так и не состоялся мой диплом о среднем специальном образовании. В итоге – недостача по начислению игровых баллов, то есть – денег. А ведь всё начиналось с сущего пустяка: одолжил рубль у нехорошего человека.

.....

На такой простой мысли я и хотел окончить рассказ. Но точка, почему-то, не ставилась. На днях, проходя мимо церкви Иоанна Предтечи, в которой крестился лет пятнадцать тому, я услышал «голос»:

– Верни рубль.

Оглядываюсь. Никого. Зашёл, перекрестился, затолкал в ящичек для пожертвований требуемую бумажку, правда с псевдонимом «гривна». И... буквально через полчаса – звонок: из конторы мне ни с того, ни с сего предлагают долгожданный рейс в океан. Сегодня, сидя на чемоданах, анализирую ситуацию «откуда растут ноги удачи?»

Аналогичная история со мной случилась в храме Христа Спасителя в Москве в 2004 году. Я нечасто хожу в церковь. Лишь когда ситуация прижмёт.

Вспоминаются детали. Дело было на день Валентина, 14 февраля. Запутался я тогда в трёх женщинах, как в трёх соснах. Порастратился. Шла вечерняя служба. Народу много. Меня оттеснили к ящику для пожертвований. Вдруг слышу:

– Да отдай ты эту бумажку!

Я слегка остолбнел: со мной разговаривал ящик с деньгами. Он по-дружески предлагал вложить ему в пасть единственную полсотенную, которую я только что одолжил у друга-писателя Виктора Зueva на дорожку в Питер. Электричкой туда стоило 49 рублей.

Не буду вдаваться в детали, но неудачи в те дни буквально преследовали меня. И, отчаявшись, я отдал ящику всё, что имел. Оставалось лишь побираться.

Под утро, собирая чемодан в дорогу, а заодно и мысленно намыливая верёвку, внезапно обнаруживаю среди старых сочинских накладных хрустящую «пятихатку». Она бы здесь ещё пару лет провалялась, не окажись я в ситуации. Мне тогда такой фокус очень даже понравился.

Но сейчас... При чём здесь рубль?

И – как озарило: вдруг вспомнился этот пока ещё неоконченный и затерянный среди файлов доски ноутбука рассказ-откровение о хулиганском детстве. Ведь он, как и многие подобные истории о несостоявшихся надеждах, начинался с украденного будущим неудачником рубля. А чтобы исповедь дошла до адресата, её необходимо было подтвердить материально. Так что на этот раз мой долг попал по назначению.

З а р е м а

Д а г о ђ

ПОДРУГА

Первое сентября, начало учебного года. Я спешу в школу, успеваю как раз к звонку. Вхожу в класс, и через минуту входит учительница. За партой я одна, моей подруги Светочки почему-то нет. Я переживаю: где Света? Что случилось? Может, просто опаздывает? Но только бы не заболела! Мы виделись с ней вчера, всё было нормально, так почему она не пришла? Десятый класс выпускной и ответственный, трудно будет догонять программу, если пропустишь несколько дней.

Сколько помню, мы всегда были вместе: и в первый класс пошли в одну школу, и всегда сидели за одной партой. В детстве Света заболела полиомиелитом. Прививок от этой серьёзной болезни тогда не было, много жизней унесла она. Света болела долго, но выстояла, однако осталась инвалидом в результате болезни: хромала. Ко всему ещё добавилась и детская жестокость, которую проявили учащиеся. Особенно старался Саша, подстрекая и других. Однажды перед всем классом он назвал её хромоногой кенгуру.

— Все мы будем хромоногими, глухими и подслеповатыми на старости лет, — сказала я.

Кто-то задумался над моими словами, кто-то нет, но дразнить стали меньше. Саша не унимался. После очередной его выходки я сказала:

— Не советую тебе издеваться над Светланой!

— А что будет? — спросил он.

— Это плохо кончится для тебя: её ангел-хранитель может покарать тебя очень жестоко. Ты не боишься? Подумай!

– Да ты сумасшедшая, если веришь в это! – его лицо зло исказилось, он продолжал что-то кричать мне вслед. Я повернулась и сказала:

– Твои несправедливость и хамство не знают границ. Мы за всё в ответе!

Во время зимних каникул он сильно простыл и заболел менингитом. Организм не справился с болезнью, Саша умер. На похороны пришла вся школа. Его было искренне жаль!

Больше Свету никто не дразнил, но на себе я чувствовала косые взгляды. Однажды подруга спросила:

– Ты сильно рассердилась на Сашу?

– Да, но только смерти ему я не желала. Ты знаешь, что такими вещами распоряжаются высшие силы, а не простые смертные, как мы.

– Ты мыслишь, как старушка.

– Я люблю старых людей, они мудрые, у них есть чему учиться.

Больше мы к этому не возвращались.

После уроков иду к Свете домой. Подруга радостно приветствует меня и проводит в дом.

– Как хорошо, что ты пришла! Я заболела: ночью поднялась температура, утром вызвали врача, так что, придётся неделю лечиться. Надеюсь, ты pomoжешь мне с уроками?

– Конечно же!

На столе я увидела её последние рисунки. Это были пейзажи. Света рисовала как тонкой нежной акварелью, так и масляными красками.

– Ты обязательно будешь знаменитой художницей -- повернулась я к подруге.

– Когда? – смеётся она, – на старости лет или чуточку раньше?

– Так, я буду приносить тебе задания, а сейчас покидаю тебя, выздоравливай.

– Спасибо, – говорит она и я спешу домой.

Через неделю Света пришла в школу, мы обе рады были друг другу. Прозвенел звонок, вошла учительница, а вслед за ней – незнакомый паренёк. Все встали.

– Здравствуйте, садитесь, у нас новенький, зовут Олег, прошу любить и жаловать. Присаживайся на последнюю парту рядом с Анной – указала она ему.

После уроков Аня догнала Олега и о чём-то весело заговорила с ним.

– Понравился он ей: рослый, симпатичный парень, – сказала я Свете.

– Да и она красавица, – ответила подруга.

Время шло быстро. Аня постоянно старалась быть рядом с Олегом, а он смотрел на Свету и смущался.

– Слушай, а новенький, по-моему, влюбился в тебя, – обратила я внимание подруги.

– Я не пара ему, это пройдёт, – вздохнула она.

– У тебя комплекс! Разве в любви это имеет значение? Подумай!

– Не знаю, – уклонилась от ответа подруга.

Через некоторое время Олег предложил ей встретиться, но Света отказалась, я долго и терпеливо уговаривала её изменить решение, но всё было бесполезно.

Дни летели. И вот, уже начало экзаменов, время тревог и волнений. Класс объединился как никогда, все помогали друг другу: вместе всегда легче. Мы успешно сдали по всем предметам и начали готовиться к выпускному балу.

В моде был кримплен, мои родители достали два отреза. Знакомая портниха пошила нам с подружкой отличные платья. А вот с обувью для Светы была вечная проблема, с большим трудом удалось найти удобные туфли.

Родители стараются и делают всё возможное, а мы не замечаем и недопонимаем все трудности, которые ложатся на их плечи. Благодаря им и учителям, всё прошло замечательно!

Настал час расставания, мы, уставшие и довольные выпускным балом, идём домой.

После моего окончания школы наша семья переехала. Со Светой мы регулярно переписывались. В одном из писем подруга сообщила, что Олег сделал ей предложение, но Света отказалась.

Прошло десять лет. Олег женился на Аннушке, и они уехали на север.

После развала СССР наступило тяжёлое время, связь со Светой прервалась надолго. Но настал момент, когда я смогла поехать к своим родным. И вот я там, где родилась и выросла. Чувства переполняют душу. Навестив всех друзей и родных, я отправилась к Светлане. Она открыла дверь и какое-то время внимательно смотрела на меня. Затем радостно улыбнулась, схватила меня за руку и повела в комнату, к дивану.

– Здравствуй, моя родная! Дай, обниму тебя! Просто не верю своим глазам – то ли наяву это, то ли сон. Садись, – Света не отпускала мою руку. – Я думала, что никогда уже тебя не увижу. Столько лет мы были вместе: детство, школа... ты всегда защищала меня, и в горе, и в радости. Ты была моим земным ангелом, мне так не хватало тебя! У тебя золотое сердце, и я благодарна тебе за это. Такой подруги и сестры больше у меня не было...

Горький комок подкатил к горлу и слёзы брызнули из моих глаз, и у неё тоже.

– У меня тоже больше не было такой подруги как ты! – проговорила я.

Мы долго беседовали, вспоминали школьные годы, одноклассников, друзей, учителей. Я спросила Свету:

– А Олег, – ты знаешь хоть что-нибудь?

– Да, знаю, – тихо улыбнулась она. – Олег развёлся с Аней и приехал ко мне навсегда, он оказался однолюб, мы вместе.

– Как я рада за вас!

– Мне очень жаль, что я не послушала тебя тогда, а надо было.

На стенах в зале были развешаны картины, выполненные маслом.

– Какая красота! – не сдержала я своего восторга, любуясь замечательными пейзажами.

– А теперь скажи, какая лучше?

– Все.

– Хитрая!

Мой взор приковала к себе картина, на которой была изображена чинара, моё любимое дерево. Зачарованно смотрела я на неё и вспоминала детство. Под кроной дерева мы укрывались от палящих лучей солнца, часами играли в тени нашего общего дерева: когда тень перемещалась, — мы следовали за ней. В этой картине я увидела все свои чувства, тепло Светланиной души, жар солнца и струящееся марево над раскалённым асфальтом. Этой чинаре было лет двести, ни у кого не поднималась рука убрать её с дороги.

Подруга поняла мои чувства.

— Эта картина твоя, — сказала она кратко.

Я рассказывала о себе и своей семье, когда дверь открылась и вошёл рослый стройный мужчина. Олег.

— Я узнал тебя по голосу и твоим красивым волосам, здравствуй! — обнял меня он. Затем повернулся и предложил: — девчата, я пойду заварю чай, идёте на кухню.

Мы пили зелёный ароматный чай с конфетами, вновь вспоминали детство, школу.

— А давайте сходим на кладбище, проведем Сашу, — предложила я.

— Мы часто там бываем, я буду ждать вас у машины, — проговорил Олег.

По дороге мы купили цветы. Могила была ухоженной.

— Саша, прости меня, не знаю, за что, но прости, — тихо проронила я. Слезы полились из моих глаз. Света обняла меня.

Уезжали с тяжёлым сердцем. Слова мои, связанные с болью, из глубины души, возможно, были не вовремя сказаны. Но то, что произошло, не изменить.

Олег подвёз нас к школе. Не выходя из машины, мы посмотрели на неё и поехали дальше, я мысленно попрощалась с ней. А вслух сказала:

– Дорогие мои, я завтра в десять утра улетаю, приходите.

– Обязательно, – заверили они.

В аэропорту собрались мои родственники и друзья. Олег и Светлана подъехали незадолго до отлёта.

– Мы задержались у нотариуса – оформили картину, чтобы не было проблем на границе, – объяснили они и вручили мне аккуратный свёрток. Я поблагодарила их за бесценный подарок и попрощалась со всеми.

С мокрыми от слёз глазами прошла регистрацию и думала: как хорошо, что отбросила в сторону все свои бесконечные дела и исполнила то, о чём давно просила моя душа.

Е л е н а

Б о н д а р е н к о

ПТИЧКА-НЕВЕЛИЧКА

сказка

В одном селе жили-были муж да жена. Было у них два сына. Павел, статный да пригожий, но злой и жадный. Василий, кривой да рябой, но добрый и ласковый. Бедно они жили. Однажды позвал отец сынов и говорит:

– Дети мои, вы уже выросли. Ступайте-ка в город да найдите себе работу, иначе нам не прокормиться.

Сверкнул Павел глазами чёрными, взял котомку и ушел. Василий обнял отца с матерью, низко в пояс поклонился и тоже в город направился.

В городе вышли они на базарную площадь, ждут нанимателя. Едет мимо богатый купец, борода по ветру развеивается. Остановился рядом с братьями, спрашивает:

– Что делать умеете? Чем особым от остальных отличаетесь?

Выступает вперед старший брат:

– Я молодец хоть куда! Любая работа мне по плечу!

Оглядел его купец. Красавец, богатырь, косая сажень в плечах.

– Добро, – говорит, – будешь у меня управляющим.

Кланяется купцу Василий:

– Возьми и меня, купец, в работники. Никакой работы не побоюсь, не постыжусь.

Оглядел его купец:

– Ну что же, – говорит, – будешь у меня сторожем.

Привёз купец братьев в свой дом. Работников у него бегают, слуг и служанок, с дюжину! Поставил купец Павла над ними управляющим. Василия отправил к дальним амбарам: зерно охранять.

Обошёл Павел хозяйство купеческое, всё оглядел, завидно ему стало. «Вот бы мне всё это, — думает, — уж я бы развернулся!»

Когда хозяин по своим делам купеческим уезжает, Павел плетъ в руку возьмёт, и давай всех стегать, кто под руку попадёт! Всех слуг да работников затравил. Бояться его стали пуще хозяина истинного, купца именитого.

Василий тем временем исправно свою работу исполняет: стережёт купеческие амбары. Поселился в сторожке, спит и кормится тут.

Однажды зимним холодным вечером залетела к нему на порог птичка. Упала под ноги Василию. Пожалел её Василий, отогрел, водой напоил. Ожила птичка, запела Василию песенки. Веселей ему стало, радостней. Назвал он её птичка-невеличка. Незаметно весна пришла. Ручьи потекли, трава зазеленела — хорошо! Одна тоска гложет Василия:

— Как-то там отец с матушкой? Передать бы им гостинцы да денежку.

Услыхала это птичка-невеличка. Громко защебетала, а Василию слышится:

— Помогу тебе, помогу тебе!

Сложил Василий в платочек гостинцы и денежку, связал, вывел петельку. Птичка-невеличка продела клювик в петельку и полетела из сторожки.

Назад воротилась с гостинцами от отца с матушкой. Щебечет, а Василию слышится:

— Поклон тебе шлют! Поклон тебе шлют!

С того дня ещё не раз летала птичка к родительскому дому. Так они и жили.

Купец тем временем надумал жениться. Сосватили ему в жены красавицу чернобровую. Привез невесту в дом да свадьбу назначил. Пир закатил горой. Невеста за столом сидит, а сама на Павла поглядывает. Тот ей подмигивает, улыбочки шлет, а в душе кипит от злости: «Вон купец какую себе жену взял, красавицу белолицую да румяную! Зачем ему, старому, такая жена?»

После свадьбы, пышной да весёлой, уехал купец по своим делам. Молодая жена с управляющим по углам шушукается, в палатах купеческих милуется. Как-то говорит Павел красавице:

– Давай изведём купца старого, с тобой в купеческом дому жить-поживать станем.

Красавица кивает, на всё соглашается. Начали они планы строить, как похитрее с купцом расправиться.

Подслушала их разговор птичка-невеличка. Прилетела к Василию и давай ему насвистывать:

– Извести жена купца хочет! Извести жена купца хочет!

Услыхал это Василий, пригорюнился. Хорошо ему живётся при купце. Хозяин исправно деньги платит, в еде не отказывает. Да и человек он хороший, добрый. Пошел он к Павлу, говорит ему:

– Братец мой родимый! Уж три года мы у купца в услужении, ничего плохого от него не видели. Прислушайся я, что молодая купчиха извести хозяина хочет. Надобно предупредить купца об измене жениной.

Удивился Павел, что брат его всё знает, но вида не подал. Говорит Василию строгим голосом:

– Ступай братец. Послежу я за ней и как прознаю что – сам всё купцу доложу.

Успокоился Василий, поверил брату.

Птичка тем временем полетела в дом купеческий да снова разговор подслушала. Доложил Павел купчихе молодой, что брат его всё узнал, выдать их может. Разозлилась она, черные брови насупила и говорит:

– Нужно нам твоего братца рябого усыпить да в сторожке спалить, тогда никто ничего не узнает!

Воротилась птичка-невеличка, щебечет Василию, предупредить пытается, да только он от неё отмахнулся. В тот же вечер приходит к нему Павел с двумя кувшинами вина, говорит:

– Принимай, брат, гостя, ставь угощение!

Василий рад дорогому гостю. Обнимает брата, за стол сажает. Павел улыбку растягивает, белые зубы показывает:

– Давай, брат, выпьем по чарочке за здоровье отца с матерью.

Видит птичка – дело плохо. Подлетела к столу, крылом соль зацепила да в глаза Павлу сыпнула. Павел глаза зажмурил, а птичка кувшины-то и переставила. Пьют братья по чарочке да по другой. Василий – сладкое вино, Павел – вино со снадобьем. Скоро вино было выпито. Упал Павел на стол и захрапел так, что на всю округу слышно.

Василий редко хмельное употреблял. Захмелел сильно. Манит его птичка во двор подышать свежим воздухом. Вышел он, прилёг под куст да под птичье щебетание уснул крепким сном.

Купчиха из-за амбаров за всем наблюдает. Видит: один вышел из сторожки, другой остался, и храп доносится. Подкралась она ближе. Подпалила домик с четырёх сторон. В один миг сторожка пламенем занялась. Пошла будить Павла глядит, а это Василий рябой. Диким голосом завопила купчиха, кинулась в пламя спасать возлюбленного.

Поутру проснулся Василий, глядит – от сторожки одни головешки остались. Испугался Василий, людей кличет, кричит:

– Боже милостивый! Кто ж это с огнём баловал?!

Тут птичка ему всё и рассказала. Понял тогда Василий, что птичка-невеличка от смерти его спасла, а брат родной с купчихой погубить его хотели да сами и сгинули! Заплакал Василий горькими слезами, брата жалеючи.

Приехал купец, привёз жене молодой полную повозку подарков дорогих. Зовёт её, но никто не откликается. Кличет управляющего. Выходит навстречу ему Василий, поклонился в пояс и рассказал, как дело было. Ни одному слову не верит купец. Кричит, ногами топает! Вышли слуги да работники. Стали рассказывать, как грабил купца Павел да изводил всех побоями, как обнимал молодую хозяйку в покоях купеческих. Заплакал купец в голос, людей не стыдясь. На другой день выдал Василию и всем работникам двойное жалованье да выпроводил за ворота. Василию за верную службу дал коня с повозкой да припасы на дорожку.

Отправился Василий домой к отцу с матушкой.

Сам в повозке едет, птичка-невеличка впереди летит.

Много ли, мало ли времени едут, только подлетела птичка к Василию, головку на бок склонила, щебечет:

– Пить, пить хочу!

Огляделся Василий: нет ни ручья, ни речки. Говорит птичке:

– Рад бы я напоить тебя, да нет у меня воды, всю выпили.

Подхватила птичка, летит вперёд, Василий за ней едет. Свернул с тракта, по бездорожью, по камням да кочкам едет, а птичка всё вперёд летит. Выехал к высоким скалам. Впереди водопад бурлит и пенится, солнышко в нём купается. Слез Василий с повозки, водопадом любит. Вода с двух сторон бурным потоком льётся, а посередине мелкими брызгами разлетается. Манит Василия птичка-невеличка, щебечет:

– По леву руку мойся, по праву руку пей!

Так и сделал Василий. Под одним потоком всю пыль дорожную смыл, из другого вдоволь напился. Чувствует: сила в нём появилась богатырская, кажется, горы свернуть может!

А птичка всё не унимается. Подлетела к скале, стучит клювом, бьёт по ней крыльями, щебечет:

– Сдвинь скалу, сдвинь скалу!

Подошел Василий и сдвинул скалу одним махом! Под скалой сундук стоит, полный нарядов царских. Нарядился Василий в самый лучший наряд, а птичка уж другую скалу крыльями бьёт. Отодвинул он и эту скалу. Под ней сундук полный каменье, злата да серебра! Птичка на третью скалу перелетела, бьёт по ней крыльями. Отворотил он и третью скалу. Под ней темница сырая, в ней девица каменная. Подлетела к

ней птичка-невеличка и растворилась в камне! Глядит Василий: у девицы каменной слеза потекла и ожила она. Просит Василия отнести её к водопаду. Умылась девица, воды испила, прежняя красота к ней вернулась.

Подходит она к Василию, в пояс кланяется:

– Спасибо тебе, Василий, что вызволил из темницы каменной. Век твоей доброты не забуду!

Глядит на неё Василий во все глаза и наглядеться не может! Говорит ему красавица:

– Неужто не узнал меня, Василий. Я твоя птичка-невеличка, которую ты от холода спас в стужу зимнюю. Заколдовал меня злой колдун за то, что не покорилась ему. Тело моё сделал каменным и в темницу заточил, а душу превратил в птичку и на волю выпустил. Так и маялась я, пока ты меня не вызволил.

– Как звать-то тебя? – вымолвил Василий.

– В народе величают Краса Ненаглядная, но ты можешь звать меня, как раньше, птичка-невеличка. Полюбила я тебя, Василий. Коли хочешь, бери меня замуж. Буду тебе верной и доброй женой.

Засмутился Василий, глаза потупил и говорит:

– Куда мне, кривому да рябому, на такой красоте жениться, люди меня осудят.

Засмеялась Краса Ненаглядная, зеркальце ему протягивает:

– Может, и был ты кривой да рябой, а как постоял под водопадом да воды испил, стал статным да пригожим.

Обнял Василий девушку, в глаза ей заглянул и говорит:

– Птичка моя, Краса Ненаглядная, выходи за меня замуж! Буду любить тебя до самой смерти!

Достала Краса Ненаглядная свой ларец. Взяла орешек и три конских волоска. Бросила их наземь. Появилась карета с тройкой лошадей в упряжке. Погрузил Василий всё добро в карету и повёз свою невесту домой.

Тройка лошадей быстро домчала их в родное село Василия. Все люди из домов выбежали, удивляются, на карету показывают:

— Что за царский посланник к нам пожаловал?!

Подкатил к дому Василёк. Вышли отец с матерью. Сильно изменился Василий, только родители сердцем видят. Обнимают они Василия, целуют невесту его, Красу Ненаглядную. В дом вошли. Рассказал Василий всё, что с ним приключилось, и про брата своего непутёвого поведал. Поплакали отец с матушкой, погоревали, да мёртвого не воротишь.

Скоро свадьбу назначили. Прилетели на свадьбу и гости невесты: феи прекрасные, эльфы сказочные, домовый и маленький дракончик. Феи подарили молодым дом с хрустальными башенками. Домовой дом изнутри украсил, мебелью резной обставил, дракончик камин растопил, а эльфы вокруг дома сад сказочный посадили.

С тех пор так и живут в этом доме сказочном Василий с Красой Ненаглядной в любви да согласии. Народилось у них три дочери и сын-богатырь Иван, но это уже другая сказка.

Поэзия

Людмила

Журавкова

ПЕРЕВОД

Райнер Мария Рильке

ХРАНИТЕЛИ ДАРОВ

* * *

Они лишь, бедные, верны Твоим Истокам...
 Дай, Боже, их ногам устойчивую твердь, —
 не дай же с корнем вырвать их рукам жестоким,
 укрой Своим Покровом — и не дай им умереть...

Они из тех, что без корней — несчастней вдовых,
 ведь бедные — среди людей — весенние цветы, —
 их мёд — живителен, в их запахе медовом
 готовы жить и расцветать грядущего мечты...

* * *

Как трудно подыскать для них сравненья:
 трепещет каждый, словно лист, дрожит, —
 но каждый — у Тебя в ладонях нежных спит;
 в глазах его восторг — Твоей надежды щит,
 и благодать Твоих полей — весенних пашен,
 прогретых ясным днём Твоим вчерашним;
 они — поля Твои — до дня страды лежат,
 недолгим ливнем вешним мудро дорожат,
 и в этом — и Твоё, и их — спасенье...

* * *

Они такие кроткие — смиренны, бессловесны,
как вещи ветхие — в домах старинных,
как старые друзья — и верность их известна,
движенья их медлительны и легковесны,
они невидимы среди сосудов новой *глины*.

Им вверены Дары Священные, святые клады,
они не могут видеть их, и видеть не должны,
они — *холсты в белильне*, их труды всегда видны,
награда их единственная — только радость,
не ждут они ничьей, и никакой иной награды,
награда их — *цвет* этой белизны...

* * *

На жизнь их неустанных ног взгляни —
они петляли по глухим звериным тропам,
снега и камни отзывались в них — уроком.
В пустынях зимних — бесконечно одиноким, —
луга весенние дарили им целительные дни...

Их боль — наследие иной, великой боли, —
но люди эту боль, давно, по собственной вине,
ничтожным горем на бессмысленной войне
сумели *победить*; а негу трав и остроту камней
ценить умеют те, кто в беспредельном поле
блаженно бродят, словно пальцы по струне...

* * *

Их руки трепетные нежность женскую несут;
в них материнских рук извечная забота,
они, как птицы, знают негу птичьего полёта,
веками гнёзда вяют, чтоб приютить кого-то;
их руки добрые — Тобой наполненный сосуд...

* * *

Их губы, словно губы вечные — прильнули
к груди Твоей — и без неё им жизни нет,
и только в ней одной нашли они извечный свет,
и все подобья — воды, камень и любой предмет,
с вещами вечными они навек замкнули —
как Ты хотел — оставив Свой Завет...

* * *

А голос тихий их издалека вещает, —
он — предан солнцу, небу, звёздам и стихиям,
погосты слышат этот голос и леса глухие,
и берега — лазурные, бескрайние морские,
их голос — нам бессмертье обещает...

Во сне с пророком Даниилом говорит...

* * *

А спят они, когда Твои Первоистоки
в свои объятия принимают их желанно,
чтобы Твой хлеб насущный, первозданный
раздать потом могли они голодным, —
ночам беззвёздным, зорям путеводным,
они, как дождь — весенний, благодатный —
ночной, полуденный и предзакатный,
которому откликнется потом земное лоно,
цветущими садами, щедрым чернозёмом...
И Истиной Твоею — вечною, высокой...

Что имя человеческое? Только шрам —
на теле душ, что, как известно — вечны,
их тело — только семя... Заповедал Сам,
чтобы Тебе родиться — бесконечно...

* * *

Лучами будущего на Твоих дорогах лягут,
преодолев пределы наших бранных дней, —
они покроют землю мудростью Твоей
и соком — вечных *первозданных* ягод...

Под бурями осенних дней они не сгинут,
без крова выстоят — как птичьи стаи,
они — источник всех на свете урожаев,
и вечных нив Твоих — седые исполины...
Пусть времена из века в век — суровой,
пусть государства гибнут и народы, —
их руки неустанные, преодолев невзгоды
возделают поля — для урожаев новых, —

когда устанут руки всех народов на земле...

* * *

Их уведи оттуда, где теперь обречены
на суд великий — гнев, отчаянье и злоба,
где терпеливо до сих пор проводят дни
среди смут бесчисленных смиренные они,
среди людей им чуждых и надгробий...

Для них неужто места так и не нашли
ветра стремительные и ручьи живые,
неужто пруд не отразит жилища их мирские,
построенные среди зелени долин?

Им нужен лишь клочок Твоей земли,
как дереву, чьи цепки корни вековые...

* * *

Дом бедных — это, Боже, Твой Алтарь...
Там *Вечность* — этот Хлеб Насущный,
всех зрячих до сих пор к себе влекущий,
необходимый всем — в веках грядущих,
Она вернётся, несмотря на вековую хмарь...

Дом бедных — это Твой Алтарь...

Дом бедных — это детская ладонь, —
что соблазняться тленным никогда не будет,
и предпочтёт взамен Твоё земное чудо —
жучка, чьи так бесхитростны причуды,

или песок прибрежный — тёплый и игривый,
ракушку, что о вечности поёт тоскливо.
Всё совершенно в этом мире — справедливо,
как эта чаша — детская ладонь...
Дом бедных — это детская ладонь...

* * *

Дом бедных — это символ всей земли,
святая искорка того безвестного кристалла,
чья слава отжила давно и отблестала;
убогое жилище бедных тоже ночь застала,
темнее всех ночей... она — предвестие начала,
того, откуда звёзды все произошли...

Дом бедных — это символ всей земли...

* * *

Но города в своих свершеньях тленных
всё продолжают, длят увечный век, —
крушат деревья и животных пленных,
о роскоши мечтают вожденной,
людей ввергают в смутный, дикий бег...

Придуманной культуре страстно служат,
беспечно путают — незрячие — добро со злом,
улитки след случайный обнаружив,
прогрессом объявляют... им природа чужда,
безжалостные — мчатся напролом;

сметая на своём пути просторы леса, —
металлом и стеклом, как погремушками гремят,
святыни вечные приносят в жертву бесам,
блистающим блудницам, как принцессам,
лесть расточают, восхваляют их и чтят...

Живут они во мраке истин ложных —
утратив навсегда с душою вечной связь,
собою быть — им не дано, и невозможно,
соблазн жестокий — деньги — их тревожат,
их губит денег соблазнительная власть...

Е л е н а

П а к

ЯНВАРЬ

...Неуютно. Поздний вечер.
И неоновый фонарь,
как простуженный диспетчер,
шепчет скованно: «Январь...».

Сквозняки с проулков дальних
гонят змейкой хрупкий снег
вдоль продрогших серых зданий,
заметая вмятый след

невозвратности апреля.
Оглашенная метель
снова мне опрятно стелет
одинокчества постель.

В этом омуте бессонниц
я пропал давным-давно,
но, как верный богомолец,
жду прощенья твоего...

ЧУДЕСА

Опять зима...
Опять погонщик-ветер,
густые белогривые снега
рывками подгоняет жесткой плети.
Как будто бы оживший Чингисхан,
свиристует.
Степной минуя полог,
морозит лесополос дерева —

преграды нет.
 На горизонте — город...
 седая церковь...
 шпиль...
 толпа зевак...
 Но попадая в клеть жилых кварталов,
 Незванный гость — монгол, пленён был сам.
 И верная орда снежинок пала!
 Снег на ладонях первый —
 Чудеса...

ПОЗДНО

Ну, не делай ты работу за Бога,
 не пытайся осчастливить,
 мой мальчик...
 Одинока я, хороший,
 настолько —
 легче быть живой мишенью
 не прячась,

чтобы раз и навсегда
 притупить боль
 ту, что в сердце раскололась
 и ноет.
 Бесполезно всё!
 Просила у Бога,
 только Он мои молитвы
 утроил.

Может — занят был?

Как это знакомо...

Или кончился лимит
для просящих?

Ведь молилась так,
что сохло вокруг нёба.

Может я, свой крест
грехами испачкав,

прогневила небо чистое
всуе?

Да пойми же, ненаглядный мой,
прежде,

Всё Всевышний за тебя
Обоснует

и тебя лишит последней надежды...

(...докурив, в окно швырнула окурок,
глядя в небо, на стамбульские звезды...)

Улыбался ей в ответ юный турок.

Жаль — подумала — родился он поздно...

УТРО

Утро...

На подоконнике

алый «привет» рябин.

Будто немая хроника...

Ты же... меня любил.
 Ты же... твердил:
 ведь крутится
 лишь потому земля,
 что рядом счастья спутница.
 Боготворил меня.

Только вот, мой единственный —
 силою ли земной? —
 наша любовь расхристана.
 Каплями — по одной,

падал рубин...
 Воскресну ли?

Я — умерла вчера.
 Мир мой, твоей нечестности,
 видимо, проиграл...

МОТЫЛЁК

Мотылек —
 поцелуй трепетный,
 вен касался и сокровенного.

Поутру,
 облаков пепел плыл.

Сорвалось с губ моих:
 «первый ты...»

Или снилось всё? Иль безумием
изводила весна —
безбожница,
под неоновым полнолунием,
прорастая в меня?

Наложницей —
от касания крыл, окаянного —
в плен сдавалась я.
И в муаровый
Шёлк
роняла нас ночь...

...Распарывал
сладкий шёпот рассвет:
«не пара мы...»

...Мотылек на стекле —
бабочка,
в мир стучится крылом
раненым.
Он — уйдёт.
Я — куплю рамочку...

До поры в нас живут ангелы.

КОГДА-НИБУДЬ...

Когда-нибудь, с крылатой вольной стаей,
Отправится и мой журавль в зенит.
Поэтому, ты каждый миг цени
Сейчас, сиюминутно. Время тает,

Никто не возвращается назад.
 Что пережито нами — будет нашим,
 Но если первой улечу однажды,
 Прошу, не разменяй наш листопад.

Не дай коснуться наших снов любви
 Ей, что мое займет — когда-то — место.
 (Ведь разве жизнь чужая интересна?)
 Как хочется с тобою вечно быть,

Ловить желаний нежный поцелуй
 И теплый выдох, вдох — твоё дыхание.
 Хочу тобой прочитанной быть, тайной
 Остаться для других все ж предпочту.

Я, наших лет счастливых круговерть,
 Как жемчуг, собираю на шелка нити.
 И если суждено мне первой выйти,
 Найдешь меня по ожерелью, ведь...

Когда-нибудь, с крылатой вольной стайей,
 Отправится и твой журавль в зенит.

ПРИМЕТЫ

Морось, дымка, охра, дрожь листвы —
 Осени пришедшей атрибуты.
 Солнце меж свинцовых туч, как Будда,
 Строит из лучей надежд мосты,

Чтоб скользнуть на землю невзначай,
На янтарный венчик хризантемы.
Слышите? Журавль курлычет первый,
Пух последний отряхнув с плеча.

И потянет клин к чужим местам,
Под чужое небо тысяч судеб...

...Тихо. И блестит на луже — блюде,
Заморозка хрупкая слюда.

ЛИВЕНЬ В КУРОРТНОМ ГОРОДЕ...

Ливень в курортном городе,
в самый разгар июля!
«Ну, наконец-то! Зд`орово!» —
местные вслух. Метнулись

все врассыпную бусины
с пляжной косы — курортники.
Я ж не спеша иду себе
под разноцветным зонтиком

и восхищаюсь далями.
В бурном потоке ливневом,
с пятки замок сандалевый
съехал... Сюжеты дивные:

платье прилипло — мокрое;
зонт не спасает — кренится!
Кажется, будто шлёпаю
в детство по тёплой лестнице.

Бульки на лужах пыжаты,
тут же — бабах! — как шарики.
Кружится всё и движется
в каплях больших и маленьких.

Ливень в курортном городе —
летняя навигация —
лёт кубометры под ноги
мне, тополям, акациям...

НЕ ЗВОНИ

Упрекать не торопись — постой...
Слишком долго я ждала, когда же
Ночи отдавать устанешь той,
Что моложе... Но не это важно.

Просто я виновна, что любовь,
Видимо, порок мой от рожденья.
Не переродиться сердцу вновь,
Если только через поколение...

И судьбы тяжёлый очень крест
Мне ести до звёздного порога...
Ну, зачем, скажи, ты в душу влез?
Не тревожь! Кровавых ран — не трогай!

Просто — отпусти! Забудь, что я
Где-то существую на планете.
Не звони, не спрашивай меня:
«Как дела?» — Мобильный не ответит...

ПЕРЕЛЁТНЫЙ КРИК

Возвратись насовсем,
 к той покинутой солнечной пристани,
 Где пролива объяття просторные —
 знак кораблям...
 Здесь весеннее небо
 по-прежнему самое чистое,
 И жасминовый куст,
 как невеста цветет — без тебя...
 Если вдруг ты почувствуешь
 сильную боль одиночества —
 Не раздумывая,
 можно на целую жизнь опоздать...
 Я хочу, чтобы ты всё же знал:
 дочки маленькой отчество
 В корне родственно с именем тем,
 что дала тебе мать.
 И пускай над солёной волной
 вестник с тёплого берега
 На белёсом крыле
 снова душу уносит за край,
 Где холодный причал
 у пролива с названием Берингов...
 ...Хоть однажды услышь
 перелётный мой крик, невзначай...

МЕТРО

Всё вышло совсем не так.
И прошлого нет давно.
Жетона в руке кругляк
на вход, прямо в жерло метро.

Подземка съедает боль.
С обеих сторон пути,
Составы на них — я с тобой,
как две параллели.

(Стинг,
в мембранах — «A thousand years»)

Ведь он был когда-то прав.

Сомнениям наперерез,
сквозь время летит состав.
Туда, где белее снег,
где сердце твоё со мной.

...К нулю прикоснулся бег —
Выход. На кольцевой?
Переходить? Но куда?
На новую ветвь? Зачем
в чужие входить поезда
с холодом
поручней...

ОРЛАМ — ПОЛЁТ, А КУРАМ СВОЙ КУРЯТНИК

*Орлам случается и ниже кур спус-
каться.*

*Но курам никогда до облак не подняться!..
(Иван Крылов)*

Нет ничего зазорного в поступке,
когда вдруг мир высот окажется столь хрупким,
что волею небес опустятся орлы чуть ниже...

Вопрос лишь в том: что действием оным движет?

Кудахчет каждый раз куриная орда,
(от привередливости — слабые натуры),
когда желает, за отсутствием культуры,
но с выраженным в них пороком «дуры»,
взлететь на пьедестал свободный от орла.
На чуждой высоте не удержать крыло!
Для взятия вершин нрав надобен орлиц,
а не откормленный в неволе трепет птиц,
что за покорм готовы падать ниц.

Им в назидание оставлю эпилог:
«Того высоты с разумом венчают,
Кого фанфары славы не гнетут и не прельщают!»
В довесок допишу, пожалуй, в свой цитатник:
«Орлам — полёт, а курам свой курятник!»

В о л е т т а

Р у д е н к о

ТОЧКА НЕВОЗВРАЩЕНИЯ

По василькам, во ржи расцветшим тропкой,
 По белым переливам облаков
 Бреду по небу, и ступаю робко
 В закатный невесомости альков.
 Качнётся, словно маятник, планета
 Безудержно вращаясь на оси,
 А я сорвусь с небес и кану в Лету...
 Последний час... О, как же он красив!
 Хлебнув росы, скопившейся в изгибах
 Ладоней лилий, мёртвых словно снег,
 Я напоследок суть своих ошибок
 Сочту, парадоксально, за успех...
 Уйду тропой однажды вдаль и в осень,
 Туда, откуда больше не смогу
 Вернуться к вам, и тяжело ляжет осыпь
 Могилой мне на этом берегу...

ЕСЛИ...

Улыбаюсь, шагая с крыши,
 Даже если земля навстречу,
 Если стал на мгновенье ближе
 Свет в тоннеле, ведущем в вечность.
 Кто сказал мне, что время лечит?
 Если лечит — то очень больно!
 К исцелению — многоступенчат
 Путь лежит, босиком, по соли.
 Оступившись однажды, падать

Больше некуда — дальше бездна...
 Из десятого круга Ада
 Возвращение бесполезно!
 Не хочу быть святой и чистой,
 Твой забыла почти я голос.
 Со смертельным исходом выстрел
 Почему-то был тоже холост.
 Мир замкнулся в моих ладонях
 Через щёлочку слёз и пальцев.
 Я упала, и это больно,
 До крови — посреди асфальта!

Я В ПЕРВЫЙ РАЗ НЕ РАДУЮСЬ ВЕСНЕ

Я в первый раз не радуюсь весне....
 Почти до дыр засмотрен телевизор
 И почек обольстительный бутон
 Не греет глаз набухшестью своей.
 Как странно... Надо думать о войне!
 И мысль моя печальна и брезглива,
 А жизнь — росток, закатанный в бетон,
 Зародыш среди накалов и страстей!
 И я молюсь (пусть спорят там, в верхах!)
 За свой народ, за каждую травинку,
 Пусть глубоко, пусть в семени ещё,
 Лежащую под мёрзлую землёй...
 А я молюсь на разных языках —
 На русском и на Леси Украинки!
 Неистово молюсь и горячо,
 Что испокон нам **был** в одной семьёй!
 Мне всё равно — татарин ты, узбек,
 Хохол, москаль... Здесь прозвища негожи!

Мы клеим друг на друга ярлыки,
 Наотмашь бьём пощечины друзьям.
 Запомни! Имя наше **че-ло-век**!
 Так будем на него хотя б похожи!
 Расслабьте! Разожмите кулаки!
 И хлеб, и соль, и воду — пополам!!!

Я ЛОВЛЮ ПАРУСА...

Я ловлю паруса в опустевшем пространстве морей,
 Окунаю себя в первозданную гладь акваторий.
 Безответно прощаю однажды предавших друзей.
 Эту истину, Господи, я возвела априори!
 Отчего же скользят их холодные лезвия глаз,
 Безразличные внешне, но внутренне ждущие остро,
 Что высокой волной перевёрнут мой будет баркас,
 И уже не покажется суши спасительный остров?
 Проплывая бок о бок, не ведая, что впереди,
 Мы не смотрим назад, обрубаем стальные канаты!
 Мы живём в ожидании светлой и чистой любви,
 А она всё дрейфует, дрейфует к кому-то, куда-то...
 Ну, а если вода смоем серый налипший песок?
 И расправятся бронхи, как парус от свежего ветра?
 Мне не время ещё подводить этой жизни итог!
 Ведь, ей-богу, она хороша! И пронзительно светла!!!

ПОСЛЕДНИЙ УИК-ЭНД

Уже зима... А было лето с пылью
 В глубоких душевных пасеках дворов,
 Откуда, распахнув шальные крылья
 Взлетали, аж до самых облаков,
 Седые голуби! И синь казалась вкусной!
 И чувства после пятого глотка
 Слегка похожи были на искусство!
 Ну, что же за любовь без коньяка?..
 А он и не пьянил... Не грел мне душу.
 Он был, как жалкий допинг в темноте,
 Рука над бездной, тонущему — суша,
 Соломинка — возникшая извне...
 Глоток — и... будто сняты все запреты,
 А там, внутри, вибрирует струна,
 Но... вместо поцелуя — сигарета
 В затяжку, чтоб до самых лёгких дна!
 Тарелка пахла сладкой дынной коркой,
 В окне висела жёлтая луна,
 И ей, бедняге, было так неловко,
 Что в тёмном небе спит она одна.
 Я больше не смотрюсь в жеманность стёкол
 И временем подёрнутых зеркал.
 Над городом плывёт прощальный клёкот
 Любви моей, которой ты не знал.

ПРИЗНАНИЕ

Когда одиночество становится данностью
 А небо синее в преддверии осени
 Душа моя птицей становится, странницей,
 И ночью на волю настойчиво просится.
 Толкается в рёбра ребёнком непрощенным,
 Нежданным, незванным, без роду без племени,
 А я её молча прошу, по-хорошему
 Со мной оставаться в пространстве и времени,
 Где пляжи пустынные, где ветры неистовы,
 То нежно ласкают, то лупят пощёчины,
 Где солнце над морем веками воистину
 Сжигает зенит до самой червоточины!
 Где кони несутся по пенному берегу,
 Взрывая песок под стальными копытами,
 Где лезвием молнии вскрыты артерии
 Прохладных дождей над степною палитрою,
 Где нежным цветком распускается зарево
 Шального рассвета над спящими склонами,
 Я с каждым мгновеньем люблю тебя заново,
 Мой Крым, где однажды была я рожденная!

К о н с т а н т и н

А р т ё м и н

Памяти Галины Дмитриюковой

* * *

Галине Дмитриюковой

Мне ночами часто снится,
 Как в алмазной колеснице
 Мы лети навстречу солнцу,
 Утопая в океане
 Ослепляющего света,
 Созерцая беспредельность
 И величие миров.
 Мы божественно прекрасны,
 Мы не знаем чувства страха.
 Нам неведомы преграды,
 Нам сопутствует удача,
 Вера,
 Истина, Любовь.
 И мы видим, что навстречу
 К нам летит, в полупрозрачных
 Белоснежных одеяньях,
 Полудемон, полуангел,
 Полубогочеловек.
 А в руках он держит книгу,
 И написано в той книге,
 Как в алмазной колеснице
 Мы летим навстречу солнцу,
 Утопая в океане
 Ослепляющего света.
 А под нашими ногами,
 Как сверкающая скатерть,
 Простираются миры.

* * *

Галине Дмитриуковой

Ты снова снилась мне, Небесная Царица.
 Прекрасная, как лань, свободная, как мысль,
 Нагая, как мечта, крылатая, как птица,
 Святая, как любовь, суровая, как жизнь.
 Я на тебя смотрел горящими очами,
 Я плакал и желал припасть к Твоим ногам
 И нежно целовать дрожащими устами
 Твои следы, молясь Тебе, но не богам.
 А ты передо мной стояла молчаливо,
 Указывая ввысь сияющим перстом —
 Туда, откуда Ты пришла ко мне, красиво
 По Млечному Пути ступая босиком.

* * *

Мы уплывём на корабле мечты
 В небесный мир, чтоб позабыть невзгоды
 И наслаждаться обликом свободы,
 И землю видеть с высоты.
 И боги, взглядами лаская нас,
 Прославят наши пламенные чувства,
 Которые бессильный раб искусства
 Стремится выразить сейчас.
 Ничтожны благозвучные слова.
 Обманчивы их гордые сплетенья.
 Любовь безмолвная всегда права.
 Блажен, кто верит в это откровенье.
 Мы в тленном видим Вечности Огонь.
 Нет никого счастливей нас на свете...
 Фантазии загадочные дети,
 В корабль превратившие ладонь.

* * *

Светлой памяти Свами Рамакришны

«Жизнь прекрасна!» — я сказал звезде,
Появившейся в бездонном небе.
По прозрачной голубой воде
Грაციозно плавал чёрный лебедь.

В воздухе дрожала тишина.
Сердце, слушая её, стучало.
Стопы ног ласкавшая, волна
Радостью меня переполняла.

Ветер гладил волосы мои
Сморщенной от старости рукою.
В первый раз я понял суть любви,
Ощутив величие покоя.

Словно мир увидел в первый раз,
Я почувствовал в груди волненье,
И, как мудрый йог, вошёл в экстаз,
Осознав, что вечно лишь мгновенье.

* * *

Описать бесценный миг
Может лишь Создатель мига.
Лучше всех на свете книг
Ненаписанная книга.

Неспроста сказал пророк
То, что знали все пророки:
Лучше всех на свете строк —
Ненаписанные строки.

Всем известно: мир не нов.
Но одно в нём вечно ново:
Лучше всех на свете слов —
Непридуманное Слово.

Лишь Оно, рождая свет,
Говорит устами света:
Знай, что лучше всех планет
Нереальная планета.

Я нашёл на ней приют,
В мире не найдя приюта...
Мне милее всех минут
Уходящая минута.

Я — крылатый Водолей,
Сын Эпохи Водолея —
Знаю: лучше всех идей
Нерождённая идея.

* * *

Прояснилось сознание. Окрепла рука.
Вижу свет, в ожидании чуда небесного.
Как я счастлив! Свободна душа и легка.
И мне хочется вечного и неизвестного.
Мотылёк! Почему ты летишь на костёр?
Что ты видишь в сверкании яркого пламени?
Обожая, тебя породивший, простор,
Как ты смеешь себя обрекать на страдания?
Ты же знаешь, несчастный, что скоро умрёшь.
Но ты ищешь прекрасной, как сказка, гибели.

...Так и ты, о, душа, свои песни поёшь,
 Покидая пределы родимой обители...
 Я уверен: красивая смерть не страшна.
 Некрасивая жизнь многократно страшнее.
 Тот, кто любит безумно, не ведая сна,
 Погибает в борьбе за святые идеи.
 Умирайте красиво. Живите легко.
 Ничего не страшитесь. Ищите свободу...
 Вы обязаны верить в бессилье того,
 Кто желает загадить священную воду.
 Прояснилось сознание. Окрепла рука.
 И блесит надо мною звезда утешения.
 И как прежде, по небу плывут облака,
 И уверенно я принимаю решение.

* * *

Моё сердце томится
 По святым небесам.
 Я — бескрылая птица.
 Я — разрушенный храм.

Если вырастут крылья,
 Я взлечу в вышину,
 Позабуду бессилье,
 Дух свободы вдохну.

Моя дерзкая песня
 Превратится в кристалл.
 Я забуду о мести,
 Полюбив пьедестал.

И засветится слово,
Сотворённое мной.
И увижу я снова
Храм любви неземной.

Моё сердце томится
По вершинам вершин.
Я — бескрылая птица.
Я — разбитый кувшин.

* * *

Вселенная сжимается в горошину
И я несу её в своей руке.
«Моя любимая! Моя хорошая!» —
Я говорю на космоязыке.
Вселенная мурлычет, словно кошка,
Довольная хозяином своим,
Который по космической дорожке
Идёт в Небесный Иерусалим.
Я повстречаю в этом дивном граде
Иисуса, Кришну, Будду, Магомета
И выпью из Созвездия Ковша
Нектар Межгалактического света.

А й е у . л о

Б у х а р С а е в а

г. Москва

ПУТЬ

Пусть жизнь меня ведёт, дорогой и путём.
 Под ложечкой сосёт, — хочу идти вдвоём.
 Пока иду одна — сильнее становлюсь.
 Учитель мой, приди: по кругу я кружусь.

Помягче надо стать, текучей как вода.
 Увидеть старый след, оставшийся тогда.
 Из круга выйду вон, иным путём пойду.
 Учителя в себе я мудрого найду.

Спираль стремится вверх и вширь она растёт,
 Не будет впредь помех: меня путём ведёт
 Мой внутренний поток — Учитель изнутри,
 Страданий час истёк, дождалась я зари.

ПОТОК ЖИЗНИ

Хочу прожить легко, счастливо
 Я жизнь свою, в ней каждый день.
 Любить, дышать, писать красиво,
 Света лучи ценить и тень,
 Жар страсти и прохладу дня,
 Покой из сердца, радость бытия.
 Вся жизнь моя течёт потоком,
 Я сделаю его широким.

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Я счастлива, и в этом не одна,
Я радостна и очень благодарна.
Пусть будет счастье средь людей всегда,
Пусть будет нам легко, светло, забавно.

Игра наполнит пусть мой каждый день,
Я в жизнь сыграю как ребёнок милый.
Сопроводят меня свет, музыка и тень,
Минует год и день, и час унылый.

Есть страх и вдохновенье у меня
Дни, ночи проживать в потоке чистом.
Рассыплется когда-то крепкая броня.
И больше не хочу быть мягкой и пушистой.

Хочу я быть такой какая есть
И познавать себя ежемгновенно.
Не радует меня пустая лесть.
Быть искренней хочу и вдохновенной.

Возможно, это не всегда легко,
Важно другое — это ценно.

ЦЕННОСТЬ СЕБЯ

Ценность себя я познавать хочу,
Близость и трепет ощущая.
Из глубины яркой звездой свечу,
Путь жизненный любовью освещая.

Где боль, — там и любовь течёт,
 Где страх, — там и ресурс успеха.
 Сердце от боли воеет, — не поёт,
 Для счастья и потока это не помеха.

Ценить себя, — значит ценить все то,
 Что жизнь даёт, уже дала с рождением.
 И эта данность — не игра в лото.
 Это созревшей кармы проявление.

Вся жизнь есть творчество моей души,
 Характер мой, эмоции и тело,
 Ум-братец, ты всё переделать не спеши,
 Это не быстрое и не простое дело.

Вера в любовь и сострадание небес
 Меня питают силой, красотой
 Источник радости, игры, чудес
 В уме своем я мастерски открою.

Я упражняюсь в том, чтоб быть собой,
 Во всём и в каждом видеть отраженье.
 Глубин, красот и мудрости простой.
 Мы все одно, и это откровенье.

РИСОВАНИЕ МЕДИТАЦИЯ

Интуиция и краски —
 Удивительный дуэт!
 Маг, волшебница из сказки,
 Я — художница, поэт.

Приглашаю к рисованью
С интуицией, с душой,
Мы заглянем в подсознание
Познакомимся с собой.

Кисти, карандаш и краски,
Вы помощники мои.
Мандалу рисую, сказку, —
В жизнь гармония приди.

Обнажит рисунок тайну,
Устранит конфликт и спор.
Мы творцами жизни станем
Тёплым будет разговор.

Истину, мечту познаем
Что нам счастье принесёт.
Наслаждение и радость,
Отношения спасёт.

Мы в сакральное заглянем,
Зададим себе вопрос,
В группе истину познаем
И ответ вдруг станет прост.

В рисование есть потоки,
Приносящие ресурс.
Все таланты и пороки
Мы направим в нужный курс.

Сбалансируем сознание,
Устраним эмоций груз,
В жизни воплотим мечтания,
Приумножим счастья вкус.

В л а д и м и р

Л о с о

СКОРОСТИ

Жить спешу. Торопит век меня:
 «Успевай, пока еще не поздно!»
 Пролетают поезда, звеня.
 К горизонту? Или к дальним звёздам?
 Оглянуться некогда назад —
 Лишь вперёд нам суждено движенье.
 Полыхнёт внезапная гроза,
 Молнией снимая напряжение.
 И опять — быстрее, чем вчера
 В вихри бытия неудержимо.
 В клочья и туманы и ветра,
 Всё, что было, есть и будет — мимо!
 А вселенной вечно молодеть,
 И всему живому обновляться, —
 Будет вновь земная круговерть
 Лепестками яблонь осыпаться.
 Выйду в сад. Звезда над головой
 Голубеет в недоступной выси,
 И в тиши реакцией цепной
 Неуклонно набегают мысли.
 А вон там, где звёздною рекой
 Млечный Путь сверкающе искрится,
 Машет мне потомок мой рукой
 И велит еще поторопиться!

В ТУМАНЕ

Словно облако упало.
 Настороженный шофёр
 За баранкою устало
 В молоко вперяет взор.

И, блестя глазами-фарами,
Выплывают из глубин,
Как навеянные чарами,
Очертания машин.

Всё беззвучно-бестелесное
И похоже на обман,
Мимолётно-бесшестное...
Ночь, дорога и туман.

СТЕПНАЯ БЫЛЬ

Люблю бродить в степи весною,
Ей ни конца, ни края нет,
Она лежит передо мною
На грани времени и лет.

И, может быть, на этом месте
Мой предок торопил коня.
И чудится: мы скачем вместе
По голубой стремнине дня.

Устали кони. Солнце жарит,
И ветер губы иссушил,
А позади, к добыче жаден,
Кочевник саблю наострил.

А позади — еще погоня,
И стук копыт, и посвист стрел.
Но враг мой дом уже не тронет,
Пока я есть, покуда цел.

А степь и пела и звенела,
Не зная дна и берегов,
И убегала за пределы,
Где угасал закат, багров.

Как солнце медленно садится!
Домчав, я рухну из седла
И выдохну в родные лица:
«Скорей... Во все колокола!»

И загудит тревожно, грянет,
Качнувшись, купол голубой...
Но... тишина. И лишь тюльпаны
Звонят от ветра над землёй.

И я в безвременье шагаю
Между сегодня и вчера,
Ни дня, ни времени не знаю:
Что за эпоха? Чья пора?

Но вот шоссе, далёкий рокот
Пространство режущих машин,
И тишины тревожный ропот —
Свистящий шелест автошин.

Опять мой город предо мною,
И облака над ним скользят,
А степь осталась за спиною
И кличет, и зовёт назад.

НАШ ГОРОД

Неотразимы лики города,
 Себя хранившего в веках,
 Такого светлого и гордого
 С глубокой мудростью в глазах.

Его ветра — любви дыхание.
 Шумит, шумит морской прибой.
 По вечерам огней сияние
 И свет Звезды над головой.

Он не был прирождённым воином,
 Но, если надо, дрался так
 С упорством, мужеством утроенном,
 Что отступал смущённо враг.

Не изменив ни разу совести
 И чести воинской своей,
 Он пережил большие горести,
 Но и немало светлых дней.

Встречает он рассветы ясные,
 Душою молод, как всегда,
 Для нас любимей и прекраснее,
 Чем все другие города.

* * *

Исчезну ль бесследно? Не знаю.
 Об этом судить не берусь.
 Уйду в журавлиную стаю,
 Иль, может, в цветок превращусь.

А может быть, стану я светом
Бесплотным и лёгким, как дым,
Покину родную планету
Тончайшим лучом золотым.

У дальней звезды приболевшей
Планета — с печалью в глазах,
Там гибнет росток пожелтевший,
Который в безлюдьи зачах.

Я дам ему солнца частицу,
И силу свою, и тепло,
И ежели он возродится,
То, значит, и мне повезло.

ДАВНО МИНУВШАЯ

Так было тихо за окошком,
Но вдруг за краем тишины, —
Сначала будто понарошку, —
Гром проворчал огромной кошкой,
Прибоем каменной волны.

Всё чаще молнии сверкали,
И вдруг взорвались небеса
И наземь с грохотом упали,
И струи тяжкие стонали,
Сплетая с небом голоса.

А ветер яростно старался
 Разбить оконное стекло,
 И сам себе не признавался,
 Что постепенно выдыхался,
 Что время буйства истекло.

Гроза ночная отгремела,
 И снова в мире тишина...
 Как будто нас крылом задела,
 Когда в забвение летела
 Давно минувшая война.

С е м л а н а

Б у р о в а

БОЙЦОВСКОЕ-МОРЖОВСКОЕ (Из цикла «Мы это с вами проходили»)

Жили мы, не тужили
И в тепле, и в добре.
Вдруг нам газ отключили
Не шутя в ноябре.
И горячую воду
Отключили затем.
Но вручили свободу
С длинным шлейфом проблем.
И, как пёс, зажила я
Кое-как, как-нибудь:
Мылась в тазе, желая
В ванну с пеной нырнуть.
Но однажды решила:
Хватит жить кое-как.
Полотенце и мыло
Положила в рюкзак,
Банный веничек даже
Прихватила, как встарь,
И отправилась к пляжу,
Несмотря, что январь.
К морю я подбежала,
А кругом один лёд.
«Чтоб ты треснул», — сказала
И рванулась вперёд,
Где меня, как подружка,
Обняла полынья.
И, хлебнув, без закуски,
Песни петь стала я.

Коль артист постарался,
 Зритель тоже не спит.
 Тут брат морж и подкрался
 Оценить новый хит.
 Попросил: «А нельзя ли
 Спеть на бис». Что ж, спою.
 И моржи меня взяли
 Запевалой в семью.
 Дед Мороз там продюсер,
 И хмелён, и хитёр.
 Мне же лично дедуся
 Снегом спинку потёр.
 Я намылила шею,
 Всё от пят до платка.
 Стала «Тайда» белее,
 Как сосулька, гладка.
 ...Люди в нашем селенье
 Обросли уже мхом,
 Потому в настроенье
 Пребывают плохом
 Без водицы горячей.
 Расскажу им о том,
 Как от жизни собачьей
 Я вдруг стала моржом.
 В стужу к морю шагаю,
 С буйным ветром дружа,
 И других призываю
 Встать под знамя моржа.

2002 г.

МАСКА

Я пью – мне всё мало.
 И пьяной не стала,
 Не кружится зала,
 Куда я попала?
 Пора, очевидно,
 Собрать свои вещи.
 Умом, что обидно,
 Никто здесь не блещет.
 От скуки едва
 Подавляю зевоту.
 Болит голова,
 Танцевать неохота.
 Нет вовсе стремленья
 Отведать все блюда.
 Не слышится пенье,
 Не бьётся посуда.
 Скажу без обмана:
 «Есть дно у стакана!»
 Скажу без ухмылки:
 «Есть дно у бутылки!»
 Да в том и беда,
 Что в красивой бутылке
 Бал правит вода,
 Но под маской горилки.

2000 г.

ДВУЛИЧНАЯ ОВЦА

Басня

Одна Овечка, щеголяя в шубке,
 Молила Зиму: «Не спеши, голубка,
 Ты уходить. Побудь ещё до мая,
 Я без тебя, как без сестры, скучаю».
 Но так случилось: через час иль пару
 Овцу остригли, как и всю отару.
 И вот те на! У стриженной Овечки
 О Лете размечталось сердечко.
 Ей бы с Весной попрыгать на пирушке.
 А что Зима? Прескучная старушка.
 И, дверь открыв, Овца кричит из хлева:
 «Эй, снежная уже не королева!
 Иди скорей отсюда, сделай милость!
 Мне кажется, ты слишком загостилась».
 Зима в слезах просила объяснения
 Капризного такого поведенья.
 И таяла, гадая, в чём же дело,
 Почто Овца к ней резко охладела?

Зима, Зима! Разлад в твоём рассудке?
 Что тут гадать, когда всё дело в шубке.

РОССИЯ – МОЙ ПРИЧАЛ

Признаться, я и не мечтала
 Частицей стать твоей истории,
 Когда, не чувствуя причала,
 Плыла по жизни, как по морю я.
 И разъярённая стихия
 Меня на дно уже тянула,
 Но руку помощи, Россия,
 Внезапно ты мне протянула.
 И стало на душе так ясно,
 И слёзы радости во взоре.
 А кто-то говорит: напрасно
 Спасла ты тонущего в море.

2014 г.

УКРАИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Смута и страх
 Поселились в домах
 Граждан страны Украина.
 Одесса, Луганск,
 Донецк и Славянск...
 Вам родина стала чужбиной.

Ложью страна
 Поражена,
 У власти драконьи повадки.
 Дельцы за народ
 Всё решили, и вот
 Фашизм здесь наводит порядки.

Как видим, живой
Кровавый герой.
Легальна его дубина.
Идёт напролом,
Сжигает живьём
Граждан страны Украина.

Бьёт церковь в набат:
Спаси своих чад –
Зомби расправа жестока;
Услышь, о Творец,
Биенье сердец
Повстанцев Юго-Востока.

Российский наш Крым
Был Богом храним,
Но братья страдают и ныне.
И молимся мы:
Спасенье от тьмы
Пошли, Господь, Украине!
май 2014 г.

КРЫМСКАЯ ОСЕНЬ

Жара ушла. Привычку досаждать
Оставила дождям на попечение.
И снизошла на землю благодать!
Всё сущее вздохнуло с облегченьем.
Пора дождей пока что не близка,
Нежнее солнце, тише гомон птичий.
Как льдины, в небе тают облака

И вновь являются в причудливом обличье.
 Взгрустнуло море, берег стал пустым,
 Зато деревья в ореоле славы.
 Багряным цветом, цветом золотым
 Украсились уж парки и дубравы.
 Роскошен крымской осени наряд!
 Но листья облетают постепенно.
 Строптивые, о чём они шумят?
 О том, что красота на свете тленна?
 И всё ж она останется в мечтах,
 В поэзии и в музыке, в картинах.
 Чтоб убеждать: не всё уходит в прах,
 Чтоб мир спасти от мрака и рутины.

Е л е н а

С о ф и я

КАК ПО РЕКЕ БУРЛЯЩЕЙ

Летят года. Как по реке бурлящей,
 Я проплываю мимо жизни настоящей.
 И напрягаю взгляд, авось, смогу
 Увидеть, что же там, на берегу.
 И мысль, порою, донимает,
 Что мне чего-то не хватает.
 Быть может, лучше мне осесть
 На суше, где опора есть?..
 А с берега тоскливый кто-то
 Глядит мне вслед, ему охота,
 Оставив сушу и опору,
 Со мною в небо, в море, в горы.

Я ЗДЕСЬ УЖЕ БЫЛА

Я много раз уже жила.
 Я предавала и спасала,
 Я разрушала, созидала.
 И отдавала, и брала.
 Я верила, разуверялась,
 Я падала и поднималась,
 Я умирала и рождалась.
 Я здесь уже была, была!

ФОРТУНА ЦЕЛИ ПОМЕНЯЛА

Фортуна цели поменяла:
 Я дождалась, в конце концов!
 И вот, Судьба мне показала
 Не то, что сзади, а лицо!

УТРЕННИЙ ТУМАН

Мне утренний туман принёс покой:
 Все беды стёрлись вдруг
 И побледнели грусти.
 Всё за спиной.
 Я в долгожданном устье.
 Ещё чуть-чуть, и эта боль отпустит,
 И жажда жить вновь встретится со мной.
 Туман мне утренний по сердцу, по душе:
 Он обещает солнечные блики,
 И неба синь, и птиц весёлых крики
 О том, что всё «ещё», а вовсе не «уже».

УХОДИТ ПРОШЛОЕ

Уходит прошлое неслышно,
 Как отцветает тихо вишня,
 Что под окном моим растёт.
 И в будущее твердо веря,
 Совсем не чувствуя потери,
 Легко мы с прошлым расстаёмся:
 Уходит, ну и пусть идёт.
 Но от иной потери больно.
 И сдерживаем крик невольный:
 «Постой! Не уходи! Мне жаль!»
 И где-то в глубине сердечной
 Вдруг понимаем, что навечно
 Души растаяла частица,
 Оставив горькую печаль.

ЗАЧЕМ Я ВАМ?

Зачем я вам, зачем Вы мне?
 Как что-то чуждое извне.
 Дышать мне с Вами трудно.
 Отдельно — Вы, отдельно — я.
 И не враги, и не друзья.
 Уныло, тускло, нудно.

СПЛИН

Какая тоска,
 Как тревожно, как тошно.
 От этой тоски убежать невозможно.
 Она разрывает все жилы и кости,
 Незваная, страшная, серая гостья.
 Идёт с тобой в кухню,
 Ползет с тобой в спальню,
 С тобой отражается в свете зеркальном.
 Она в твоём кресле, она у окна.
 И Ты уже гостья,
 Хозяйка — Она.
 Нет сил кричать,
 Нет сил просить,
 Себя кому-то объяснять.
 Ещё не можешь ты простить,
 Уже не хочешь обвинять.
 Нет рук, нет ног, и взгляда нет,
 У глаз унылый серый цвет,
 Душа от боли сжата,
 И воздух, словно вата.
 Всё отторгаешь. В сердце тлен.
 Тоска в тиски схватила.
 И нет для жизни сил совсем.
 И умереть... нет силы.

Я МОРЯ ДОЧЬ

Плыву я в ночь.
 Я — моря дочь.
 Вдали огни причала.
 Вверху — попутная звезда,
 Внизу — зелёная вода,
 Смывает все печали.
 Легко, размашисто плыву,
 Тебя с собою не зову.
 Я от тебя устала.
 Толстей себе на берегу,
 А я с волны взлететь смогу!
 Я все начну сначала.

ГНЕВ ПРАВЕДНЫЙ

Когда мы думаем, что кто-то виноват:
 Сосед, коллега, друг иль брат,
 То так спокойнее. И праведному гневу
 Есть место в наших мыслях и сердцах.
 Когда ж кричать надоедает «Ах!»,
 И гнев уж потихонечку отпустит,
 Приходит время столь приятной грусти
 И праву — всё спустить на тормозах.
 Но вдруг ненужная, незваная мелькает
 Мыслишка малая, как шум издалека:
 Что только ты, иных и не бывает,
 Во всем виновен. И тогда тоска
 Тяжёлая и чёрная вползает,
 Твой гнев и твои ахи умирят,
 И негде спрятаться от самого себя.
 Тирады кончились. Нет слов.
 И ты молчишь.

ПОХОЖА НА ПОЛЕ СКОШЕННОЕ

Похожа на поле скошенное:
 Такая тобой заброшенная,
 Такая тобой забытая,
 Я — яростная, сердитая.
 И гневом душа переполнена,
 Его окунаю в волны я,
 А боль, надоевшую, слёзную,
 Смываю ливнями-грозами.
 Твой облик мне всюду мерещится,
 И молний каскады плещутся,
 И, бедная, стонет, мается,
 И в пропасть душа срывается.

ГРУСТНАЯ ЛУНА

Открою дверь, закрою дверь.
 И что с того? Одна.
 В весёлость ты мою не верь.
 Я — грустная луна.

ЗНАКИ

Знаки, знаки, чувства, мысли.
 Я виски руками стиснул,
 Я глаза закрыл и вижу,
 Что она все ближе, ближе.
 Что она, родная, рядом,
 Мы вдвоем под листопадом,
 И зелёные глазищи

Долгожданною наградой.
 Где ты, где? Виски сжимаю.
 Где та осень, где тот ветер?
 Лишь сейчас я понимаю,
 Что один на белом свете.
 Эти, рядом, — все чужие,
 Где же вы, глаза родные?
 Как песок сквозь пальцы,
 Счастье
 Просочилось. Ветер смёл.
 Чудо вновь не повторилось:
 Поезд, говорят, ушёл...

Я ХОТЕЛА БЫТЬ

Я хотела быть чьей-то женщиной,
 Быть хотела любимой, обласканной...
 Ничего не сбылось, что обещано.
 Мне иное судьбою завещано:
 Быть забытой на полке сказкою.

ЖАЛЬ...

Еду к морю. Вот оно.
 Синью расстелилось.
 Дикий берег золотой,
 Чайка шепчется с волной,
 Рядом ты, такой родной.
 Жаль, что лишь приснилось.

ГРУСТЬ КОШАЧЬЕЙ ЛАПОЙ

Грусть кошачьей лапой
Сердце расцарапала.
Только поздно плакать,
Всё уже отплакала.
И нелепо плакать,
Как над старой сказкой:
Назубок ты знаешь
Сказкину развязку,
Четко понимая,
Кто в ней дурень-лапоть.
Знаю, что смешная.
Мне неловко плакать.

ЛУННАЯ ДОРОГА

По лунной дороге плыву в никуда,
Вокруг никого — только я и вода.
Вдали голоса и огни у причала,
Меня же вода обняла, обласкала.
Нет тела и веса, я в мире ином,
В серебряном мире меж небом и дном.
Так чисто и пусто. И плыть бы и плыть...
Что было — не помнить, что будет — забыть.

ЧУЖОЙ, НЕ МОЙ

Сижу, как гвоздиком прибитая,
 Как та старуха у корыта я.
 Всё что имела, накопила,
 Как будто, под откос пустила.
 Ответ готов на «Быть? Не быть?»:
 Кого хочу — нельзя любить,
 Нельзя мечтать, нельзя грустить.
 Головушка бедовая!
 А ветер бьёт в мое окно,
 Погода с жизнью заодно,
 Чужой, не мой, не суждено.
 Мечта моя бредовая.

А н н а

Т а р а с е н к о

* * *

Серый город, серые улицы, дома,
Осень не из лучших в жизнь мою пришла,
Дни мои окрасив в депрессивный цвет,
Золота, багрянца для меня в ней нет.
Замолчали птицы, не поют с утра,
Даже не смеется, в доме детвора.
Дождь бесшумно моет серость за окном,
Чувства, звуки, краски замерли кругом...
Утром открываю я свои глаза,
И смотрю на голубой трафарет окна,
Манит он меня, зовёт, в красочную жизнь,
Но слепа я и глуха под прессингом обид.
Выключаю память, мысли, чувства, слух —
Серостью бездумья сердце обмануть...
Убегаю в жизни монотонный круг...
Не из лучших осень состоит минут...

.....

Дверь подъезда распахну, замедляя, бег...
Серый город исцелил долгожданный снег!

* * *

Летний зной...
Штиль на море,
Лежу на веранде.
Краска потрескалась,
Покрасить бы надо...
Солнце позолотило
Прибрежные скалы
Нежно одев их
В длинные тени.
Облако в небе,

Как сладкая вата —
 Белое, лёгкое,
 С розовым краем.
 Птицы на проводе,
 Словно бемоли,
 Качают хвостами
 На нотном стане.
 Я исцеляюсь,
 Набрав полной грудью,
 Воздух, в котором
 Часть моря и солнца,
 Ветер свободы,
 Крик чаек в полёте,
 Шелест волны
 О песчаный берег.
 Скалы столетние,
 Травы в цветении,
 Звёздные ночи,
 Солёный вкус моря.
 Пусть вытесняют,
 Из той моей жизни,
 Прошлого призраки,
 Глупые мысли...

.....

Море до края
 В серебряных бликах,
 Вид притягательный,
 Манит свечением...
 Я наблюдаю,
 Забыв про течение
 Времени, жизни,
 Обид и ошибок...

* * *

Ветер воет песню мне,
 Жаль, что текст мне не понятен.
 Вторит шторм ему невнятно
 На глубинном языке.
 Изменило море цвет,
 Стало серое, седое.
 Бирюзу забрал рассвет,
 В тучах небо голубое.
 Лето выжгло все цвета,
 Травы стали золотыми,
 Пахнет осенью с утра,
 Бьют о скалы волны злые.
 Чинят снасти рыбаки,
 Рассуждают о течение,
 Курят нервно: не с руки
 О штормах предупреждение.
 Вдруг пронзает солнца луч,
 Мглы пролитые чернила,
 Поднимая из-за туч
 Аркой радужной светило.
 На мгновение мир завис,
 На две радуги взирая,
 Радостью сердца зажглись.
 Но мираж тотчас растаял.
 Грянул гром, сгустилась тьма,
 Ветер замер, хлынул ливень,
 Шторм и дождь, — везде вода,
 Перед ними мир бессилен.
 Эта мокрая война,
 Бушевала до заката,
 Вместо ордена — луна,
 Солнцем утренним распята.

Новый день, и неги луч
Заскользил по глади моря,
Лик природы так могуч,
И никто с ним не поспорит.

КИНОЗВЕЗДА

Смотрю очередную мелодраму...
Ох, раньше слёз на этой сцене пролила б!
А нынче яблоко грызу в непонимании —
Сюжет откуда черпает эта страна?
И где, скажите, мне рождаются такие?
Где Бреда Питта взять или хотя бы Бельмондо
—
Романтики, красавцы удалые...
Чем я не постаревшая Бриджит Бардо?
Хотя, уверена, за рамками экрана,
У всех красавцев, умниц, молодцов...
Свои проблемы есть, свои разрывы и романы,
И дети так же беспокоят звездных матерей, от-
цов.
Среди любимых — так же есть непонимание,
Средь бывших — страсти ревности ещё кипят,
Так лучше наслаждаться красотой экранною,
И, лёжа на диване, представлять
Себя звездой киноромана...
И... яблоками это заедать!!!

* * *

Телефонные связи,
Как струны души
И похожи звонки,
На молитву в тиши...
С тем, с кем горе и радость

Могу разделить:
 Не живут по соседству,
 В гости к ним не сходить.
 Раскидала судьба
 В страны и города,
 Кто за море уехал...
 Не идут поезда...
 И хоть видимся мы,
 Раз в году или два —
 Телефонные связи
 Спасают всегда.
 Я без адресной книги,
 Номер твой наберу,
 И тихонько — «Привет...»
 Прямо в трубку вдохну,
 Знаю — сразу узнаешь,
 Что «на проводе» — я.
 Ты души моей свет,
 Половинка моя!

* * *

По ночам я тоскую о той, кем не стала,
 И от этого трудно всей грудью вздохнуть,
 Разорвав все оковы, от себя не сбежала,
 Ошибиться легко,
 и любовь нам уже не вернуть.

НЕДОСКАЗАННЫЙ НОВЫЙ ГОД...

Последний день уходящего...
 Не колются ветки искусственной...
 Не звонят друзья позабывшие...
 И я не могу простить бывшего...
 Сажу я под пледом — холодно...

Не только в квартире — внутри меня...
 Не греет любовью вселенная...
 И мандарины рассыпаны...
 Оливье серпантином украшено...
 Сын за стенкой стучит по клавишам...
 Пульт от телевизора выброшен...
 Жду я Новый год — предстоящего...

ПОСЛЕПРАЗДНИЧНЫЙ ГОСТЬ

Зимний вечер,
 я пригласилась у камина,
 Может даже задремала
 рядом с кошкой,
 Вдруг звонок,
 и на пороге
 непонятная картина —
 Дед Мороз хмельной,
 но с натурально красным носом.
 Я, признаюсь честно, — онемела...
 Он мне так нахально —
 Здрасти, С Новым Годом!
 — Я считаю,
 пусть по ново-
 старо-греческим канонам,
 Праздники уже прошли,
 поверьте, это точно!
 — Как прошли?! —
 кричит мне Дед Мороз,
 а борода за ухом...
 — Так, народ уж две недели
 на работу ходит,
 Я конечно благодарна
 Вам за поздравление,

Но домой пора Вам... дедушка,
 а то весна догонит!
 Опечалился мой гость в шубейке красной,
 Волоча, пустой мешок и перегар,
 побрел к ступенькам,
 Бормотал тихонечко под красный
 нос стишки, куплеты...
 Но на полпути остановился,
 распрямляя плечи...
 Постоял, шубейку скинул,
 и в трусах остался, —
 Тоже в шёлковых и красных, —
 голый Санта Клаус!
 — Врёте Вы про праздники! —
 не крикнул, убегая в лето...
 — Впереди Крещение... и это...
 Двадцать третье февраля
 и Восьмое марта!!

ТРАВА НА ПОДОКОННИКЕ

На подоконнике растёт «кошачая» трава,
 Растёт так быстро, зеленеет, колосится...
 А в кресле что-то вяжет мама для меня,
 И в такт часам позвякивают спицы.
 Бегут секунды, месяцы, года...
 Календари выбрасываем в мусор,
 Но вновь на подоконнике
 взошла уже трава,
 И на свиданье мамины
 украдкой надеваю бусы.
 Пришла любовь, но время ураган её унес...
 Как жаль всё:
 не вернуть, не распустить на нити,

* * *

В твоих глазах стеклянных,
Увидела конец.
И захлебнулось сердце,
Двадцатилетней болью.
Но если честной быть,
То, семь из этих лет,
Жила я счастливо —
Тобой, детьми, любовью...
Потом ты стал чужой —
Взошёл на пьедестал,
И впредь оттуда
Больше не спускался.
Я по инерции иллюзией жила,
Что будет всё у нас как прежде
Даже слаще...
Но разошлись пути.
Взбираешься ты вверх,

Но без меня —
 «ненужного балласта».
 Стараюсь всё забыть,
 простить и улететь,
 Туда где мне
 не нужно притворяться.

* * *

Моё сердце вопит от боли,
 Мысли все убивают волю,
 Твоё имя — Предательство, Ложь,
 А слова — что кислотный дождь.
 Дни темнее безлунной ночи,
 Разум мой тебя знать не хочет.
 В моих венах бежит вода,
 Что отравлена навсегда.
 Мне глаза застилают слёзы,
 Нет, не верю, что ты серьёзно,
 предаёшь меня, не любя,
 Отрекаешься навсегда.
 Я не верю, что в наше завтра
 Вторгся нагло незванный гость:
 Одиночество — злая правда,
 Словно в горле собачьем кость.
 Мной закрыты все окна, двери,
 Даже выброшены ключи...
 Всё равно я тебе не верю,
 Не любил, так лучше молчи...

* * *

Я ушла от тебя,
 Но мне этого мало,
 Так бы сто раз уйти,
 Чтобы легче мне стало,
 И сто раз позабыть,
 Годы... голос... улыбку...
 Как мне сто раз простить
 Твою глупость, ошибку...
 Но тебе не нужны,
 Ни прощенье, ни слёзы.
 Позабыты вчера
 Вечера, жизни проза...
 Будто не было их —
 Этих тех лет, где мы вместе...
 И тебе хорошо
 С мастерами по лести,
 С теми, кто подхалим,
 И охочий до денег.
 Сам себе господин,
 И расправлены плечи...
 Только знай: без меня
 За плечами нет крыльев.
 Я хранила тебя,
 Но отныне бессильна...
 Я ушла от тебя,
 Но мне этого мало,
 Улетела б сто раз,
 Чтобы легче мне стало...
 Буду крыльями тем,
 Кто нуждается в этом,
 А тебе пусть сvezёт,
 В миллионном проекте!

* * *

Я надеюсь: когда-то, в каком-то году
 Все ответы на все теоремы найду.
 Тем, кто бросил меня в середине пути, —
 Не со мною, но счастье желаю найти.

* * *

Мы бежим из города к морю, в летний зной...
 Оставив в мегаполисе насущные проблемы,
 И хоть на пару дней, сбежим от новостей...
 За нас решили всё давно горящие дилеммы...
 И будем мы нырять в прохладную волну,
 И отвечать друзьям, что всё у нас в порядке...
 Скрывая муки совести и боли глубину,
 И веру в прекращение военной лихорадки.
 Молюсь за Всех, за Мир — довольно канонад!
 Не только за друзей, хотя за них — за первых...
 Пусть всё пройдет скорей, обнимет брата брат,
 Не сдерживая слёз горячих, жгучих, жарких.
 Нам Богом жизнь дана, и грех её забрать.
 Пусть тот, кто взвёл курок, увидит под прицелом
 Свою жену, сестру, а может сына, мать...
 Тогда поймет он всё, опустит дуло первым...
 Одна земля на всех, для жизни нам дана,
 Стремитесь же Прощать, Любить и быть Любимым!
 Пусть прекратится эта глупая, жестокая война!
 Победа не нужна, коль Жизнь невозвратима!

* * *

Без разницы...
 Сколько нас здесь ходило по берегу,
 Одиноки мы, или вдвоём...
 Море смоем следы со временем,
 Мы же дальше в закат уйдём.
 Будет нам там тоже без разницы —
 Первым кто уйдет, кто — вторым...
 Лишь бы детского смеха и радости,
 Не смывало следы до поры...
 Я хочу, чтоб по этому берегу
 Дети, внуки, ходили мои...
 И закаты, рассветы —
 Без разницы! —
 В душах их оставляли следы...

B e p a

K o b a n o

* * *

Соберу все обиды и зло
И смелю на муку.
И как будто бы мне повезло,
А поверить смогу,

Что из этого выпекую хлеб?
Разве можно испечь
Из таких «дорогих» непотреб?
Я хочу уберечь:

Горьким будет и хлеб, и мука,
И не выйдет калач.
Зря твоя напрягалась рука.
Всё пройдёт, ты не плачь.

Ты прощай все обиды и боль,
Не копи их в душе.
И на рану не сыпь злую соль...
Я — прощаю уже.

* * *

Сколько лет уже прошло,
Зим без счёта пролетело.
Да, на сердце отлегло,
Но не в этом, милый, дело.

За любовь мою прости.
Разлюбить тебя пыталась —
Не смогла. И на пути
Я с тобой в слезах рассталась.

Непонятым был роман,
И любовь была, но — хрупкой.
Пронеслась, как ураган,
Улетела вдаль голубкой.

Не вини, любовь моя!
Мыслями тебя касаюсь.
До сих пор люблю тебя,
И в тебе я растворяюсь.

КРИК ДУШИ

Что же вы наделали, славяне?
Сколько можно братьев убивать?
Мы — одной планеты, мы — земляне,
И нельзя такое забывать.

Сколько крови пролито напрасно.
Сколько детям плакать по ночам?
От огня и крови в поле красно...
«Будьте прокляты! —

старик в ночи кричал —

Я прошёл войну, живым вернулся,
Я Победу вёл на пьедестал.
Мир сошёл с ума, перевернулся,
Коль меня сейчас снаряд достал...»

Зло, как бумеранг, — оно вернётся
К тем, кто с безрассудством палачей
Пулями и дымом гасит солнце,
Не жалея стариков, детей.

И расплате им придёт за это —
 Ад, презрение и проклятья ждут.
 Вас, убийцы, не простит планета.
 За кровавый грех ждёт Божий суд.

Мухомов

Угновский

ПРИГОВОР СТОЛЕТИЙ

*Начинается
Плач гитары.
Разбивается
Чаша утра.
Начинается
Плач гитары.
Федерико Гарсиа Лорка*

Продолжается плач гитары
По невинно убитым в Одессе.
Сотни тысяч гитар зарыдали
На просторах нашей планеты.
Небеса отвечают им эхом,
Волны скорби в эфир посылая.
И звучит приговор столетий:
«Нет прощения подлым убийцам
Мирных жителей безоружных.
Божий Суд – ведь он существует;
В нужный Господу час – да свершится!»

3-4 мая 2014 г.

ГІМН ДЕМОКРАТИЧНОЇ УКРАЇНИ

Вставай, Україно демократична,
Доброзичлива, високоетична!
Та Україна, що толерантна,
Та, що дарує людству таланти!
В слові і в пісні твоя краща сила,
Майбутнє твоє хай буде щасливе!

Многогранники

А н н а

Ч у д н о в с к а я

АЛЁНА

Алёна росла без матери. Мама умерла, когда девочке было три года, Алёна её и не помнила вовсе. Растил её отец. Он так и не женился больше. Во-первых, не хотел мачеху для дочки, а во-вторых, был он председателем колхоза и весь день отдавал работе, где уж тут жениться. Помогала растить Алёну тётка — родная сестра отца. У тётки своей семь не было, да и жила она на той же улице, через два дома. Но тётка работала, поэтому у Алёны всё было как и у других детей: детский сад, а потом школа.

Училась Алёна хорошо, когда окончила школу, отец предложил ей поехать в райцентр и поступить в техникум, чтобы выучиться на зоотехника, но девушка наотрез отказалась: а кто будет заботиться об отце и вести хозяйство: садить огород, ухаживать за живностью. В селе без своего хозяйства нельзя. Есть что будешь? Не город, гастрономов нет. Алёна ещё с детских лет вела и дом, и приусадебное хозяйство. Поэтому после окончания школы пошла, как и другие девушки, работать на ферму дояркой.

Перед войной ей было уже двадцать семь лет. За-муж она не вышла. Очень уж нескладная была: высокая, худая, даже какая-то костлявая, сутуловатая, с веснушчатым лицом и пепельного цвета волосами, обычно заплетёнными в жидкую косицу. К тому же, она не умела и не любила красиво одеваться. Возможно, потому, что росла без матери — некому было научить. Ходила всегда в ситцевых юбках и холщовых рубашках навыпуск, которые сама и шила. Отец, когда ездил на совещания в город, привозил ей наряды и

украшения. Но она наденет, посмотрит на себя в зеркало, да и уберёт куда подальше. К тому же, была она молчаливая и застенчивая, поэтому немногочисленные колхозные парни находили себе более красивых и бойких девчат. Алёна от этого не страдала, она всегда была занята делом, ей и задумываться о замужестве было некогда.

Когда началась Великая Отечественная война, отец сразу попросился на фронт. Но ему было приказано, как председателю колхоза, сначала эвакуировать сельхозмашины и скот. Потом отцу поручили в окрестных лесах организовать партизанскую базу и партизанский отряд. Алёна тоже попросилась в отряд. Отец сначала не хотел её брать, но Алёна сказала: «Всё равно ведь немцам станет известно, что я дочь председателя колхоза, сам понимаешь, что они со мной сделают».

Сначала отец был командиром партизанского отряда, но потом командование принял капитан, который вместе с группой бойцов выходил из окружения. А Алёну определили помощницей к Тимофею, занимавшемуся всеми хозяйственными делами в отряде. В армию Тимофея не взяли — он хромал. По той же причине партизаны не брали его на боевые задания. Но зато у Тимофея были золотые руки, он не только умел всё делать по хозяйству, но, главное, отлично разбирался в любом оружии. Он чинил трофейное оружие и учил партизан стрелять из него.

Алёнин отец, теперь комиссар отряда, ходил вместе с другими партизанами на боевые задания. Однажды группа попала в засаду, и бойцы принесли его в отряд смертельно раненого. Он умер, не приходя в

сознание. Похоронили отца на укромной лесной полянке. Алёна осталась одна. Она ухаживала за ранеными, помогала Тимофею по хозяйству, а в свободное время он учил её стрелять. Алёна оказалась очень способной ученицей: стреляла метко. Тимофей даже похвалил её: «Тебе надо было стать снайпером». Как-то Тимофей с Алёной пришли к командиру отряда. «Мы хотим пожениться. Выдай, Петрович, нам свидетельство о браке», — попросил Тимофей, а Алёна покраснела и опустила глаза. Командир не стал возражать. Он выдал временный документ: «Если будете живы — обменяете в сельсовете». Так Тимофей и Алёна стали супругами. Любили ли они друг друга? Может, и любили, а может быть, просто встретились два очень одиноких человека. Кто знает? Чужая душа — потёмки, а тем более, две души. Алёна перебралась жить в землянку к Тимофею. Неопытная в женских делах, она не сразу обнаружила, что ждёт ребёнка. Она очень испугалась, но когда сообщила об этом Тимофею, он, как мог, успокоил её: «Рожать-то ещё не скоро, побудешь пока в отряде, а там, глядишь, немцев прогонят».

Тимофей сразу же освободил Алёну от всех тяжёлых работ, потихоньку взял их все на себя. Когда подошёл срок, Тимофей сказал жене: «Тебе надо идти в деревню к тётке. По нашим сведениям, немцев там нет». Алёна собрала свои нехитрые пожитки в узелок, на опушке леса они простились. Обнялись. «Прости, Алёнушка, если что не так было. Родится сын — назови Василием в память о твоём отце. Деда моего тоже Василием звали. Хорошие они были люди. Коли девчонку Бог пошлёт — называй как хочешь. А это

тебе на всякий случай, — он достал из-за пазухи пистолет. — Трофейный, — объяснил, — наши у убитого немецкого офицера взяли. Гляди внимательно. — он показал, как надо стрелять. — Помни, в нём пять патронов. Ну, ступай, Алёнушка, Бог даст, будем живы — свидимся». И он ещё долго стоял на опушке и смотрел вслед удаляющейся Алёне.

В деревне Алёна поселилась у тётки и вскоре родила здорового, крепкого мальчишку, которого, как и было условлено, назвала Васей. А через неделю в село пришли немцы. Их было пятеро. Вернее, немцев было четверо, а пятый — полицай. Свой же, деревенский, Спиридон. До войны он работал в колхозе, но был дебошир, пьяница и вор. Председатель колхоза даже хотел его отдать под суд, но он вовремя исчез из деревни, и вот теперь объявился в качестве полицая.

Немцы согнали всех жителей деревни, а это были бабы с ребятишками, и стали поджигать избы. «Это вам наказание за связь с партизанами, — злорадно сказал Спиридон. — А вас всех мы сожжём вон в том амбаре», — указал он на большой амбар с распахнутыми дверями. Он хотел ещё что-то добавить, но тут на руках у Алёны заплакал крохотный Васька. Алёна пыталась унять его, но ничего не помогало. Он плакал громко и не по-детски горько, как будто предвидел свою ужасную судьбу.

К Алёне подскочил огромный рыжий немец. Он выхватил ребёнка и швырнул его в горящую избу. И тут раздался крик, от которого в прямом смысле кровь застыла в жилах. Это был скорее вой смертельно раненого зверя. То кричала Алёна. Все, даже немцы, замерли. А Алёна побежала к горящей избе, но на полпути остановилась, откуда-то из-под своей длинной

холщёвой рубахи достала пистолет, который дал ей Тимофей, и пятью меткими выстрелами уложила и немцев, и Спиридона.

Всё произошло так быстро, что никто из них даже опомниться не успел. Алёна и вообще-то метко стреляла, а тут боль и гнев помогли ей не промахнуться. Свершив правосудие, она отбросила уже ненужный пистолет и с криком: «Сыночек, я иду к тебе!» — бросилась в горящую избу. Все ещё какое-то время стояли, не шевелясь, пока самая бойкая баба — Любаша Сомова, не крикнула: «Бабоньки, хватай ребяток, да айда в лес, к партизанам, пока снова немцы не понаехали». Партизанский отряд они нашли быстро, почти у всех в нём был кто-то из родственников.

Когда Тимофей узнал о гибели своей семьи, он взял топор и лопату, и никому ничего не сказав, ушёл в лес. Так же молча он вернулся через некоторое время. Что он делал в лесу, никто не знал, но как-то, собирая хворост, бабы вышли на лесную полянку, где был похоронен Алёнин отец. Рядом с его могилой был свежий холмик, а возле него посажена совсем молоденькая берёзка.

Вскоре район освободили от фашистов. Большинство партизан влились в действующую армию, а Тимофею отдали единственную лошадь с телегой и ещё кое-что из отрядного хозяйства. Он вернулся в деревню. Деревни как таковой не было. Немцы сожгли её дотла. Тимофей собрал женщин и ребят постарше. «У нас не Сочи. Как зимовать-то будем? Надо построить жильё. Хотя бы одно на всех». Все с ним согласились. Кое-что для строительства удалось выпросить у начальства в районе.

Тимофей послал ребят искать на пепелище уцелевшие инструменты и даже гвозди. Помогал ему Николай, который на фронте потерял руку. Он учил ребят распрямлять гвозди. Общими усилиями к зиме построили барак. Его ещё долго потом называли Тимофеевской избой. Гораздо позже, когда уже отстроили всю деревню, новенькой школе колхозники решили присвоить имя Алёны, которая спасла жизни многим будущим ученикам этой школы. Тимофей сам изготовил и прикрепил табличку: «Школа имени Алёны Выриной-Гуровой» и с болью подумал, что в эту школу мог бы ходить и его сын, если бы не проклятая война.

* * *

Мне любить недосуг:
Где-то юность вдали,
И семейных забот
Чётко выверен круг.
Отчего же кричу,
Как от боли, в ночи,
Вспоминая тебя,
Мой неласковый друг?
Берег нашей любви
Скрыт за дымкою лет,
И цветы не растут
В том полынном краю.
Не под парусом алым,
Под небом пустым,
На обломках любви,
Как на тающей льдине,
стою.

А л е к с е й

В д о в е н к о

ПОСЛЕ ШТОРМА

Шесть дней над городом бушевал шторм. Даже в закрытой бухте громадные волны с рёвом обрушивались на бетон набережной и лениво, точно нехотя, отступали, оставляя после себя клочкастые пучки морской травы и мелкие лужицы солёной воды.

Крутой забияка ветер с неистовым азартом полновластного хозяина носился по городу, срывая с крыш листы кровельного железа и черепицу, повалил кое-где деревья и оборвал провода. Ещё вчера казалось, что нет конца этому и исхода, эти стон, вой, скрежет и свист — навсегда.

Ещё вчера...

А сегодня с утра тихо и тепло, светит солнце. И город, взлохмаченный, взъерошенный после шторма, всё-таки уже улыбается свежевывмытыми стёклами окон, лицами встречных прохожих. Иду по ожившим улицам, и вдруг ловлю себя на мысли, что и в жизни человека, порой, происходит то же самое...

Бушует житейский шторм, теряется работа, распадается семья, уходят все друзья, здоровье — надо бы лучше, да где взять?! И кажется — всё, конец, финиш, больше ничего хорошего не будет!

Да нет же, ерунда, всё ещё будет. Надо только не сдаваться, перетерпеть, дожждаться этого... «после шторма».

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

«Евромайданам» и «Антимайданам» 2014

*«Лучше 200 лет эволюции,
чем 2 дня революции»
(Ч. Дарвин)*

Друзья мои! Не надо революций!
Людская кровь побед не оправдает.
Добру от зла не нужно контрибуций:
Хороших революций не бывает.

Когда пойдёт войною брат на брата, –
Вожди дурят – народ стенает, –
К любви и миру не найти возврата:
Хороших революций не бывает.

Вы в жажде правды праведны и пылки.
Но думайте о тех, кто пострадает.
Не выпускайте джина из бутылки:
Хороших революций не бывает!

20.01.2014 г.

ЧЁРНЫЙ АНГЕЛ

(Чернобыльская зона)

Чёрный ангел летел над долиной,
Над печальной долиной теней.
Восхищался тревожной картиной –
Фантастический мир без людей.

Навсегда опустевшие хаты.
И в садах – одичавшие вишни.
Радияция и «мирный атом»...
Человек среди них – третий лишний.

Красный лес среди жаркого лета.
Травы слишком высокого роста.
Что ж, прогресс – это благо. Но где-то.
А у нас... всё непросто... непросто...

КЕРЧЬ

Слово «Керчь» стариной былинной,
Будто чайки морской крыло,
Как кирпич обожжённой глины
На душе моей залегло.

Как ни езжу по свету где-то, –
Возвращаюсь всегда скорей
В эту гавань любви и света
На проливе меж двух морей.

За желаннейшую награду,
За начало любых начал
Кораблю и поэту надо
В этой жизни иметь причал.

Не кичиться от случая к случаю, –
А надёжно в сердце беречь
Это слово картово-крученное,
Но такое родное: «Керчь».

КЕРЧЕНСКОЕ СКЕРЦО

Керченская улица.
Склоны Митридата.
Город мой любит
Заревом заката.

Счастье «пилит» скрипкою
Керченское скерцо.
Здесь под старой липой
Осталось моё сердце.

Удалые ноженьки
В дали позовут,
Только все дороженьки
На Родину ведут.

Есть закон таинственный
В сердце и в судьбе.
Город мой единственный,
Прихожу к тебе.

КЕРЧЕНСКАЯ ПЕСНЯ

Музыка А. Сизонов

По керченским улицам ветер –
Покрепче, чем крепкий мороз.
Но нет мне дороже на свете
Тех мест, где родился и рос.

Припев:

Керчане, куда б ни спешили,
Всегда возвратятся назад.
И самой высокой-высокой вершиной
Им будет родной Митридат.

Тут люди особого слада.
Небросок их песен мотив.
Но лучших друзей мне не надо,
Да, лучших нельзя и найти.

Припев:

Здесь в ладном, красивом созвучье
История с новью живёт.
Керчане – не очень певучий,
Зато бескорыстный народ.

Припев:

КЕРЧЕНСКИЙ ВАЛЬС

Когда я бываю в краю отдалённом,
В краю, что сверкает неоном рекламным,
Всегда вспоминаю свой город у моря,
Как он провожает нас вальсом прощальным.

Припев:

И чайки в прибое
Вальсом кружатся,
Керченским вальсом.
Мой город, ты в сердце остался,
И нам никогда не расстаться,
Нам не расстаться с тобою!

Я снова вдали от родного порога:
Дороги морские уводят в туманы.
Но в сердце кружится задумчиво-строго
Тот вальс, что слышали мы на прощанье.

Припев.

К тебе возвращусь я, мой город, когда-то,
Туда, где дороги далёкой начало.
И будет светить мне Огонь Митридата
Огнём маяка у родного причала.

Припев.

В ПУТИ

За окнами вагонными
Просторы – знай, смотри.
И фонари бессонные
Сияют до зари.

Колёсики всё вертятся:
Тук-тук, тук-тук, тук-тук,
Где мы с тобою встретимся,
Мой самый верный друг?

В Москве ли, в Благовещенске,
А может, близ Ельца?
Судьбою нам завещана
Дорога без конца.

Не зря дорога веками
Легла, да по судьбе.
Была бы полка верхняя
Свободною в купе!

ЖИЗНЬ-ДОРОГА

Для жизни честной
Не нужно много –
Была бы песня,
Мечта, дорога.

Друзей хороших
Побольше рядом.
Дворцов роскошных –
Душе не надо.

Не надо храма –
Ей хватит тела.
От сора,хлама
Избавься смело.

Сняв, что мешает,
Гнетёт и виснет, –
Легко шагает
Душа по жизни.

НЕПАРАЛЛЕЛЬНОСТЬ

Грустит гитара, – струны онемели.
Метелит в тундре, и в степи – буран.
А между нами – двадцать параллелей
И плюс ещё один меридиан.

В метель ты смотришь. Плачешь... Неужели?!
Но мне один лишь путь по жизни дан.
И между нами – двадцать параллелей
И плюс ещё один меридиан.

Но если станут нервы на пределе,
Сорвётся сердце в безнадежный сбой, –
Скручу в одну все двадцать параллелей! –
Ведь мы не параллельные с тобой...

ИНТЕРНЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Я поэт, а ты – кухарка.
Необычная любовь.
Эскимос я, ты – болгарка,
Закипает в жилах кровь.

Пусть, живём мы в разных странах, –
У любви преграды нет,
Потому что постоянно
Подключён наш интернет.

Интернет повсюду славлю,
Ведь он стал для нас судьбой,
Я веб-камеру поставлю,
Чтоб подольше быть с тобой.

Мы общаемся к обеду,
Вечером и поутру.
Я в Болгарию поеду,
Если денег соберу.

ОДА ЛЮБВИ

Любите крепче, люди.
Любовь всем миром правит.
Ведь каждый, кто полюбит, –
Навек себя прославит.

Давно лежат в могиле
Ромео и Джульетта,
Но их любовной силе
Внимает вся планета.

В веках воспел Петрарка
Красу своей Лауры.
Хоть ум Лауры жалкий, –
Была Лаура дурой.

Несчастен в мире кто-то –
Тот, кто любви не знает.
И даже Идиотов
Любовь преображает.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Л. Панину

Сыграй мне Жизнь, артист, сыграй мне Смерть!
И между ними что-нибудь сыграй.
Как ни прекрасна жизни круговерть, —
Есть два пути у нас: в Ад или в Рай.

Играешь ты Вельможу для вельмож;
Рабов, шутов, лакеев и царей,
И только лишь в последний миг поймёшь
Значенье роли истинной своей.

Что ж, представленье наше не прошло,
Но ушло давно за середину.
Хоть ветер Жизни дует нам в чело, —
Ветер Смерти холодит нам спину.

И пусть сейчас на сцене ты — Король,
Хватит тебе славы и отваги,
Ты знаешь: эта жизнь — всего лишь роль,
Перед Смертью все просты и наги.

ФЕОДОСИЯ

Город Айвазовского и Грина,
Я не раз рассвет с тобой встречал.
Здесь далёких странствий бригаantina
Навсегда нашла себе причал.

Как бы ни бродяжил я на свете,
А к знакомым улочкам вернусь,
Где опять морской солёный ветер
Навевает романтизма грусть.

Пожелай в дороге мне удачи.
Пусть пройдут туманы и дожди,
Живы мы ещё, а это значит –
Жизнь подарит встречу, – подожди.

КОНЕЦ СВЕТА

В. Зайцеву

Если жизнь наша – игра
И случайность,
Всё равно нам не пора
Впадать в крайность.

Даже если впереди
Конец света, –
Будем дерево садить
Мы при этом.

Будем мы детей растить
И петь песни,
Чтобы было в мире жить
Интересней.

А как Божий суд придёт, –
Все ответим.
Нынче ж – дел неупорот
На планете.

П а т о я н а

Л е в ч е н к о

ПРОСТО...

Научиться читать оказалось проще простого! Проще, чем беседовать. И уж подавно легче, чем знакомиться. А, может быть, – наоборот: проще, чем знакомиться, и уж подавно легче, чем беседовать? И в самом деле: ведь сначала нужно познакомиться, а уж потом о чём-то говорить с этим новым знакомым.

Это было моё самое первое из запомнившихся знакомств. Не сомневаюсь, что до этого были десятки разных людей, приходившие к нам домой, сюзавшие со мною перед родителями: «А что это за девочка? А как её зовут?» Спрашивали-то у родителей, никому не пришло, небось, в голову – протянуть ладонь (или хотя бы палец) и солидно сказать: «Ну, что ж, давай знакомиться...» Ясное дело – никому. Уж я бы запомнила.

Вот и получилось, что в свои неполные пять, имея за плечами уже немалый опыт путешествий в машинах, поездах и пешком, я была совершенно неподготовлена ни к серьёзному знакомству, ни, тем более, к беседам. И потому, прожив в этом городе, на этой улице, в этом доме уже несколько дней, уже даже получив от Бабуни разрешение выходить самостоятельно на улицу (но быть только около двора: «уйдѣшь – назад не впусти!») – это уже до Керчи докатилась моя слава путешественницы, из-за которой мама даже в детсад не могла меня устроить. В итоге, в этом весѣлом заведении я пробыла ровно полдня до первого «тихого часа». Но это было давно, ещё в Михайловке. А, может, уже в Хортице. В Запорожье, короче говоря. Но о путешествиях отдельный рассказ.

А сейчас я сидела на корточках в тенёчке под уличной стеной дома, разглядывая сразу всё. Дом через дорогу, за крепким штaketником с выгоревшей и облезлой белёсо-зеленоватой краской. Меж штaketин торчала оскаленная серо-коричневая морда собаки, морда эта временами чихала, скрываясь, а потом вновь выставлялась на улицу. И саму дорогу, двумя глубоченными колеями тянущуюся то ли справа налево, то ли вовсе наоборот. На ряд деревьев вдоль нашего двора: на абрикосах кое-где среди зелени виднелись запёкшиеся тёмно-коричневые плоды, на миндале густо лепились на ветках гроздьев крупных миндалин. Я ещё не знала, что это тоже орехи, как на собственно орехе, где круглые, зелёные были уже опробованы, сбитые неоднократно брошенным камнем: не так-то просто докинуть на такую высоту, да ещё и в орешек попасть, да чтоб ещё и сбить этот орешек.

А по земле, по протоптанным ими дорожкам в пыли и по стволам деревьев сновали муравьи. Тысячи и тысячи муравьёв – рыжих, чёрных блестящих, чёрных тусклых... Что-то они на деревьях делали, но возвращались все с пустыми руками. Наверное, ходили обедать теми остатками абрикос или «смолой», обильно выступающей в трещинках стволов. Я бы и сама с удовольствием смолу съела, но нижнюю отгрызла ещё два дня назад, а остальные выступы очень высоко.

Было довольно жарко. И очень пусто. Ни людей, ни животных, кроме морды в заборе, ни птицы домашней не наблюдалось. Наверное, из-за жары. А может, просто все были на работе, в детсадах и где там были дети постарше – на море, наверное? И я была

искренне удивлена зрелищем шагающего по дороге, по одной из её колеи, по пояс в ней, белобрысого мальшпа, босого и в одних трусиках. По ним я и определила, что шагает так набурмосленно и целеустремлённо ко мне мальчик: в ту пору все трусики были синие или чёрные сатиновые, но покррой различался у «девочковых» и «мальчуковых», как смешно называла это мама с ударениями на последних «о». В руках мальчишка держал сложенную простым способом газету.

Я молча наблюдала, впрочем, стараясь понять, зачем он идёт ко мне, в месте с осыпавшимся краем выбравшись из колеи, и зачем несёт газету – не читать ли собрался? Можно было посмеяться, сказать что-то вредное. Но я была новенькой на улице, мне ещё от дома не разрешалось отходить, поэтому просто молчала, поднявшись, однако с корточек. Не для встречи странного гостя, – чтоб быстро шмыгнуть в калитку, если что.

Белобрысый подошёл. Он был немного ниже меня, но держался уверенно. Впрочем, ни агрессивности, ни насмешки в выражении его лица не было. Одна только озабоченность. И не было никаких «Давайте познакомимся...». Был прямой вопрос:

– Девочка, ты можешь свернуть газету в трубочку?

Меня не вопрос удивил. Я удивилась, что мальчишка этого не умеет. Не поверила и спросила:

- А почему ты сам не можешь?
- Я ещё маленький, у меня не получается.
- А сколько тебе?
- Четыре.
- Мне тоже четыре.

– Мне уже, а тебе ещё, – сурово произнёс мальчишка и повторил вопрос: – Ты можешь свернуть газету?

– Могу, – ответила я, беря газету из его рук, и начала сворачивать.

Проблема действительно была превеликая: во время свёртывания газета вовсе не желала оставаться ровной, она обязательно перекашивалась всё больше и больше, в итоге получалась не трубка, с которой очень здорово было играть в подзорную трубу и даже в калейдоскоп, если смотреть на небо сквозь крону дерева, а какой-то газетный жгут. В этом и таилось всё умение-неумение. Я уже умела выравнивать перекося, не боясь в ладонях почти до конца распустить свёрнутую трубку, чтобы мягко подбить её по краям, а после уже, несколькими движениями ладоней, уплотнить до нужного диаметра. Мальчишка, судя по тому, как он дёрнулся поддержать, ещё боялся, что газета развернётся до конца, и трудную работу придётся начинать сначала.

Получилось, что всё-таки я была права: сначала разговор, а потом знакомство. Посмотрев сквозь готовую аккуратную трубку на дорогу, на небо, на меня, мальчишка серьёзно протянул ладошку:

– Меня Боря зовут.

Я также представилась.

– Пойдём ко мне играть, – предложил он, но я помотала головой:

– Меня Бабуня назад не впустит.

– Тогда я завтра приду, – пообещал Борька и ушёл, уже не по дороге, а по дорожке вдоль дворов.

Я вышла на дорожку и смотрела, куда он пошёл. Оказалось – всего через два дома от нашего. Наверное, если Бабуне сказать, где он живёт – она разрешит...

Вот так. И беседа, и знакомство... Это сейчас кажется – ерунда. А каково было тогда...

Так вот, читать научиться оказалось гораздо проще.

И здесь тоже играет огромную роль газета. Даже заглавную, пожалуй.

Сестра с сентября начала ходить в школу. У неё появились учебники – целых три: Букварь, Родная речь и самый красивый – серая высоконожкая книжка, часть обложки расчерчена в клеточку белыми линиями, а вверху название – Арифметика. Это я не прочитала, это их так все называли и я запомнила. Ещё у Оли были тетради, в которых она рисовала крючки и палочки – эта в косую линейку, а вторая, в клеточку – там цифры и числа писались. Но я почти не видела этого: «мешать делать уроки» было нельзя, в портфель лезть было нельзя, а когда все на работе-в-детсаду-в школе – мне и подавно было нельзя близко подходить к этажерке. (Интересно, почему я была такая послушная?!)

Оставались газеты. Они лежали свободно, их никто не запрещал трогать (только свежепринесённые почтальоном тётей Зиной – нельзя). Но там было так много всего написано, так много разных букв, и совсем без рисунков, как у Оли в Букваре... Оставалось с умным видом водить указательным пальцем по строчкам и «читать»: «ба-ба-ба-ба...» – я честно не «читала» известные слова, потому что знала: в газетах

так не пишут. Почему знала? Потому что каждый вечер после ужина Дедуня садился на стуле под лампой, свежие газеты клал под локоть на столе рядом, к ногам ставил маленькую скамеечку (вовсе не для ног: на неё он складывал уже прочитанные газеты). Все рассаживались – кто на кроватях, кто за столом, и начиналась «политинформация». Сначала Дедуня прочитывал для всех коротенькие новости из серединной узенькой полоски текста на первой странице газеты «Известия». Потом так же – из «Керченского рабочего». А после он читал молча большие тексты и, если было интересно – повторял какие-то из них вслух.

Я полюбила во время этих чтений садиться на полу у скамеечки с газетами.

Что это была за заметка (новость одним абзацем) – я никогда не вспоминала, ни даты, ни содержания... Просто она оказалась последней прочитанной в газете, текст ещё держался в памяти, когда Дедуня положил газету на скамеечку. Я машинально взяла газету в руки (со скамеечки уже можно) и, как обычно, водя пальчиком по строчкам, молча, «про себя» «читала»... но не своё «ба-ба-ба-ба...», а только что услышанное от Дедуни. Тот продолжал читать другие новости, но я увлеклась открывшейся новой гранью своей игры: «читала» и «читала», невольно запоминая текст наизусть.

На следующий день, когда уже все порасходились, а Бабуня управлялась с печкой-готовкой, я вновь взяла эту газету и начала «читать» уже вслух. Раз, другой, третий...

Наконец, Бабуня не выдержала, заметив, что я повторяю один и тот же текст.

– Что ты там читаешь? – усмехнулась она.

– Газету, – важно ответила я.

– А ну, где? – обернулась она от печи.

– Вот здесь, – ткнула я пальцем неважно куда на странице.

Бабуня взяла газету, глянула и, с той же усмешкой, указала:

– Это вот где напечатано, а не там.

И – всё!

Я повела пальцем по указанным строкам, повторяя вслух текст, и, немыслимым образом, печатные буквы начали совпадать с их звучанием... С третьего прочтения я поняла, что именно прочитала этот текст! Глаза скользнули к следующему абзацу и... там была непонятная смесь букв. Но те же буквы встречались и в «моей» заметке...

До вечера я сидела над газетой, как тогда, под домом, – видя сразу всё: все заметки, все буквы, слова... а вечером прочитала, медленно, с запинками на ещё не встречавшихся буквах, сама прочитала совсем незнакомую заметку из свежей газеты.

Ну, что ж, мои успехи были отмечены. Отныне на «политинформациях», пока Дедуня просматривал большие тексты, я читала для всей семьи короткие новости. И ещё мне был насовсем передан Олин Букварь – благо, в школе она его уже «прошла», перейдя к Русскому языку.

Вот и всё. Это было очень просто. Проще, чем разговаривать и тем более знакомиться. Проще, чем научиться потом, через два года, читать Букварь по слогам в классе на уроках.

Но первая учительница, Полина Михайловна Шокурова, как и полагается мудрой Первой Учительнице, отбирая у меня спрятанную под Букварём «Сказку о царе Салтане», спокойно сказала:

– Я знаю, что тебе неинтересно читать Букварь. Но, пожалуйста, – читай. Читай по слогам, выразительно. Потому что нужно не только уметь глазами читать – нужно учиться слова произносить, нужно учиться правильно говорить и доносить до собеседника, слушателя, читателя свои мысли.

Получилось?

КРЫМ – РОССИЯ

Благословенный край,
 воспет ещё Гомером,
 Хранит источники
 Святой Руси – России:
 Здесь Красно Солнышко Владимир
 принял Веру,
 И с этой Верой в Русь пришла
 Святая сила.
 Дух единения роднит народы Крыма.
 И пусть беснуются «синьоры Апельсины» –
 Мы не допустим в Крым оранжевого дыма:
 Наш путь – с Россией.
 Крым – с Россией!
 Крым – Россия!
 Границы мира перекраивают люди.
 Но духу русскому нет равного по силе.
 А потому и был, и есть, и вечно будет
 Наш путь с Россией.
 Крым – с Россией!
 Крым – Россия!

* * *

Когда заблудшие тучи
 Роняют последние капли,
 Чтоб их не выжали досуха
 Солнечные лучи,
 Они выставляют радугу
 В своём арьергарде – яркую.
 И солнце, дивясь прекрасному,
 Им позволяет уйти.
 Когда заблудшие души
 Уйти хотят от возмездия,
 Чтобы отвлечь внимание
 Озлобленных ими толп,
 Они рассыпают яркие
 И броские пустословия.
 И люди, дивясь красноречию,
 Прощают их.
 Но а Бог?

* * *

... И вот бредут они от дома к дому,
 Насквозь минуя веси, города...
 Ведомы в никуда... а кем ведомы?
 Не всё ли им равно, коль – в никуда...

Где спят они – там стоны, храп и вопли,
 Там пот и смрад от их немытых тел.
 Весь опыт душ, что жизнями накоплен,
 За дальние пределы отлетел.

А где едят они – пасутся орды
 Злых крыс и воронья несётся ор...
 И так идти им... непокорным, гордым...
 Из нети в неть...
 С к'их пор и до к'их пор?..

ЧТОБЫ ВСЕ БЫЛИ ЖИВЫ...

*А я хочу, чтоб все остались живы.
 Андрей Шталь «Остановите войну»*

Не спеши, суд земной не верши
 Славы ради ли, ради наживы.
 Шепчет ветер в рассветной тиши:
 «Я хочу, чтобы все были живы...»

Всё вернётся на круги своя,
 Были помыслы искренни ль, лживы.
 Но извечна молитва сия:
 «Я хочу, чтобы все были живы...»

Больно слышать и больно взирать:
 Что в угаре вражды совершили...
 Кто ещё не устал повторять:
 «Я хочу, чтобы все они жили...»?

Побреду по пустынной земле.
 Все молитвы своё отслужили.
 Что найду я в остывшей золе?
 Шепчет ветер: «Хочу... чтобы жили».

* * *

Не всякий Рубикон есть точка невозврата.
Но если «руби конь», тогда, пожалуй, — да.

УСТАЛО...

Что мы делим промеж собою?
Вся-то жизнь у нас — поле боя.

Места нам не достало, что ли?
Поле боя — не хлеба поле.
Что же делим его на доли?
Что же держим его до боли?

Отступиться бы всем, оставить —
Пусть полынью позарастает!

Пусть его побивает градом,
Солнце выпалит злые корни.
Поле боя — зверь плотоядный:
Не зерна ожидает — крови.

Не планета — квадраты целей!
Голос разума слышен еле.

И тому еле-еле внемлем.
Это ль было для нас мечтой...
Чего делим-то, люди?!
Землю.
А на что?

* * *

Смотри мне на спину, сынок.
 Нет, там – не крылья:
 Не ангел мама –
 просто путь тебе торит.
 Ты на Пути не одинок.
 И от бессилья
 Моя спина перед тобой –
 тебя хранит.

Смотри мне на спину, сынок,
 А не под ноги:
 Там –
 вправо, влево тропки
 вниз и вниз влекут.
 А в том ли суть, а в том ли прок,
 Что на дороге
 На каждый клик,
 на каждый зов –
 готов свернуть?!

Смотри мне на спину, сынок.
 А коль отстанешь, –
 Меня укроет от тебя слепая мгла, –
 Ты только помни,
 обещай мне,
 что не станешь
 Идти по тропкам,
 от каких я берегла...

* * *

Вот милосердия примером:
Рубить сплеча –
Задача палача,
Чтобы не мучить жертву
свыше меры.

* * *

«Солнце светит всё ярче...»
т/ф «Апокалипсис завтра»

Солнце светит всё ярче.
Солнце – тоже поэт,
Исстрадавшийся болью
Над одной из планет,
На которой поэты
От боли немые.
Солнце светит всё ярче.
А мы?...

С е р г е й

М о л о д ц о в

ОСКОРБИТЬ СВЯТОЕ

Открытое письмо Киеву

Георгиевская лента...Символические цвета пороха и огня...Символ отваги и героизма. Даже И. Сталин отдал ей должное (а ведь – символ царской России!), учредив орден Славы – своеобразный георгиевский бант солдатского мужества. А медаль «За победу над Германией»? Она тоже на георгиевской ленте. И если орден Славы был не у всех участников войны (тем более всех 3-х степеней), то медалью были награждены миллионы. Георгиевская лента стала символом победы над фашизмом не только для советских людей, но и для многих европейских стран.

Украинцы, наравне со всеми народами СССР, ковали эту победу, освобождая Европу от «коричневой чумы». Что же свихнулось в мозгах этого многострадального народа? Когда оскорбления касаются лично меня, или, незаслуженно, моей Родины – я списываю это на дикую, антироссийскую пропаганду, говоря себе: «Придёт время, народ одумается и поймёт всё». А пока – сплошное оболванивание. Одна речёвка: «Кто не скачет – тот москаль» – как симптом коллективного помешательства. Ну, хоть бы смысл был. Я как-то сказал одному своему давнему знакомому, ярому стороннику «единой и незалежной», подначивая его: «Ты в курсе, где в Украине больше всего у власти «москалей»? На вопрос: «И где?», я простенько ответил: «В правительстве и в Раде. Ты видел там хоть одного скачущего?» Представьте себе картинку, если бы такое было... Психлечебница на прогулке... И автор данного «шедевра» Р. Лыжичко, ляпнула, а сама и не поняла, что ляпнула. Ну, ей простиительно – как говорят в простонародье: «Не отчудишь – не прославишься». Вроде и певица талантливая, и в

годах уже, но со сцены уходить не хочется – хоть в клоунах, но зато на виду! Ладно, Господь судья её детскому уму. Пусть и дальше продолжает в бочки палками громыхать и скакать под «гениальные» речёвки. В народе не зря говорят: «Что старый – что малый» и ещё: «Чем бы дитя ни тешилось...» Жаль конечно, вроде и солидный эстрадный исполнитель, а такое вытворять... Спишем на возрастные изменения.

А вот то, что касается символа Победы – здесь списывать на скудоумие нельзя. Это не просто оскорбление страны – это издевательство над миллионами погибших в войне с фашизмом, в том числе и украинцев. Одна, чересчур экзальтированная мадам, предлагать стрелять во всех, кто носит эту ленту, другой – аж целый министр, пошёл дальше и запустил словечко «колорады».

Я не хочу копаться в биографиях этих людей и их близкого окружения. Но если их родные в ту, страшную войну, воевали на стороне «партайгеноссе фюрера» – вопросов нет. Как говорят: «Яблоко от яблони...». Но если они боролись, как многие народы, с фашизмом – то их нынешних детей и внуков не понять вообще. Выходит, что их отцы и деды – тоже «колорады». Про всех них я утверждать не берусь, но вот у А. Яценюка, уж точно от фашистов родным досталось по полной программе. И он скромненько помалкивает. Не стыдно? Пострадавших от фашистов и спасённых советскими солдатами, его родных и соплеменников нагло оскорбляют, а человек не реагирует. Опять поговорка народная в точку бьёт: «С волками жить – по-волчьи выть».

Всё это можно назвать полнейшей деградацией сознания. Тем более, что скатываются до оскорблений, лишь люди, мягко скажем, недалёкие.

Ведь украинцев никто не оскорбляет. Если говорится: «правосек» – это сокращённое название; если «бандеровец» – это сторонник С. Бандеры; если «националист» – партия «Свобода». И никто не издевается над жёлто-голубым флагом страны или трезубом. Ума и такта хватает. Пожалуйста, можете называть нас по аналогии: «ленинцы», «сталинисты», в конце концов – «путинцы». Мы, настоящие патриоты России и будем только гордиться за такие эпитеты. Можете и «москалями» дальше звать, хотя, если вы знакомы с творчеством Т. Г. Шевченко, то поймёте, что граждане России никак в категорию «москаль» не попадают. Мимо. Читать нужно больше, усваивать прочитанное и хотя бы учиться немного мыслить.

А вот скатиться до мелочного оскорбления всеобщей святыни, да ещё, толком не сообразив, назвать её именем родины своих нынешних «ближайших друзей» (штат Колорадо, США) – до такого додуматься надо! И куда Обама смотрит?

Ладно, «дружья» меж собой разберутся, кто кому «колорадо». А вот СВЯТОЕ, задевать нельзя. Чревато. Можно получить в ответ. И значительно сильнее. Пока вы, наносящие оскорбление всеобщему символу, «на пере» у журналистов. Но если за ваши «художества» всерьёз возьмётся литература – каковы будут портреты для потомков? Задуматься есть над чем.

А пока примите в качестве небольшой сатирической зарисовки этот опус и решите: не пришла ли пора извиниться перед народами за оскорбление символа всенародного мужества и отваги.

НЕ ТОПЧИТЕ СВЯТОЕ

Аваков выдумал словечко: «колорады».
 Украинец, а мовы знать не знает:
 Ведь «коло Рады» — те, что «возле Рады»
 И те, кто в этой Раде заседает.

К тому же — биологию забыл:
 Откуда родом полосатые кусаки.
 Сей жук к нам из Америки приплыл,
 Оттуда, где живут: Обама, Псаки...

И полосатый он, как флаг родной.
 Прожорлив, неразборчиво всеядный.
 И в Украине он, давно уж «свой» —
 Не просто жук — Жучище «колоРадный».

А лента пороха с огнём, так то — Отвага,
 Геройство духа и солдатских рук.
 Я думаю, вы поняли, Аваков,
 Кто ж в самом деле «колоРадский жук»!

НОВОЕ В ГЕОГРАФИИ

Джен Псаки не ломает голову напрасно:
 Как во всемирную историю войти.
 Конечно же — географом прекрасным,
 Сумевшим много нового найти.

«Открыла» горные хребты в степях Ростова,
 А Белоруссию «отправила» к морям...
 Мир с нетерпением ждёт «открытий» новых
 И фонареет от «всезнающей» мадам...

Дождались... Астрахань — граничит с Украиной!

А вскоре, к ней причалят, словно лодка:
Москва, Тюмень и Чуйская долина,
Кызыл, Иркутск, Камчатка и Чукотка...

ОЧЕРЕДНОЙ ВИТОК СПИРАЛИ

В научных кругах бытуют версии, что не только Земля, но и вся солнечная система созданы искусственно. Кем, как, когда и с какой целью — вопрос. Многие учёные склоняются к тому, что и луна — искусственное образование, полое внутри и скрывающее под своей поверхностью, различные наблюдательные комплексы, неотъемлемой частью которых, являются различные и множественные НЛО.

Вывод из всего этого делается неоднозначный — проводится эксперимент в глобальном, космическом масштабе, который находится под непрерывным наблюдением и контролем.

КЕМ и ДЛЯ ЧЕГО?

Автор.

...Убелённый сединами монах молился. Вернее, это была даже не молитва, а воззвание к Тому, кого ещё так никто и не познал.

Я — Боже, — взывал он, — как ты можешь далее терпеть и сносить всю творящуюся на земле несправедливость? Голод и болезни убивают множество ни в чём неповинных людей, в то время как ничтожное их количество, захлёбывается в роскоши и богатстве... Реки крови проливаются в различных войнах, революциях и переворотах с одной-единственной целью — ради власти и наживы... Отброшены в сторону. Как ненужный хлам, нравственные и моральные устои...

Безжалостно уничтожается природа... Куда катится мир, Боже? Когда твоя, справедливо карающая длань, остановит это сумасшествие? Доколе ты будешь терпеть?

Господи, взываю к тебе: дай разумения рабу твоему, как спасти душу? Ибо вместо неё, от всего творящегося, образовалась бесплодная пустыня...

Многое повидал и пережил на своём веку, странствующий монах. Всю свою жизнь он искал ответов на вопросы: о чьей воле происходит всё на земле и для чего, ибо Господь не может быть таким жестоким и немилосердным.

Он так и не нашёл нужных ответов, подойдя к финишной черте своего нелёгкого пути и стоя на пороге Вечности. И вот сейчас, глядя в тёмное, звёздное небо, он взывал к Богу, пытаясь получить ответ на главный вопрос – о спасении души...

...В обширном командном отсеке атмосфера была наэлектризована, но особой нервозности не наблюдалось, а она и не присуща представителям народа кош.

Пин сидел перед огромным пультом управления станцией. Его брат, Пун, отслеживал на экране перемещение наблюдательных автоматов и корректировал их. Тос был занят предстартовой подготовкой и проверял цепи. Старый Ер, делал вид, что подрёмывает, хотя он был – весь внимание у экрана дальнего обнаружения. И только Анда проявляла некое беспокойство, находясь в ожидании, у пульта аппаратуры связи. Присутствующие ожидали. С минуты на минуту Высший Совет должен был огласить РЕШЕНИЕ и отдать КОМАНДУ...

– Сколько времени потрачено, и опять впустую!
– с досадой сказал Пин.

Пун, не отрывая взгляд от экрана, ответил:

– Два хронопериода – не такой уж и большой срок. До этого сколько было циклов проведено и с какими сроками?

– И каждый заканчивался неудачей и очередной зачисткой! – влез в разговор освободившийся Тос.

– Но предыдущий эксперимент почти удался! – возразил Пин. – Если бы не атланты...

– Н-да... Вообразили себя всемогущими... – задумчиво произнёс Пун – И если бы не их далеко идущие планы, о всеобщем порабощении...

– А я предупреждал, на Высшем Совете, что нельзя им давать такие знания и технологии! – взволнованно бросил Тос.

– Анда, а ты что скажешь? – спросил Пин.

Анда, оторвав взгляд от пульта связи, повернула к ним голову и спокойно ответила:

– Наше мнение для Высшего Совета – не авторитет, Пин. Мы – исполнители. Возможности у нас ограничены и, единственная наша задача – наблюдать, докладывать и вносить корректировки по рекомендациям Совета.

– И чего достигли этими корректировками? – не на шутку завёлся Тос – Ну, разнесли вдребезги их города – Содом с Гоморрой; ну, устроили тектонический сдвиг с глобальным наводнением... Но ведь это не научило никого и ни чему! А сколько селекционных чисток проводили микробиологи? Результаты – те же! А мы всё надеемся. Что с приходом новой цивилизации жизнь на планете пойдёт по иному, гуманному пути развития!

– Что поделаться, друзья, – сказал Пун, продолжая следить за своим экраном и изменениями на нём, – и в этом цикле – провал. Всё дошло до крайней степени: нескончаемые войны, массовое уничтожение себе подобных... А что хуже всего – уничтожается безжалостно сама природа!

– А самое ужасное – то, что они сами подвели себя к грани уничтожения! – резюмировал Пин. – Один их ядерный арсенал, с постоянной угрозой применения, чего стоит!

Ер в разговор не вмешивался. Он только делал вид, что подрёмывает, внимательно следя за показателями своего участка наблюдения. Но, несколько эмоциональную беседу своих молодых коллег, слушал.

«Да. Молодости не свойственно длительное терпение и ожидание, – размышлял Ер, – Им подавай всё сразу и с конечным положительным, результатом!»

Он вспомнил себя – молодого, горячего исследователя и усмехнулся, в тронутые сединой, усы:

– Такой же была сколько было до нас и сколько ещё будет!»

Он только собрался присоединиться к разговору, как Анда округлила его.

«Уймите страсти» – сказала она – «Все наши доклады изучены и проанализированы. Остаётся только ждать решения Высшего Совета и исполнить его, каким бы оно не было!»

«Но, обидно же будет, если придётся начинать всё с самого начала...» – уныло пробормотал Пин.

Никто не успел ему ответить. Потому что заработал передатчик, выдавая ленту с сообщением и всё внимание присутствующих переключилось на Анду.

Она прочла: «Высший Совет постановил: завершить эксперимент на данном этапе, как неудавшийся и подготовить площадку для начала проведения нового».

Анда посмотрела на коллег и скомандовала: «По местам! Приступаем!»

Ер посмотрел на обзорный экран и показания приборов: «Чисто! Четвёртый – готов!»

Тос пробежался взглядом по контрольным огонькам цепи старта ракет: «Третий – готов!»

Пун направил команду возврата наблюдательных автоматов на базу: «Второй – готов!»

Пин отбарабанил на клавиатуре код старта ракет: «Первый – готов!»

Анда отправила сообщение: «Селена» в готовности № 1. Начинаю предстартовый отсчёт. «Затем, повернувшись к Пину, отдала короткую команду: «Первый! Начать предстартовый отсчёт!»

Пин нажал нужную клавишу... Крышки люков сдвинулись в сторону и вся поверхность луны, обращённая к Земле, покрылась чёрными провалами пусковых ракетных шахт.

Стрелка таймера приблизилась к красной черте...

«Пуск!» – скомандовала Анда.

Пин ввёл ключ до упора и ракеты понеслись к Земле...

...Старый монах смотрел, на привычное его взору, ночное небо, где ярко светила луна и сияли звёзды. Он покидал этот мир, так и не получив ответа на свой главный вопрос...

С последним вздохом, глаза его закрылись, увидев напоследок, как мириады звёзд, сорвавшись с неба, несутся к Земле и успокаивающая мысль подарила ему вечный и благодатный покой: «Господь услышал меня... Это спешат его посланцы – ангелы...»

М а р у н а

М о л о г у о в а

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КИЕВУ

Забвенью можно ли придать,
Забыв священный День Победы
И сердцу приказав молчать —
Забывать, что мир в войну изведаль?

Такое могут лишь враги
И оголтелые нацисты.
Прошу я Бога: «Помоги!
Подняли голову фашисты!»

В какой же надо бить набат,
Чтобы сознание проснулось?
Неужто мало тех солдат,
Что полегли и не вернулись?

А миллионы в ТЕР печах,
Что превратились в горы пепла?
Развеян над землёй их прах...
Вы в Киеве, там, все ослепли?

Не видеть прошлого повтор.
За что так русских ненавидеть?
Позор! Неслыханный позор!
Под танками людей не видеть,

Хатынь в Одессе повторить,
Цинизмом прикрываясь узким
И в террористов превратить
Всех тех, кто говорит по-русски.

Не видеть собственных корней, —
Мы столько лет все были вместе!
А у «обкуранных» парней
Давно нет совести и чести.

Готовы уничтожить свет
В защиту собственных амбиций.
О дружбе больше речи нет.
Надели ненависть на лица.

Кумиры с Запада идут,
Готовя Украине тризну.
В оборонительный редут
Вы превращаете Отчизну.

С чужого примерять плеча
Заокеанские одежды...
«Не превращайтесь в Палача!» —
В сердцах людей горит надежда!

ТРЕВОЖНАЯ ВЕСНА 2014

Кипень буйная сирени,
Пчёлка-труженица полёт, —
У природы — пробужденье.
Радуйся весне, народ.

Отчего же сердце ноет,
Отчего душевный стон?
Как ковчег, когда-то, Ноя
Будет ли народ спасён?

Трещина, ну как на льдине:
Кто-то там, а кто-то здесь.
По холмам и по равнинам,
В семьях трещинок не счесть.

Революция в двадцатом
Развалила царский строй
И вставляли брат на брата.
В результате, — кто герой?

Двадцать первый век в разгаре.
Извлекли какой урок?
Революции кошмары
Не идут народам впрок.

Видно каждый век на грабли
Не устанут наступать, —
Убивать, гнобить и грабить...
Где же разума-то взять?

Тех, кто снова нарушает
Человечности закон,
Что, по сути, отличает
Их от варварских племён?

Есть предел людским страданиям?
Нужно верить: точно есть!
На краю у Мироздания
Встанут СОВЕТЬ, МИР и ЧЕСТЬ!

МЫ С ВАМИ.

Близким из Мариуполя и Славянска.

Как хочется весною наслаждаться:
Цветеньем трав, прохладой ветерка,
Смотреть на облака, высокого касаться...
К заветному блокноту тянется рука.

Но не ложится стих певучею строкою
И мысли все бегут туда, где страх и боль.
Донбасс восставший! Мысленно с тобою, —
Я чётко вижу на асфальте кровь.

Спротивляться хунте оголтелой
Такой ценой! Не приведи Господь!
Вы покориться силе не сумели:
Восстала и душа ваша, и плоть.

Мы с вами! Крым не забывает
Родных по крови братьев и сестёр.
От мала до велика каждый знает
Свободы вкус и доброты простор.

Держитесь, братья! С вами мы едины,
А наш пример и ваш поднимет дух.
Когда мы вместе, — мы непобедимы
И в каждом сила будет, как на двух.

Вы, сделав выбор, чётко победили,
Но это только первый, трудный шаг.
Оружием вам волю не сломили.
В борьбе за жизнь не выпускайте флаг!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ну, здравствуй! Я к тебе вернулась!
И не во сне, а наяву.
Душа раскрылась, развернулась
Навстречу солнцу и теплу.

Весна приносит возрождение...
А тут умножено стократ
К тебе, Россия, возвращенье
Превыше всяческих наград.

Который год к твоим берёзкам,
Что у Предтечи здесь растут,
Родных напевов отголоски
Меня настойчиво зовут.

Я обнимала ствол шершавый
И гладила его рукой.
России образ величавый,
Тогда вставал передо мной.

Душа от счастья вострепелась
И я о том могу кричать:
«Ну, здравствуй! Ты ко мне вернулась!
Сошла на Крым наш благодать!»

ДЕНЬ ШАШЛЫКА

Какое счастье — в жаркий
летний день,
На берегу пролива
очутиться.
От дерева
спасительная тень,
За столиком —
друзей родные лица.
Мангал зажжён.
Теперь побольше дров,
Готовых превратиться
в уголь жаркий.
Шашлык на шпажки
угодить готов, —
Чтоб далее
подвергнуться поджарке.
А на столе
нехитрый разносол:
Вино, компот,
лучок под маринадом,
Огурчиков
хрустящий малосол
И помидоры.
Что ещё нам надо?
Шашлык готов.
Кружится голова
От сочности
и запаха мясного.
В беседе льются
добрые слова,
А также
поэтическое слово.

Как хорошо,
 что этот летний день
 Не омрачают
 облака и тучи.
 Вдали от взрывов,
 воющих сирен,
 Мы под защитой
 Родины могучей.

АВТОГРАФ ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

Было это в 1962 году. Только что вышел на экраны кинофильм «Человек-амфибия». Женская половина населения страны сразу же влюбилась в Ихтиандра, то бишь актёра Владимира Коренева. Увы, я не была исключением. В силу своей застенчивости (родилась-то в селе), я была тайной поклонницей. Письмами Коренева не доставала, фанатизма не проявляла, но чёрно-белое фото актёра приобрела в киоске «Союзпечати». А тут подружка Галя, с которой училась на 4-м курсе техникума пищевой промышленности и вместе отработали преддипломную практику на фабрике «Свобода» в Москве, примчалась ко мне домой, где я снимала угол, с широко распахнутыми глазами: «У нас через две недели в Алексине будет творческая встреча с Корневым. Поедем?»

«Конечно. Мы же на свободном графике, пишем дипломную работу дома и можем спокойно сорваться на пару дней.»

Две недели пролетели незаметно и мы в назначенный день поехали на родину Галки в г. Алексин, что в Тульской области.

Я приготовила фотографию Владимира Коренева для автографа (если удастся к нему пробраться). Но, к сожалению, встреча не состоялась, так как что-то произошло у артиста в дороге с машиной. Слава Богу, он не пострадал, но увидеться не довелось.

Мы успешно защитили диплом, потом, по направлению, уехали на работу в Свердловск на парфюмерную фабрику.

«Человека-амфибию» я смотрела много раз в жизни. Внимательно следила за творчеством Коренева, но на экранах он почти не появлялся. Он стабильно играл в театре, занимался преподавательской деятельностью.

И вот, в 2005 году, на наших керченских «Агонах», Владимир Коренев — член жюри. Мы с мужем, конечно же, пошли на творческую встречу, организованную с актёром. Я достала, сохранившуюся с тех давних времён, чёрно-белую фотокарточку Владимира Коренева. И вот, наконец, моя мечта сбылась: «Марине на память. Вл. Коренев. 26.06.2005 г.»

Я не собираю автографы фанатично, но берегу те, что удалось получить.

«Желаю счастья. Донатас Банионис. 3.07.2000 г.»

Есть автографы Александра Градского, Семёна Фарады, Махмуда Эсамбаева, Евгения Леонова и других известных талантливых людей. И мне радостно, что я смогла с ними пообщаться и прикоснуться к их ореолу.

Б о р и с

В а с и л о в - П а л о м

ЗАПИСКИ МЕЧТЕТЕЛЯ, НЕ ФАНТАЗЁРА

или

КАК МЕНЯ БОГ ВРАЗУМЛЯЛ

(продолжение)

Время корректирует хронологию моих записок. В этом выпуске альманаха я планировал рассказать о «неравнодушии» ко мне чисел 6 и 9, показать, что осознание своей избранности этими числами позволяло прогнозировать результаты своей — с позволения сказать — жизнедеятельности. Но на днях скоропалительно воплотилась в жизнь мечта, осуществления которой не ждал я раньше конца 20-х годов. Приходилось параллельно мечтать о том, чтобы дожить до реализации этой мечты, ибо она была не сугубо личной мечтой: об этом грезили почти все крымчане. И если я пишу о чудесах в своей жизни, то возвращение вместе с Крымом в лоно матери-России — самое волшебное чудо по неожиданности свершения.

И, разумеется, накал душевных переживаний, вызванных таким событием, не мог не потребовать себе выхода в поэтической форме.

У поэтов, не написавших на эту тему стихотворения, возвращение Крыма из чужеродной ему среды в родную социально-культурную стихию, видимо, не сопровождалось такой степенью ликования, не было таким безусловным праздником, как для меня. Полагаю, тут есть причина. Свою догадку на этот счёт выскажу чуть ниже. А здесь самое время показать само стихотворение, которого я не мог не написать. Нет, оно не писалось, оно — пелось. Надеюсь, читатель это почувствует.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(Трёхзубый паспорт — геть!)

*Все государства граничат друг с другом,
а Россия — с Богом.*

Райнер-Мария Рильке, австрийский поэт

Сегодня счастливейший день моей жизни.
Его и с днём свадьбы сравнить не могу.
Я вновь гражданином России-отчизны,
В Крыму, на понтийском стою берегу.
Жилья не сменив, не уехав из Керчи,
Опять оказался на русской земле.
А призрак чужбины и горечей перечень
Пуškai растворятся в беспамятства мгле.
Спасибо Америке — маме Майдана, —
За львовскую вспышку фашистской чумы.
В итоге от Крыма и до Магадана
Сплотились сердца и прозрели умы.
И этим прозрением на Украине
На бунт поднимается братский народ,
Где тот, кто в убийствах невинных повинен,
Стал знаменем власти, — Бандера-урод.
И вот в поле зрения Чёрного моря,
С прекрасной Тавриды ландшафтом кругом,
На старости лет без печали и горя
Стою окрылённый двуглавым орлом.
Хоть возраст летать высоко не позволит,
Но будет свободным по духу полёт.
На русском, великом, могучем, без боли
Сиротства Поэтово сердце поёт.

Теперь о догадке. Почему именно от меня возникло это стихотворение. (Раз оно родилось, значит, ему суждено было родиться. На свете нет ничего беспричинного!) Но почему, собственно, автор его — имярек? Для начала вспомним подзаголовок этих моих «записок мечтателя»: «Как меня Бог вразумлял!». А ещё вспомним фрагмент из предыдущей главы о том, как Божьим промыслом перенесён был я практически с бесцерковного тогда ещё (по молодости тамошней цивилизации) Кольского полуострова на родину русского христианства — Крымский полуостров, чтобы креститься и петь в хоре самого древнего из русских храмов с мемориальной на нём доской святителю Луке Войно-Ясенецкому, который на злорадный вопрос физика-атеиста: «Ну, что Вы скажете теперь в связи с тем, что человек побывал в космосе и не видел там никакого Бога?» — ответил: «Я препарировал человеческий мозг, но ума там не видел!»

Об этом напоминаю, потому что сам, будучи, правда, ещё отроком, запальчиво утверждал, что нет никакого Бога.

Окончательно же всё для читателя прояснится после того, как я сейчас расскажу о том, что послужит как бы предисловием к моему стихотворению «Глядя в сторону Украины из русского Крыма», написанному через месяц после «Возвращения». Это о нынешних, уже кровавых событиях, которые раскалывают Украину, как минимум, на две части.

Между прочим, всё это было предсказуемо. И даже я, не будучи пророком, в стихотворении, так и названном «Раскол Украины», предостерегал такими словами:

Мы границ ведь не рабы:
Люди — не собаки.
Разошлись же без борьбы
Чехи и словаки...

(«Эолова арфа» Москва. 2010 г. Стр. 385)

Более того, годом раньше в поэме «Глядя в сторону России из Крыма», опубликованном в том же альманахе, я советовал:

Не позорься, детка Украина, —
разведись на Запад и Восток.
Раз уж так вражда твоя старинна,
не сойдутся «белка и свисток».
Заглушает ЛЬВОВСКОЕ рычанье
песню лев-бережной стороны,
да и хор, зовущийся «Крымчане»,
тянет ноту собственной струны...

(стр. 274)

Но здесь речь не о расколе Украины, который был предопределён расколом христианства на католичество и православие. Тут речь именно о предсказуемости таких событий. Так был предопределён, а значит, и предсказуем распад СССР. Достаточно вспомнить пророчество философа Ивана Ильина, который ещё в 1949 году писал, что советская система просуществует 70 лет. Кстати, он предвидел появление на её обломках так называемой независимой Украины. Ошибся только в том, что это случится на немецкие деньги. Впрочем, может, и на немецкие, но в основном — на американские и всеевропейские! Но Ильин не

ошибся в главном: нельзя, говорил он, на постсоветском пространстве допускать демократию. До неё надо дорасти. Вместо демократии будет — как в воду глядел — повсеместный разгул коррупции. На переходный период, утверждал философ-публицист, нужна авторитарная власть.

Так вот, — о Предопределении. Другими словами: на всё воля Божья.

Если б я был посообразительней или имел бы в 1986 году, когда переезжал на постоянное место жительства из Ленинграда в Керчь, свой нынешний жизненный опыт и знание истории, я бы уже тогда предсказал то, что происходит сейчас на юго-востоке Украины. Ибо мне тогда был дан — серьёзно говорю — знак свыше. Я его так и воспринял, но только в личном плане, — лишь как знак своей собственной судьбы.

Судите сами.

В том году обстоятельства сложились так, что моей семье Ленинград, где мы тогда жили, надо было поменять либо на Мурманск, мой родной город, либо на Керчь — родину моей жены. Главная причина: дети детсадовского возраста, а очередь в садик многолетняя. То есть, жена при детях — безработная. Конечно, покидать бывший и, как оказалось, будущий Санкт-Петербург не было насущной необходимости: с голоду не умерли бы, но... Судьба звала!

Итак — выбор. У Крыма перед Мурманском преимуществ безусловные, но столица Заполярья subsidizes известными денежными надбавками.

И вот тут на чашу весов в пользу Крыма падает увесистый, в тысячу страниц, фолиант из букинистического магазина! Казалось бы, причём здесь какая бы

то ни было книга: а на деле — всё очень просто, хотя и мистически загадочно.

Дело в том, что книга эта издана была до революции (в 1910 году) и относилась к той сфере знаний, какие в советское время до 80-х годов вообще запрещались, а после, как правило, просто не доходили до прилавков. За ними охотились специалисты, а помогали им в этой охоте спекулянты. Если же какому-то экземпляру удавалось миновать перекупщиков, дежуривших в подворотнях на подходах к букинистам, то он — том этот — застревал в самом магазине либо под прилавком в ожидании «особого» покупателя, готового заплатить за раритет более чем втридорога. И вдруг такая книга оказалась на прилавке. Явно для меня! Ведь я по вечной своей нищете не мог быть эксклюзивным покупателем.

А случилось это на Невском проспекте в магазине под названием «Лавка писателя». (Я ведь уже тогда мнил себя писателем...)

Увидев название книги «Новороссия и Крым», я сразу всё понял и, спросив продавца о стоимости, тут же, не теряя время на предварительное ознакомление с «подарком», пошёл оплачивать находку.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что это 14-й том 17-томного издания. В дальнейшем все мои попытки разыскать где-нибудь ещё хоть один из томов этой энциклопедии не только были безуспешными, но и встречали, если не саркастические, то недоумённые улыбки продавцов, не хотевших верить, что я вот так просто за здорово живёшь приобрёл-таки «Новороссию и Крым».

Ясно, что это был чистейшей воды провиденциальный знак. А его несчастный и межгосударственный

характер стал для меня очевидным лишь теперь, когда на территории искусственно, под флагом интернационала, за счёт российских земель созданного государства с названием Украина, возрождается сформированная при Екатерине II князем Потёмкиным славная в своё время Новороссия, в которую входили 6 губерний Российской империи: Бессарабская, Екатеринославская, Донецкая область, Таврическая, Херсонская и Ставропольская.

Этот эпизод из своей биографии поведал я, во-первых, чтобы показать: происходящее сейчас на границе Украины и России — процесс хотя и болезненный, но неизбежный, а во-вторых, — не может быть сомнения в торжестве исторической справедливости. Такие материализованные усилия русского духа, как Новороссия, навсегда в небытие не уходят.

В заключение скажу, что 17-томное издание «Рос-сия. Полное географическое описание нашего отечества» — великолепная иллюстрация к утверждению Фёдора Достоевского: «Великорус, малорус, белорус — это всё одно». И фашизму в этом триединстве нет места — добавлю от себя.

Полагаю, что из этой истории вытекает неизбежность рождения от моего имени стихотворения

ГЛЯДЯ В СТОРОНУ УКРАИНЫ ИЗ РУССКОГО КРЫМА

(Историко-поэтический ликбез с предсказанием)

*«Батько, поглянь! На закате великая тьма.
Черт на кону. Украина рехнулась ума».
Ю.Кузнецов. 90е годы XX века.*

«Ще не вмерла Украина»... Умирает не спеша.
Тут ей помощь очевидна от Европы с СЭШЭА.
На усилия России от соседки смерть отвести
силы зла заголосили: «Ой! — Агрессия, ой — месть!»

А на самом-то на деле Украины й не було:
в самостийном мифо-теле забугорное бабло, —
сумасбродная попытка, — из окраины Руси
Золотая чтобы рыбка сотворила за «мерси»,
чего не было от века...

Малороссия была, да и то — по слову грека...
Панской Польши кабала временами там царила
и — других, соседних, стран... Там история варила
кашу фильмой на экран общей памяти недлинной,
где враньем слагался миф, что какой ни есть былинный,
гетман, Раду сотворив, государем стал. Но сказкам
полагается конец. Под крылом Руси опаскам
Крест поставил царь-отец.

Но двадцатый век кровавый карте мира навредил.
Даже Крым — форпост державы — в Украину угодил.
Сляпана большевиками виртуальная страна
КРАЕМ бывшая веками западная сторона.
«Что такое Украина? — у историков спроси:
Приграничная руина нашей Киевской Руси.

Австро-Венгрии лингвисты сочинили ей язык
И землицей коммунисты наделили, — так балык
Угощеньем преподносят корешам на общий пир.

Но Донбасса люди вносят коррективы в этот мир.
И, так званная, держава, где фашисты гнезда вьют,
Зашаталась, задрожала, завопила: «Наших бьют!»
Не Россия от Химеры, — содрогнулся Мавзолей
От воззвания Бандеры «Бей жидов и москалей!»
Но искусственное хило, неживуче... Кончен бал!
Зрада* — есть пята Ахилла. Гнев людской в нее попал
Не парламентской стрелой, не майдановским копьём,
а — поклоном аналою Правды с верностью на нём.
Правда ж в том, что Украина — это древнерусский край.
Не Европа ли повинна в том, что вечный там раздрай?
Мощь России православной папским странам — в горле кость.
Потому-то в роли главной вдоль границ гуляет злость,
примеряясь к отдалённым регионам от Кремля...
Новым что ль Наполеонам снится русская земля?

Нагло вато, воровато, в Раду втерся зрады бес.
Оттащить велело НАТО часть России в свой ЕЭС.
Хитростью не получилось. Значит, будут силой брать?
Кровью бы обмочилась Турцияценева рать!

«Ще не вмерла Украина»... Не в агонии ль она?
Где был шлях, теперь — куртина, где был мир — теперь война.
Против собственного люда хунта шлёт с огнём войска
Суицидная паскуда, крышка, чуешь ли, — близка?!

*Зрада — предательство (укр. яз.)

Л а р у с а

А л е к с е е в а

ФЕОФАНИЯ

Мы, конечно, замечаем, что время сейчас просто мчится, а в декабре, перед Новым годом наша жизнь вообще похожа на поезд метро, который включил дополнительное ускорение. Надо доделать сотни дел, да ещё купить, нарядить, приготовить, организовать, украсить, позвонить, ничего не забыть и т.д.

Я в эти дни находилась в Киеве у моей любимой сестрички Веры. И мы вместе со всем народом мчались в этом воображаемом переполненном поезде метро на почти космической скорости.

И вдруг остановка, и мы попадаем совершенно в другой мир, неспешный, безлюдный, спокойный. Станция называется «1 января 2014 года». На улицах совсем мало людей, они отдыхают после предновогодней гонки и бессонной ночи. А мы с Верой читаем дома молитву «В день Нового Года», где есть такие замечательные слова «Господи, благослови начинающийся сего дня Новый Год, который мы считаем от воплощения Твоего для нашего спасения. Дозволь нам провести сей год в мире и согласии с ближними нашими. Отечество наше возвыси, сохрани и прославь». А потом, чтобы закрепить состояние святости и новизны жизни, мы с сестрой садимся в настоящий, но почти пустой (никогда такого не видела) поезд метро и едем в Феофанию.

Это удивительное место, его знают не только в Киеве. Здесь красота земная соединяется с небесной благодатью и передать свои чувства почти невозможно. В центре изумительного парка на горке стоит монастырь, он виден с каждого уголка и создает ощущение особой радости, покоя, духовной высоты.

Внутри храм большой, благородный и очень нарядный, весь украшен росписью, иконами, резьбой по дереву. Как и во всех монастырях, там все сияет чистой.

Украшением парка является каскад из нескольких озёр от целебных источников, а также радуют беседки, фонтаны, альпийские горки, детские площадки, клумбы, террасы. Всё выполнено с большим вкусом, фантазией и мастерством. Впечатление на всю жизнь.

Территория парка Феофания упоминается в летописях с XV века и называется по имени епископа Феофана Шиянова, при котором был построен первый храм. За свою историю Феофания принадлежала разным монастырям города Киева — Печерскому, Софийскому, Михайловскому Златоверхому, Покровскому. Сейчас в парке находится Свято-Пантелеймоновский монастырь.

Состояние светлой радости и вдохновения передается всем, кто приходит сюда. Люди здесь много фотографируют, рисуют, пишут стихи. Я тоже поддаюсь очарованию этой волшебной страны.

ФЕОФАНИЯ

Храм святой парит над парком —
 Благодать под небом ярким
 И Божественным подарком
 Любование.

Там Земля и Небо слиты,
 Там сердца добру открыты
 И рождаются молитвы —
 Феофания.

Колокольный звон струится,
 Мы свободны, словно птицы.
 Мир открыт и нет границы
 Мироздания.

Это место Бог заметил
 И с тех пор на белом свете
 Храм стоит красив и светел —
 Феофания.

Ночью Путь сияет Млечный,
 Красотой волную вечной.
 Вновь зовет магнит сердечный
 На свидание

В мир, где радостно, спокойно,
 Не тревожат беды, войны.
 Дум высоких ты достойна,
 Феофания.

СЕРДЦЕ

Вся Вселенная в нашем сердце,
Все дела наши, мысли, чувства.
И от них никуда не деться,
Нам то радостно жить, то грустно.

Но всё чаще нам не до шуток,
Тянут в пропасть грехов вериги.
Каждый маленький наш поступок
Уж записан в незримой книге.

Сердце чтоб от слёз не болело,
Надо помнить, что жизнь — не мелочь,
Что на каждое злое дело
Десять добрых должны мы сделать.

Так давайте возьмём в привычку
Перед сном всё припомнить снова,
Посчитаем за день свой личный —
Сколько доброго, сколько злого?

В мир несли мы печали, боли,
Или грели любви словами?
Сколько раз ангел был доволен,
Сколько раз был обижен нами?

Сердце наше все чувства слышит,
Если мы не живём уснувши.
Что же ангел сейчас запишет
В книге жизни за день минувший?

Лишь от чистой любви и счастья
Люди смогут душой согреться.
Выбор наш только в личной власти.
Вся Вселенная в нашем сердце.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР

Господь доверяет царям и князьям
Заботу о людях,
О них же печётся без устали Сам
И в праздник, и в будни.
И есть на Руси князь, народом своим
Любимый, любимый.
Он равноапостольный, свят и велик —
Владимир, Владимир.

Князь Владимир,
Победивший слепоту в святой купели,
Мудрость духа показавший всем на деле,
Ты источник православия Руси.
Князь Владимир,
Как великую славянскую святыню
Бережём мы в наших душах это имя.
Ты у Господа навек любимый сын.

А прежде язычником был он в делах —
И буйным, и страшным,
Жестоким и грозным в тяжёлых боях
И мягким за чашей.

Но Бог достучался до сердца бойца,
 Оно просияло.
 И в светлом Крещении слово Отца
 И благодать узнало.

И русичи дружно за князем пошли
 К купели Крещенья,
 И святость узнали, и с верой нашли
 Благое рожденье.
 Его славят люди, кого ни спроси,
 И мы вслед за ними.
 О, Красное Солнышко нашей Руси, —
 Владимир, Владимир!

ДЕНЬ ИНВАЛИДА

Люди, люди, зачем вы спешите,
 Сколько в жизни трагедий и драм.
 На себя и на мир посмотрите —
 Всё ли так, как хотелось бы нам.

Вы чужой посочувствуйте боли,
 Жизнь и солнце любите сильней
 И всем сердцем поймите — тепло ли
 В сердце ваших родных и друзей.

Никаких испытаний не бойтесь,
 Пусть за друга горой встанет друг.
 И тогда только вы успокойтесь,
 Если станет спокойно вокруг.

В эту жизнь мы всю душу вложили,
 Но в мечтах не такая совсем
 Жизнь, которую мы заслужили
 И которой достойны мы все.

Привести бы в порядок все мысли
 И всмотреться в людей не спеша.
 Ведь чем меньше возможностей в жизни,
 Тем сильней и богаче душа.

НАШ УЧИТЕЛЬ

*Светлой памяти классного
 руководителя
 Ивана Фёдоровича Середы*

Наш любимый учитель
 С добрым именем русским,
 Это мы, посмотрите,
 К Вам пришли на урок.
 Из далёкого детства
 По тропиночкам узким
 Шли душою согреться,
 Вспомнить школьный звонок.

И забытые песни
 Так хотелось послушать.
 Снова были мы вместе —
 Удивительный класс.
 Чтобы стать человеком,
 Воспитать надо душу.
 Если дружим полвека —
 Это только от Вас.

Дома детям расскажем,
 Как отрадна забота,
 Об учителе нашем,
 О весне в феврале.
 Дружба — жизни основа,
 Ощущенье полёта,
 А для счастья большого
 Надо сил не жалеть.

КРЫМ

Есть на земле одно
 Место, где мы живём.
 Только его давно
 Родиной мы зовём.
 Любим сильнее всего,
 Имя в душе храним,
 И в тишине его
 Море нам шепчет — Крым.
 Маленькая страна,
 Милый, чудесный Крым,
 Счастье нам дал сполна,
 Всею душой любим.
 Ласковая волна,
 Воздух такой родной.
 Маленькая страна,
 Солнечный берег мой.

Остров надежды здесь,
 Дом без тоски и бед.
 Морем омыт он весь,
 Солнышком обогрет.

Ты оглянись вокруг —
Слышишь, как в тишине
Ветер, мой лучший друг
Песню поёт волне.

Ярких алмазов блеск
На голубой волне,
Столько восторга здесь,
В милой моей стране.
Каждый из всех людей
Солнышком здесь любим.
Думайте поскорей
И приезжайте в Крым.

А ю д и л а

Д е с я т о в а

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ ЛЕТА

Было около полуночи, когда я, лёжа в постели, просматривала свой любимый сборник «Русские советские поэты». И вдруг погас свет. Двадцать лет назад это было правилом, но в последние годы — редкостью. Нет под рукой ни спичек, ни свечек, и даже мобилка в другой комнате. Откидываю ночные шторы, а там, за окном — звёзды! Выхожу во двор, смотрю на небо — звёзды! Млечный путь наискосок перечеркнул мой переулок.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повёрнут Млечный путь.

Эти строки Бориса Пастернака надо помнить всегда, ибо они никогда не устареют. Вот одна звезда сорвалась с места и на мгновение своим длинным хвостом разрезала небосвод. А вот другая как-то медленно пролетела, без «хвоста», и исчезла на фоне со-родичей. Может, рукотворная? Сколько их там уже летает, несчастных...

Тишина. Так приятна она для слуха и для души! Редкая звёздная тишина... Тепло, нет ветра и главное — нет неестественного электрического света, который обычно не позволяет увидеть эту яркую тишину. А в

прошлую ночь (и в позапрошлую, и раньше) слышался гул тяжёлых самолётов. Мысленно пропела почему-то цитату из Булата Окуджавы:

Для чего мы кровью пишем на песке?
Эти письма не нужны природе.

Да, окажись я сейчас в Донецке или Луганске, мне было бы не до звёзд. И тишина имела бы совершенно другое значение. Наверно, мы все уже устали вопрошать: как такое может происходить в XXI веке? Но — происходит же... Мужчины руководят. А они все в детстве играли в войнушки. Не наигрались, видимо...

А звёзды всё равно молча сияют над тёплой землёй. И так их много, и такие они разные, и ничего-то мы о них не знаем. А им наплевать, что мы на них смотрим, пытаемся осознать их роль и свою роль во Вселенной. Ничтожества, мы бабочки-однодневки, бессильные и бесполезные в этом мире. Даже более того — вредные, ибо портим природу одной из космических пылинок по имени Земля. Но кто, кроме нас, осознает?

О, в соседском окне загорелся свет. И в моём — тоже. И фонарь на столбе закричал резким светом. Увы, звёзды враз потускнели. Время моего общения со Вселенной закончилось. Но оно было! И этим мне запомнится последняя ночь лета 2014.

1 сентября 2014 г.

* * *

Судьба великая, крымчане, нам дана:
В Россию Крым вернулся, Киев кинул!
В её историю вписались имена:
Аксёнов, Чалый, Константинов.

КЕРЧЕНСКИЕ УДАРЕНИЯ

— Был я в К`ерчи иль в Керч`и, подскажите.
И, как правильно сказать, научите!
Вроде, просто всё: где Керчь, там — в Керч`и.
— Стоп, залётный наш, внимай и молчи.

Ох и тёмный же народ — все керчане!
Коль не знают, где живут, уж молчали б.
Век живут здесь, век твердят: Мы в Керч`и.
А кто грамотный, напрасно кричит...

Очень мало тех, кто в К`ерчи бывает.
Ну, в неведение народ пребывает.
Нет, чтоб правильно, чтоб «в К`ерчи» сказать —
В окончанье ударяет опять.

Говорил один доцент, поднапыжась:
Исторически, мол, так вот сложилось:
В К`ерче Пушкин побывал, не в Керч`и.
Азиатский свой язык поперчи

И по-русски говорить научись.
В К`ерчи был ты, друг, хоть стой, хоть ложись!
— Понял, больше ты меня не учи.
Только лето проведу я в Керч`и!

ГОЛОС

На азовском море благодать:
Ветер, синь, в волнах тепло, как в ванне.
От восторга хочется летать
И по-русски Крыму петь осанну.

И за морем не видна земля,
Где царят безумие и взрывы,
Где мужчины падают в боях,
Где горят ухоженные нивы.

Но и здесь, на тихом берегу,
Можно слышать голос жертв невинных:
— Мама, без тебя я не могу,
Уезжай скорей из Украины!

В СУДАК

Прелесть Судацкой долины описать невозможно!

А. С. Грибоедов, 1825г.

Прочь домашние хлопоты!
Мелочь — в рюкзак, и — вперёд!
В одиночку! Свободна!
Прощайте, мочалки и веники!
Ах, как радостен мой ежегодный
убёг от забот
На чужую пустую квартиру,
пускай и за денежки!
Из окна чтобы —
горы-экзоты и моря разбег,
Чтоб осеннее солнце,
прибрежные тропы безлюдные,

Чтоб на связи был милый
 надёжный родной человек!
 Он мне счастья желал —
 мне дают его дни эти чудные.
 Здравствуй, город Судак!
 Мы знакомы давно.
 Был ты маленьким, пыльным, и жалким,
 и труднодоступным.
 Ты теперь совместил то,
 что богом навечно дано,
 Со строительным творчеством,
 ярко цветущим и крупно.
 И во веки веков будет помнить Судак,
 что сказал
 Восхищённый Судакской долиной
 поэт Грибоедов,
 Очарованный морем
 и зубчатым контуром скал —
 Бескорыстным источником новых
 чудесных сюжетов

* * *

Валентине Смышной

Серой зимой мы привычно скучаем.
 Радости солнечный лучик случаен.
 Вдруг на минорной на этой картине —
 Ярко торжественный день Валентины!

Ах, Валентина, краса амазонок,
 Голос твой нежен, твой стан вечно тонок.
 Ты ли про женскую слабость вопила?
 Ты ли в походы мужчин не водила?

Нет, не наскучили тропы тернистые!
 Чужды ей лень и стенания истовы.
 Мы с нашей смелой Валентиной
 Вскинем рюкзак на рассвете на спину,

Не сомневаясь, пойдём к горизонту
 Степью боспорской к Эвксинскому Понту.
 И на холме, где эмоциям тесно,
 Валя споёт нам изящную песню.

ФОНАРЬ

Гаснут небо и солнце в оконце,
 День становится ночью, как встарь.
 И взамен утонувшего солнца
 Добросовестно светит фонарь.

Я ещё не хочу на подушку,
 Разгоняю безумие снов.
 Я — уставшая за день пастушка,
 Нагулявшая пару стихов.

Постою, посмотрю, как мерцают
 Тени листьев на белой стене.
 Луч фонарный меня отсекает
 От того, что творится в стране...

Февраль 2014

НЕЗАМЕНИМЫЙ

Ушёл последний теплоход.
 И утонул в пучине вод
 Мой вздох прощальный.
 Внезапно кончился роман.
 То был классический обман.
 Финал печальный.
 Как хризантема у окна,
 Осталась грустной одна
 С мечтой обманной.
 Моя бесспорная вина —
 Бутылка белого вина
 И сон желанный.

Не повернуть мне лето вспять.
 И больше нечего желать,
 О, мой любимый —
 Моя красивая мечта,
 Моя неверная звезда —
 Незаменимый!

БУКОВКИ

В детских книжках есть весёлые
 Прехорошенькие буковки.
 Хочется погладить каждую
 И с любовью прочитать.

А в газетах — как комарики,
 Буквы серые и мелкие,
 Разбегаются по столбикам,
 Много их — не сосчитать.

Вот и строгими колоннами,
 Как бойцы на Красной площади,
 Маршируют как-то празднично
 Буквы в сборниках стихов.

А в шкатулке старой бабушки
 Есть листочки пожелтевшие,
 На которых ровным кружевом
 Буквы дивно сплетены.

Сколько ж их, ещё не виданных,
 Не облаканных, не читанных,
 Милых умных чёрных буковок
 Ждут, когда мы их найдём!

П а т о я н а

У ш, у н

* * *

Совсем немного лет назад мы были мощною страной, но разрубили нас сплеча какой-то хитрою косой. Мы потеряли цель и путь, ведущие вперёд. Пошли по кругу иль назад, скатились вниз?! Утратив ценности, прожив и уничтожив всё, мы потеряли молодость, утратили детей.

Вы, взрослые, послушайте: «Потерянное поколение». Как страшно режет слух и ранит сердце. Я слышала, — какой-то мэр сказал: «Я не просил вас воевать за нас». Послушайте и ужаснитесь этому: «Я вас туда не посылал!»

Послушайте вы, взрослые, послушайте! Ведь это наши дети говорят. Но надо донести до их сердец, что их ждало под гнётом той войны. Чтобы понять они смогли, что наши деды не зря туда ушли: отдав нам молодость, надежды и любовь, они пошли, собою прикрывая нас. И надо нам вложить всё это в души, запечатлеть на сердце у детей.

Пока живут на свете ветераны, цените их, — освободителей людей.

ЛЁНЬЧИК-ОГУРЧИК

Двадцать лет за плечами, хотя казалось, что школа только закончилась. Всех жизнь закрутила, разбросала. Иногда встречались, чаще всего на бегу: «Привет. Как дела? Нормально? У меня тоже все хорошо».

На юбилей решились собраться по максимуму, обзвонили всех, уговорили. И вот она, первая суббота

февраля. С небольшим волнением вхожу в вестибюль родной школы, я не была здесь практически двадцать лет. А ничего практически не изменилось, всё те же коридоры и лестницы, всё тот же класс, только оборудования прибавилось. Да и как сейчас без компьютера. Парты стали маловаты немного, но это скорее мы выросли чуть-чуть.

Какое счастье встретить всех одноклассников, таких родных и близких. Немного солидности прибавилось, у мальчишек седина на висках заблестела. Сколько было воспоминаний! Вечер пролетел незаметно, захотелось продолжения, всем классом решили перебраться в кафе Серёги. Но здесь уже класс, как обычно, распался на группки.

За нашим столиком неожиданно оказался Ленка Огуречников, Огурчик. Правда, называть его сейчас так не получалось. Выглядел он настоящим огурцом: высокий, стройный, состоявшийся мужчина, у которого семья, двое детей. Да, карьеру Лёньчик-Огурчик, вернее Леонид Аркадьевич, сделал неплохую: капитан дальнего плавания. Семья ни в чем не нуждалась, кроме внимания, но в этом не было вины Лёни.

Танцевали и веселились практически до утра. На своём джипе Огурчик вызвался наш столик развезти по домам, ведь компаньоны у него были только девчонки, и все без машин. Не хотелось расставаться, атмосфера праздника нас не покидала. В итоге решили покататься по ночному городу, встретили рассвет на горке. Уставшая, счастливая и довольная я пришла домой, вернее уже приползла. Хорошо хоть сегодня воскресенье, семья спала и никто не заметил, кроме кота, что мама домой пришла утром. Но он как верный друг никому ничего не сказал, получив рыбку.

На следующий день жизнь пошла своим чередом. Всё те же редкие встречи: «Привет. Как дела? Нормально? У меня тоже всё хорошо». Ничего не предвещало каких-либо изменений. Прошло ещё 6 месяцев. Неожиданно позвонил Огурчик: «Януська, привет. Ты что вечером делаешь? Не хочешь встретиться?» Учитывая, что вечер обещал быть заурядным, решила согласиться. «А почему и не посвятить время себе любимой!» Лёня встретил с букетом роскошных роз. Романтичный вечер в кафе, разговор ни о чём, так просто, болтовня. Но это позволило расслабиться, забыть о суете и проблемах. «Ну, что, покатаемся, как обычно?!» И опять до рассвета! И ни к чему не обязывающий поцелуй на прощанье!

Через неделю снова звонок: «Януська, привет. Ты что вечером делаешь? Не хочешь встретиться?» Опять букет роз. «А поехали на море? Всего каких-то двести километров. Купальника нет? Это не проблема. Супермаркеты работают круглосуточно». И безумно прекрасные выходные пролетели как одно мгновение.

В понедельник я не удержалась и отправила SMS: «Ты прелесть!» Но это была обычная благодарность за прекрасный отдых, без намёка на интим.

К вечеру зазвонил телефон. Номер незнакомый. Может кто-то из клиентов... но это оказалась жена Леонида. Такого количества оскорблений я давно не слышала. Она меня не слушала, да и не нужны ей были мои объяснения, которые и оправданиями не назовешь: я ведь ни в чём не виновата. Она просто вылила ушат грязи на меня. Позже позвонила Зоя Яковлевна, мама Леонида. Разговор был длинный. Задала я ей один вопрос:

— Вы сыну верите?

— Он сказал, что не было ничего...

— И я Вам говорю — ничего между нами не было, мы просто одноклассники....

— Я верю своему сыну, он никогда меня не обманывал...

— Вот и верьте ему, и никому более.

Неприятный разговор закончился. Звонков больше не было. Ни от кого. Но есть одно но...

Моё сердце неожиданно для меня ждёт встречи с ним...

*А л е к с а н д р а
В и н е г л а з о в а*

«МАЯТНИК — КЛЮЧ К ИНФОРМАЦИОННОМУ ПОЛЮ»

*Эти заметки мною написаны
для того, чтобы, при случае,
работой с маятником и рамкой
могла воспользоваться каждая
мать.*

А. А. Синеглазова

Так называется статья в газете «Тайная доктрина» № 7 за 2005 год, которую мне выпало счастье прочесть, хотя это не является случайностью. Так как я, с некоторых пор, являюсь постоянной читательницей этой замечательной независимой газеты.

«В Древнем Китае с его помощью ставили диагнозы. Древние египтяне определяли места для выращивания урожая. Римский историк Марцеллин был одним из первых, кто описал принцип действия маятника. А тот факт, что в конце XVIII века по указанию Екатерины II в герб города Петрозаводска был введён символ радиоэстезии — лоза, свидетельствует о широком распространении этого способа в России уже в те времена».

«В XIX веке итальянский учёный Ф. Кампетти стал использовать маятник для обнаружения подземных вод и полезных ископаемых. Но наиболее известен швейцарец А. Мерме, который, не выходя из своего кабинета, отыскивал крупные водные источники в Колумбии, нефть в Африке и потерявшихся людей во всех странах мира...»

Я не буду далее цитировать эту статью, но когда её прочитала, я решила, что обязательно воспользуюсь этими знаниями и смогу определить место гибели сына, тем более, что задача моя упрощается тем, что это был берег моря.

Прочитав статью в апреле 2005 года, я решилась применить эти знания на практике только 2 января 2006 года.

За это время я тщательно подготовилась: купила карту г. Керчи в увеличенном масштабе, подготовила несколько маятников, за день до этого сходила к Андриюшеньке на кладбище и вечером, когда осталась дома одна, решила это сделать! Была уверенность, что у меня получится. Расстелила карту на большом столе, села на стул, оперлась локтями о стол, держа маятник в правой руке, руку держала неподвижно, а медленно начала передвигать карту берегом моря к стулу, на котором сидела. Как только с маятником поравнялся детский лагерь «Чайка», маятник начал быстро вращаться, как только стала продвигаться дальше, маятник успокоился. И так я обследовала всё побережье от переправы до посёлка Героевка — несколько раз. И всегда возле детского лагеря «Чайка» маятник начинал быстро вращаться. Всё это время я давала мысленно команду — показать место, где погиб Андрей!

Я была поражена: как всё просто. Андрей обычно ходил через парк к институту. Значит, когда он оттуда возвращался домой, что-то по дороге случилось. Зимой я не решилась пойти на берег моря одна и уже уточнить место с помощью рамки, а брать с собой кого бы то ни было, не хотела. И вот, в июне месяце, за это время муж мне сделал рамку, я рано утром, в 5 часов, когда только рассвело и людей практически не было, пошла на берег моря. Спустилась у себя на «Дружбе», прошла метров 500 и только потом взяла рамку в руки. Левую я прижала к сердцу, а другую держала в правой руке параллельно первой. Помоли-

лась Богу! Попросила у Него помощи и пошла с рамкой, глядя только перед собой, прямо у воды, и всё время шептала про себя: «место, где погиб Андрей».

Когда стала приближаться к детскому лагерю «Чайка», концы рамки стали сближаться и потом соединились. Запомнила это место, поставила большой камень и пошла дальше, чтобы убедиться в правильности ответа на мой вопрос. Концы рамки разошлись. Я так прошла ещё метров 500 и вернулась назад. Уже уверенная в том, что так оно и есть. Показания маятника на карте и рамки на местности совпали.

Господи! Когда он пропал, где мы его только ни искали: и в Осовино ездили, в Капканы, Героевку, на Аршинцевскую косу... А он был рядом с домом, где-то всего 3 остановки от дома. Когда пропал Андрей, и мы его усиленно искали, внутри меня какой-то голос мне сказал, что я потом узнаю, где, и удивлюсь, как это просто.

Я была поражена! Что это такое? Только через три года после гибели сына я смогла найти место его гибели чисто научно, не прибегая ни к каким гадалкам. Всё научно объясняется! Не дано мне было тогда это знать, а то бы я сразу туда и побежала, и спасла Андрея. А гадалки, к которым мы обращались, все говорили — он на берегу моря, живой.

Одна сказала у переправы, другая — в Героевке. Вот мы туда и бегали. Сначала искали там, потом, уже через неделю где-то, искали и на «Дружбе», и на «Институте».

Через несколько месяцев меня вдруг осенило, что если рамка мне показала место его гибели, то она может показать, откуда он туда пришёл.

В сентябре месяце, вечером, когда на море очень мало людей (чтобы никого не шокировать), я решилась проверить своё предположение. Пришла на море, на то место, где погиб Андрей, опять помолилась Богу, попросила у Него помощи, взяла рамку в руки точно так же, как в прошлый раз, и мысленно стала говорить — «место, откуда Андрей пришёл» — и пошла за рамкой. Шла за скрещенной рамкой, как только концы расходились, я немного возвращалась назад и искала место, где сходятся концы рамки, и шла за ней дальше. Так меня рамка привела в общежитие института КМТИ.

Значит, Андрей заходил в общежитие института и только оттуда пошёл к морю (возможно, скорее всего даже, не один). Что там случилось? Я думаю, с помощью рамки я потом и это узнаю!!!

В другой раз я зашла в общежитие и с помощью рамки нашла комнату, в которой был Андрей — 423, но это мне ничего не дало. Ребята, которые сейчас живут в этой комнате — с младших курсов, они тогда ещё не учились в институте.

Но мне пока и этого достаточно. При большой вере в научность этого метода, я могу узнать всё — какого числа, как погиб Андрей, с кем он был: их фамилии, имена — всё можно узнать при помощи рамки, но я к этому ещё не готова. Я прислушиваюсь к себе, и когда мне внутренний голос скажет — сделай то-то, я послушаюсь его, и тогда получу ответы на все мучавшие меня вопросы. Ведь подсознание — это своеобразный «чёрный ящик», в котором хранятся все знания не только о конкретном человеке, человечестве, цивилизации, но и обо всей Вселенной.

А н д р е й

С и н е г л а з о в

* * *

Я бы хотел научиться летать,
Только не знаю как начать.
Взмыл бы я в небо, облаком став,
Крылья над грешной землёй распластав.
Долго парил бы, счастья искал,
А надоело — на землю б упал.
Белым сияньем, снегом шальным.
К морю сбежал бы ручьём заводным.
Вот я сажу и мараю тетрадь,
Думая, как бы мне облаком стать.

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ

Я маленький атом,
Лечу я во тьме,
Весь в кратерах,
Как луна.
Я грязный булыжник
В вонючем дерьме
Луна надо мной
Красна.
Лежу на дороге
В горячей пыли

В холодной и жгучей
Мгле.
Смотрю на комету
В безбрежной дали
Стремится она
К Земле.
Я грязная точка
На сером стекле
На тысячи миль
Одна.
Я чёрный квадрат
На белой стене
Вокруг лишь стена,
Стена.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Что хочет от меня Господь?
Зачем меня он породил?
Неужто создал эту плоть
Лишь для того, чтоб я бродил.
Как леший дикий, что в лесах
От люда скрылся. В небесах
Меня не ждут. Среди людей
Всегда чужим, как средь зверей
Брожу устало, словно тень.
Мешает мне спуститься в ад
То ль страх, то ль лень,
Но был бы рад
Я умереть, взлетев на миг,
И заглушая в горле крик,
Расправить руки — два крыла.

И чтоб над бездною несла
К тебе, единственной, любовь.
И, разбиваясь о гранит,
Глотая собственную кровь,
Мечтать о нежности ланит.

*«...Мам, чего ты за меня так волнуешься?
Что со мной может случиться? Аж всего
слезами залило, в души ходить не надо!»
(отрывок из письма от 5 июля 2002 г.,
написанного на борту судна БМРТ «Ланзардо»)
(Андрей Синеглазов)*

НЕ ПОНИМАЮ

Не понимаю этот мир
Такой зелёно-голубой
И небо — вечности факир,
Что плащ из звёзд сорвёт рукой.

Не понимаю знойный день,
И дождь, и слякоть, и грозу,
Не понимаю я людей
Как будто я колдун в лесу.

Не понимаю белый свет,
Но правда, вдруг, блеснёт, слепя:
На самом деле столько лет
Не понимаю сам себя.

A n S o b o

M u u, e n n o

«АШРАМ» ...ПОД ПОЛТАВОЙ

Я ехала в вагоне поезда домой. Сидя у окна, смотрела в ночь и слушала монотонную песню колес. Спутники мои и единомышленники, шесть человек из Керчи, уже спали. Мне же из-за нахлынувших воспоминаний никак не удавалось уснуть. Семь дней назад я ехала в этом же поезде, только в обратную сторону, в Кременчуг. Решение об этой поездке было принято спонтанно, сразу же как только до меня дошли слухи, что под Кременчугом Полтавской области есть Центр духовной культуры «Ашрам» — место, где царят любовь и радость. А ведь именно этого нам и не хватает в нашей жизни.

Душа его и создатель — Владимир Марковский несет людям мудрость, истину и гармонию сосуществования со всеми представителями материального и тонкого миров.

Я поняла, что настало время преображения, духовного возрождения. Ведь ранее я думала, что это возможно только в Индии или на Тибете, где надо потратить не только время, но и значительную сумму денег. Кроме того, тяжело все постичь через переводчика. Я была глубоко уверена, что достичь таких результатов, а именно особого состояния души, ощущения единства мира, своей божественной сопричастности с ним и реального ощущения, что мир и Творец любят тебя, можно было, лишь удалившись от социума и потратив многие годы для обучения.

В «Ашрам», расположенный в живописном месте, между сосновыми лесами, возле прудов с бьющими подводными ключами, на семинар приехали, кроме нас, ещё двадцать два человека. И не только из Украины, но и один человек из Израиля и трое из России.

Семь дней, проведенных в «Ашрам», пролетели как один миг. И каждый день приносил новые открытия и знания. Мы изучали своё физическое тело, функции наших органов и их взаимосвязь, влияние друг на друга и взаимозаменяемость, открывали энергетические каналы и меридианы. А главное — открывали свою душу и сердце для любви и радости. Учились ловить это состояние души и жить в нём. Научились ходить по стеклам, купаться в проруби, кружиться под звездами в Местах Силы, общаться со Вселенной и Создателем и любить друг друга и весь мир. И ничто не служило препятствием — ни национальность, ни вероисповедание, ни возраст.

Оказывается, трансформация сознания через любовь и единство с миром может произойти даже у закоренелых атеистов, если они соприкасаются с истинными знаниями, культивирующими у человека радость и безусловную любовь, открывающую и освобождающую душу для всего доброго и прекрасного, что есть в мире. Возрождая творческий потенциал, загнанный страхом и шквалом негативного творчества, заполняющими современный мир. И только желание обучиться творению позитивных состояний вернет нас в лоно любви Творца и созданного им мира, откроет духовное зрение, которое, кроме физической оболочки, поможет проникнуть в суть истинной гармонии и красоты бытия.

На меня произвел глубокое впечатление танец «Птица счастья», который исполняла женщина в возрасте около восьмидесяти лет. Она, являясь постоянным посетителем «Ашрама», сама сшила себе костюм и приняла участие в праздничном концерте, который нам подарили жители и ученики «Ашрама».

И я вспоминаю, как у меня проходило открытие канала творчества, как я стеснялась и боялась выйти на сцену. А затем как-то вдруг перешагнула через свой страх и, стоя на сцене с закрытыми глазами, начала танцевать тот танец, какой мне подсказывали мое тело и душа. По окончанию танца я открыла глаза и увидела, что вся группа стоит вокруг меня, обнявшись. Оказалось, они тихонько, чтобы не помешать мне, протанцевали весь танец вместе со мной. Какое счастье и радость охватили меня, когда, открыв глаза, я увидела эту группу поддержки.

А какое чувство удовлетворения и веры в себя доставило хождение по битым стеклам! Некоторые самые смелые из группы не только ходили по стеклам, но и танцевали, и при этом ни у кого не было травм.

О моих ощущениях после купания в проруби я скажу только одно слово: фантастика! Представляете, на улице пятнадцать градусов мороза, снег идет, а ты окунаешься в прорубь с головой, выходишь из нее, а от тебя пар валит и наслаждение охватывает не только твоё тело но и душу. Я дожила до пенсионного возраста и подумать даже не могла, что смогу это сделать.

Да и не только это. Самое важное, что только может случиться с человеком, со мной произошло во время одной из медитаций. Когда в ответ на мою любовь, отдаваемую Земле, Солнцу, Вселенной, пошел

все увеличивающийся обратный поток, и Вселенная со мной «заговорила». Заговорила своим языком света и цвета. Слева направо перед внутренним взором стала идти как бы кинолента, заполненная геометрическими фигурами разного живого цвета. Все находилось в движении, медленно переливалось из одной формы в другую, переплеталось, образуя орнаменты. В этой красоте цветов, в переливах и переплетениях я рас-творилась, как песчинка в пустыне. Стала микроскопической точечкой в этом «калейдоскопе». Потеряла счет времени, и сколько это продолжалось — не знаю... Потом началось постепенное возвращение в действительность. Цвета становились все более приглушенные, я стала осознавать себя.

Я вернулась к реальной жизни, но что-то во мне изменилось. Я и раньше знала, что жить надо по доб-рому, с Богом в душе. Ничего не делать плохого, даже если тебе это невыгодно. Что истинно духовного чело-века все материальные проблемы и «заморочки» не должны беспокоить. Потому что это все мираж и ил-люзия, которая сгинет и рассеется. Поэтому духовно устойчивого человека не пугает то, что у него перио-дически возникают те или иные сложности. Он с ними справляется, но не допускает их порабощающего гла-венства в мыслях.

Но теперь я поняла, что Бог не хочет наших ли-шений и страданий, а хочет, чтобы мы шли к нему путём сыновним, через радость и любовь к Нему. Вели себя честно и наслаждались возможностью жить в материальном мире, проявляя конструктивно-позитивное сотворчество, превращая планету в райский сад. Ведь кроме нас, этого никто не сделает... боже-

ственное можно постичь только с помощью внутренней чистоты и любви! Создатель слышит нас всех и общается со всеми, но слышат его только те, кто сам живёт в поле любви и щедро делится ею со всем окружающим его миром.

За эту трансформацию своего сознания, я приношу глубокую благодарность святому месту, которое приблизило меня к этим бесценным истинам, привнесло в мою жизнь счастье, гармонию, ощущения нужности Мирозданию и творчество.

ВЕНЕЦИЯ

Венеция прекрасная, ты жемчуг Адриатики!
 Не хватит слов, чтоб выразить восторг моей души!
 Со всей Земли стекаются, к тебе сюда романтики,
 Чтобы восторг и счастье испытать в твоей тиши.
 И гладь искуснейших каналов таких больших и узких,
 Покрыта множеством резных гондол и катеров,
 На них так много разных иностранцев, не только русских
 Катают итальянцы лихо, в роли кучеров.
 И пена белая на изумрудном гребешке волны,
 И над прекрасным морем луч пурпурного заката,
 Стоят скульптуры на века застывшие в немой тиши,
 И громких слов для восхваленья их красы не надо.
 И здания на площади Святого Марка, и собор,
 Всё вызывает сладкий, томный трепет восхищенья,
 Искусные ваяния, картины, фрески — весь набор
 Творений гениев Эпохи Возрождения!

РИМ

Ах, Рома-Рим, ты город бесподобный!
Недаром за душу берёшь своей красотой.
И с гордостью живёт в тебе прекрасный
Народ талантливый, народ такой простой

Античные герои, боги, короли,
Простые люди, животные любые,
Века назад свою в нём душу обрели,
Хотя тела их совсем и не живые.

Большой фонтан, струящийся живой водой,
Но с Нептуном, крылатыми конями,
С богиней плодородия, омытою росой,
Живёт под южным солнцем, рядом с нами.

В музеях Ватикана собрано всё то,
Чем человечество гордиться будет,
Чтобы плоды работы гениев его
Хранились. И народ их не забудет.

Этот чудесный храм Петра святого,
Самый высокий в мире и такой большой,
Заговорить заставит и немого,
Чтоб восхищаться его дивной красотой.

И Пантеон «скользящий прямо в небо»,
И Колизей с его историей большой...
И я — в Эпохе Возрожденья, либо
Эпохи Возрождения идет виток второй.

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ

Так мудро задумал Создатель,
 Чтоб радость и рядом печаль
 Ходили по жизни рядом,
 Неся с собой и любовь, и жаль.

И радость нежно струны касалась,
 И счастьем сердце наполняя,
 В любви эмоций растворялась,
 На арфе души людей играя.

Печаль же жестко по струнам била,
 Ей тьмы хотелось или горя,
 И сердце бедное рыдало,
 Струны рвались от страшной боли.

Но снова радость арфы касалась,
 И сердце любовь лечила...
 И всё по кругу повторялось,
 Все так будет, все так было...

РАЗДУМЬЯ

Зачем и для чего я в этот мир пришла?
 Раздумья меня одолевают,
 Откуда-то идут красивые слова,
 Но ничего они не объясняют.

Я знаю, надо жить в любви и для добра,
 Чтоб всем вокруг тебя теплее стало,
 Чтоб память светлая об имени жила,
 Через года, а это ведь немало.

Но это для других, а лично для себя?
 Зачем живу, дышу, переживаю?
 Зачем мне в этом мире жизнь была дана?
 В чем смысл жизни? Я того не знаю.

Чем старше я, тем больше замечаю
 Как красота Земли на нас влияет
 Прекрасна жизнь вокруг, я точно знаю,
 И сердце от любви мое пылает.

Так может назначение человека в том,
 Чтоб видя красоту и восторгаясь,
 Себя менял он, подбирая ее тон,
 Цветами радуги переливаясь.

Ф а у н а

Д е р у њ

ОСНОВА ЖИЗНИ

Судьба... правда ли, что она ещё при рождении начертана на ладони человека? Почему человек не может её избежать? Можно ли её изменить и прожить жизнь иначе? Если есть я и мои друзья, то кто же был первым? Как появилось всё остальное? Кто же всё это создал?

Как много вопросов волнует наши умы! Говорят, есть Бог, Создатель. Где Он? Каков? Что Он представляет из себя?

Всё, что мы видим, слышим, ощущаем, у каждого проявляется по-своему. И получается, что мы на земле, как на большой сцене. Мы все — артисты. Учимся играть. Играем, ошибаемся и вновь переигрываем. Ошибки заставляют задуматься: почему произошло то или иное событие или какой-то случай? Начинаем искать причину.

Иной раз слышим: «Нас наказывают». Так ли? Вновь пересматриваем, и не один раз. Может, то, что было сказано, кого-то обидело? Может, не так надо было поступить? И так мы начинаем рассуждать, и вновь вопросы: «Жадность? Зависть?» Мы блуждаем, как в лабиринте, ищем выход из него... Головоломка? Ищем, и чувствуем через некоторый промежуток времени, что начинаем злиться на весь мир, и даже на самых близких нам и дорогих людей. Как выйти из этого лабиринта? Надо бы успокоиться, но мы продолжаем искать виновника всего происходящего, и уже говорим обидные слова и, к тому же, подбираем такие, чтобы действительно попасть в точку, то есть, чтобы был ответ, чтобы уже не стерпел тот, кого обижаем, и была ответная реакция.

Конечно, действуем в горячке, не думая, что повлечёт это за собой. Состояние отвратительное, и мы понимаем, но остановиться не можем. Кто в таком состоянии правильно мыслит? Говорим не то, думаем не то, делаем не то... Зачем?

«Для чего именно со мной такое?»

«Почему я живу не так, как Вася или Петя?»

Может, слишком много забот и обязанностей? Может, мал заработок? Может, родители на всё разрешают? Сомнений появляется всё больше и больше. Начинаем вспоминать прошлое, даже детство. Подступает жалость к себе: годы идут, а чего достиг? Друзья карьеру делают, а я? Что помешало мне? Поиск продолжается. Думаем. Отчаиваемся и... плачем.

А плакать глупо. Особенно о прошлом. Зачем? Оно ушло. Возврата нет. Всё позади. Живи здесь и сейчас. Наслаждайся тем, что имеешь. Цени это. Радуйся. Недаром говорят: «Имеем, но не ценим, теряем — плачем». Именно так и получается, что теряя, мы отмечаем, как это было нам дорого. Поэтому живите и радуйтесь новому дню, всем маленьким счастливым событиям, друзьям, родным, жизни.

Она тебе дана. Береги её. Задумайся, для чего она тебе подарена. Как долго идёт человек к этому! Он не знает, что тысячу, миллион жизней надо прожить, обогащая себя новыми качествами характера, чтобы человек был действительно Человеком. За Земле он — самое разумное существо, что создал Бог-Создатель.

Проживая иной раз до старости, так и не поняв самого главного, уходим в землю, почерпнув кое-что для своего прогресса, чтобы в следующей жизни вновь жить, страдать, любить такой непостоянной земной

любовью, плакать от ревности и досады или смеяться от избытка счастья. Вот и получается, что вся жизнь в полосочку. Хорошо, если ты, человек, научился смотреть на всё происходящее с юмором, и улыбка не сходит с твоего лица. Это очень даже помогает. Каждый заработал то, что он умеет и имеет. Один пьёт, другой — великий трезвенник; один богат, другой с дырявыми карманами, но весел. У каждого свой багаж. Один вспыльчив, другой даже не реагирует ни на сквернословие, ни на то, что его обзывают безжалостным. Он-то знает, каков он. Пусть багаж будет лёгким и путь радостным! Зачем нам спорить? Молчание — золото. Учиться быть довольным собой, соседом, встречным и всем происходящим. Мы обходительны, правдивы, спокойны.

Разве надо нам переживать, если мы правдивы, добры? Всё это входит в привычки. Мы начинаем отмечать в друзьях перемены. Идёт отбор, пересмотр, переоценка всего, и даже друзей. Мы уже не идём в ту компанию, где к концу торжеств некоторые буянят и огрызаются, не за столом, а под ним. Мы отрицательно относимся к накуренной комнате, сквернословию, сплетням, осуждениям в любой адрес, пустой трате денег и времени. Мы ищем другую, более спокойную компанию, если друзья не меняются даже после ваших советов. Мы ищем спокойствия. Интересы наши меняются. Появляется желание проявить себя с лучшей стороны не только для своих личных интересов, а для друзей и даже по отношению к другим, совсем незнакомым людям. Меняется наше отношение. Появляются добрые чувства. Мы относимся к ним так, как бы хотели, чтобы относились к нам. В нас открывается творчество. Мы начинаем любить свой

город, желаем сделать для него что-то нужное. Работаем на благо общества.

Кто же человек? Он — наблюдатель, свидетель всего происходящего. Наконец-то мы поняли внутренне, что человек не «просто человек», а что именно, ещё не в силах понять.

Вот и получается, что мы играем свою роль на земле, а сыграть надо без ошибок. Это нелегко сделать самостоятельно, и желаем иметь помощника, подсказку. Иногда так складываются обстоятельства, что начинаешь думать, что тебе помогают невидимо... Кто? Кто нас ведёт, и мы делаем так, а не иначе?

А наши мысли? Нет грязи, и чем они чище, тем чаще сбываются наши мечты. Откуда такие мысли? Кто нам подсказывает, как выбираться из тяжелейших, иной раз, обстоятельств? И мы опять в такие моменты понимаем осознанно, что человек не «просто человек», и кто-то очень добрый наставляет нас и ведёт в этой нелёгкой жизни, и мы начинаем утверждаться в этом, и появляется вера в лучшее. Ничего, если ошибаемся. Мы учимся. Мы — вечные ученики на этой земле, с первого класса и до университета этой жизни.

Почему всё меняется к лучшему? Кто же уготовил именно этот путь и направляет до сих пор? Мы продолжаем наблюдать, и отмечаем, что многие болеют, охают, жалуются на плохую жизнь, а мы... — улыбаемся.

Сколько подсказок в жизни! Нужно только научиться их замечать. Жизнь прекрасна! Чтобы её получить, мы долго и очень даже долго шли к этому.

Живите и радуйтесь! Радуйтесь солнцу, пению птиц, тишине, шелесту листьев, лёгкому ласковому

ветру, чистому небу, красивому колокольному звону, очищающему пространство.

А природа! Как много в ней интересного, красивого, красочного! А если за ней понаблюдать? У природы есть чему поучиться: солнце греет, и ничего не просит взамен. Дождь питает влагой землю и тоже безвозмездно. Птица довольна тем, что отыщет. Так почему бы и нам не поучиться таким прекрасным чертам природы?

Всё, что мы видим, недолговечно, нереально, и поэтому в данной тебе жизни, в этот такой небольшой срок успеи сделать как можно больше хорошего. Надо любить природу. Не стоит увлекаться низкими чувствами, пора оставить страсти. Нельзя проводить время легко и бездумно. Мы на земле не зря!

Давайте постараемся узнать, кто мы есть на самом деле. Неужели мы — тело, что так любим, холим, питаем, одеваем в дорогие одежды, украшая в золото, серебро и дорогие камни?

Если правильно мыслить, то и украшения должны быть подобраны правильно, и одеты правильно. Проникая в сферу мудрости, мы это познаём.

Нужно уже задуматься над тем, как мы живём, и среди табачного дыма и паров горячительных напитков, взглянуть на себя со стороны, чужими глазами и задать те же вопросы: кто мы? Зачем здесь? Для чего именно в этом городе, в этом месте планеты Земля?

Прежде чем что-либо сделать, нужно хорошо продумать, что оно даст не только нам лично, но и другим. На первом месте общество, окружающее вас, а потом можно и для собственной персоны. Если мы

называем себя друзьями своих друзей, то разве сможем сделать что-либо плохое? И так во всём — в мыслях, словах, делах.

Вот и получается, что жизнь — игра, но без нарушений правил. Сыграл плохо, — так и почувствуется результат.

Играть так играть! Играть умно, расширяя сознание, отдавая радость и любовь другим. Тогда и жизнь будет прожита не впустую. Но любовь бывает и эгоистической, и человек кичится богатством, учёностью, домом, машиной новейшей марки и властью, которую имеет. Ему тогда кажется, что он выше всех, умнее всех и все для него более низки во всём.

Но есть высокое, чистое непревзойдённое чувство любви, и человек, понимая это, начинает любить весь мир. Он готов всех обнять и дарить улыбку даже дереву, цветам; готов обнять весь мир, и планета ему не безразлична, с её человечеством.

О, человек! Живи и верши на этой планете только добрые дела. Люби и люби! Такая любовь не у всех. Разбуди её в себе. Трудно. А трудностей зачем бояться? Отбрось страх. Будь смелее! Стоит попробовать! Мы получим то, о чём даже не подозревали — Ты вечен! Ты подобен Создателю! Это Он — режиссёр великой пьесы, а мы — Его актёры. Ниточка любви связала нас с Ним навечно. Он любит нас, Он никогда не забывает о нас. Он — Вездесущий. Думайте о Нём! Почувствуйте Его. Несите всем счастье и не забывайте ваших меньших братьев: мир растений и животных. Они тоже ждут нашего участия в жизни. В ответ мы получим счастья в несколько раз больше и будем удивлены, что не замечали ничего такого раньше.

Кто же тот, кто привёл каждого из нас на верный путь? Сердце стукнуло и замерло так сладостно...

И мы поняли — любим уже не так, как раньше. Сколько лет пронеслось, пока мы к этому пришли! Ничего! Зато мы на правильном пути, а не на скользкой тропинке. Всё отдаём Суду Совести.

Перед нами светлый, широкий путь. Как хорошо!

Мы продолжаем играть свою роль и понимаем, кто мы и кто нам помог встать на этот путь.

Мы — самые разумные существа на планете Земля. Мы благодарны Создателю, и Имя Его не устаём повторять. Как повторять? Чаше! Хорошо, что Он есть. Он всех ближе к нам. Мы это поняли. Пусть знают все о Нём. Пусть над всеми всегда будет чистым небо и ярким Солнце! Пусть никогда не покидает вас ваша любовь!

Любовь — это основа всего, а где любовь, там и радость, а мы и есть Великая Любовь.

* * *

У судьбы всегда свои законы.
 Не объехать их, не обойти.
 Может быть, с весенним перезвоном
 Нам придётся через них пройти.
 И узнаем вкус томящей грусти,
 И тоски душевной тяжкий стон.
 Новое узнаешь — не упустишь —
 Это будет опыт, а не сон.
 Холод и тепло поочерёдно
 Пробегут, нас испытав сполна.
 И посеем каждый в жизни зёрна.
 Для того она нам и дана.

Счастье, миг любви и расставанье
 К нам придут, и прозвучит в ночи
 Чуткий голос — голос Мироздания:
 Это Совесть в сердце постучит.

РОДНОЕ

Мчится поезд — откосы, луга, —
 Всё в осеннем огне полыхает.
 Здесь моя не ступала нога.
 Так зачем же так сердце вздыхает?

Знать, не может забыть свою Русь,
 И душа говорит: «Там родное».
 Я судить никого не берусь.
 Только нет почему-то покоя.

Видно, ветер во всём виноват, —
 Нашептал мне о дальних дорогах.
 Молодой, неуёмный азарт,
 Что увёл от родного порога.

Где ни буду, — я помню всегда,
 Словно в бархат одетые, ели.
 Мне с тобой и беда не беда.
 Нас враги покорить не сумели.

А богатство земли разве скрыть?
 Позавидовать могут другие.
 Не забыть те леса вековые.
 Душу русскую не позабыть.

Поэзия бардов

*Валентина
Смашная*

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Дождь веселый, летний, звонкий
 Барабанит по бетонке,
 Словно кисеёю тонкой
 Солнце заслонил от всех...
 И бежит по самой кромке
 Босоногая девчонка,
 А за ней звенит вдогонку
 Ручейком веселый смех.

Дождь листву слегка колышет,
 По траве шуршит чуть слышно,
 Будто погулять он вышел
 И случайной встрече рад!
 Льет потоком звонким с крыши...
 — Вы куда спешите, тише!
 Но они меня не слышат —
 Для счастливых нет преград!

Пролетели Синей птицей
 Через летних гроз зарницы,
 Словно юности страницы
 За собой позвали вдаль...
 Может быть, мне это снится?
 За дождем девчонка мчится!
 И ложится на ресницы
 Дождевой слезой печаль...

Дождь веселый, летний, звонкий
 Разбудил во мне девчонку —
 И по лужам вдоль бетонки
 Через суматоху дней

Я сама бегу вдогонку
 За дождем и за девчонкой
 На родимую сторонку —
 В гости к юности своей...

ПЛЮС И МИНУС...

А мы с тобой не просто разные —
 Мы плюс и минус — полюса...
 Порой природа несуразные
 Нам преподносит чудеса.
 А мы ее законам сложным,
 Увы, обречены служить —
 Нам, знакам противоположным
 Необходимо ль вместе жить?..

Ведь одно понять я силюсь,
 Я запутаться боюсь —
 Кто из нас с тобою «минус»,
 Кто из нас с тобою «плюс»?
 Впрочем, это просто: «минус» —
 Это ты. Тогда я — «плюс».
 Ты такой! Вам и не снилось...
 Ты — алкаш, ты — бабник, трус!
 Ты меня не любишь — минус...
 Но заботлив... Значит плюс?
 Стоп! Коль «плюс» — ты, значит «минус»
 Это я?! Но я ведь «плюс»...
 Нет, умом я точно двинусь,
 Или в море утоплюсь!
 Кто же «минус»?
 Кто же «плюс»?

Мы на совместность обреченные —
 Несовместимостей борьба...
 Какою силой совмещенные?
 И что готовит нам судьба?
 Но в этой битве бесконечной
 Я разучилась жить любя...
 Ведь ты — клубок противоречий...
 Как я устала от тебя!

ЛИСТОПАД

Осенний начинается стриптиз —
 Деревья раздеваются красиво...
 Слетают листья с веток плавно вниз,
 Их ветерок слегка кружит игриво...

Листопад, листопад, листопад...
 Поднялись в небо рыжие стаи...
 Листья в медленном вальсе кружат,
 Словно нехотя с веток слетая
 Листопад, листопад, листопад...

А ветерок осенний, как вино
 Пьянит... и лист кленовый пятипалый
 Ладонью своей в мое окно
 Стучится, словно путник запоздалый

Листопад, листопад, листопад...
 Поднялись в небо рыжие стаи...
 Листья в медленном вальсе кружат,
 Словно нехотя с веток слетая
 Листопад, листопад, листопад

Листопад, листопад, листопад...
 Поднялись в небо рыжие стаи...
 Листья в медленном вальсе кружат,
 Словно нехотя с веток слетая
 Листопад, листопад, листопад

СТРАНА ТУРИСТОВ – ТАШ-ДЖАРГАН

Нет, это вам, друзья, не Лисс, не Зурбаган...
Но все ж на карте Крыма есть страна такая.
Зовут ее туристы просто — Таш-Джарган
И каждый год сюда на слеты приезжают.
И сразу вырастают на поляне города,
И оживают старые кострища —
пепелища...
Мне трудно объяснить, увы, что тянет нас сюда,
Оставив на три дня свои комфортные жилища.

Припев:
И пусть весь месяц льют дожди,
И обещают ураган,
Но в сентябре мой путь лежит
В страну туристов — Таш-Джарган
Всегда здесь в кружках — крепкий чай,
А может кое-что еще...
Костер и друга верного плечо...

А ночью над поляной небо — как шатер
 И звезды с высоты по-дружески мигают...
 Под звон гитарных струн стихает разговор
 И песней мы друзей ушедших поминаем...
 И кажется, что снова со мною рядом тот,
 С кем начиналась первая дорога —
 от порога,
 Кто собирал пол-Крыма на туристский этот слет...
 С улыбкой вспоминаем всех, и грустно нам не-
 много...

Припев.

Да, это вам совсем не Лисс, не Зурбаган...
 Я точно знаю — есть в Крыму страна такая
 И вновь мы поднялись сюда — на Таш-Джарган
 И о друзьях своих здесь вместе вспоминаем...
 Раскрасили поляну осенние кусты,
 А между ними — яркие палатки,
 как заплатки
 Коль через год на Таш-Джаргане друга встретил ты
 —
 То это значит — с другом, слава Богу, все в по-
 рядке!

Припев.

И пусть весь месяц льют дожди,
 И обещают ураган,
 Но в сентябре мой путь лежит
 В страну туристов — Таш-Джарган
 Всегда здесь в кружках — крепкий чай,
 А может кое-что еще...
 Костер и друга верного плечо...

*Немузыкальное,
 твердое,
 грубое,
Ржavo-скрипучее слово
Керчь...
 Людмила Десятова*

Слово КЕР-Р-Р-РЧЬ — как скрежет металла,
Как скупой песок на зубах,
Что жестоким норд-оста шквалом
Поднят был на морских берегах

Над столицей Боспорского царства
Племена кочевые как, смерч
Пронеслись...
Может быть в диком крике хазарском
Родилось имя гордое — Керчь...

В этом слове я слышу крик чаек
Даже в дальней чужой стороне
Вижу белые доски причалов
По колено в солёной водне.

Бесконечную песней прибоя
Море с берегом держит речь...
А мне слышится снова, до боли родное —
Тихим рокотом-шелестом — кер-р-р-ч-ч-ч-ч...

Портрет работы художника Б. А. Васильева-Пальма (акварель)

О л о г а

Ш а н р а н

* * *

Душа живёт, полна тревоги,
 Её не в силах превозмочь.
 Меня зовут домой дороги,
 И хочется уехать прочь.
 Дай мне судьба одну дорогу,
 Один лишь назови мне путь,
 В котором можно хоть немного
 От этой муки отдохнуть.
 И той дороге я поверю.
 Весна опять ко мне придёт,
 А той весной, не лицемеря,
 ЛЕсной багульник зацветёт.

* * *

Я хочу, чтоб всё было, как прежде.
 Пусть не дашь мне ответ,
 Усыпи моё сердце надеждой
 Хоть на несколько лет.

* * *

В час испытаний я не струшу.
 Противна трусость с давних пор.
 Свою истерзанную душу
 Кладу на жертвенный костёр.
 Мне жалости ничьей не надо.
 Сама свой путь избрала я.
 И будет вечной мне наградой
 Улыбка первая твоя.
 Всё в этой жизни повторится.
 И, как судьбе не прекословь,
 Из пепла снова возродится
 Волшебной птицею Любовь.

*Leonid
Panun*

МЫ ВЕРНУЛИСЬ ДОМОЙ

Мы вернулись домой, в нашу старую, добрую сказку,
Где блестит серебром белоснежный ковёр на земле.
Мы вернулись домой, где морозные, зимние краски
Нам рисуют узор на прозрачном оконном стекле.

Мы вернулись домой, где нас ранней порою весенней,
Из далеких морей свежий ветер у пирса встречал.
Мы вернулись домой, где родился и вырос Есенин,
И грустил в тишине одинокий солёный причал.

Мы вернулись домой, чтоб берёзовым соком напиться,
По прохладной росе на заре пробежать босиком.
Мы вернулись домой, чтобы Родиной вновь насладиться
И на старости лет никогда не жалеть ни о чём.

Мы вернулись домой, в окруженье жемчужного лета,
В горький запах травы на бескрайних российских лугах.
Мы вернулись домой, где весенняя песнь не допета,
Где поют соловьи и улыбки цветут на губах

Мы вернулись домой, где нас беды и пули косили,
И в жестоком огне полыхала стальная гроза.
Мы вернулись домой, где нас ждали и где нас любили,
И встречали друзья со слезою в счастливых глазах.

Мы вернулись домой, на российскую землю родную,
В гавань тёплых морей и к причалам крутых берегов.
Мы вернулись домой, возвратились на землю святую,
Мы вернулись домой, под родимый родительский кров!

Крым вернулся домой, возвратился на землю святую,
Крым вернулся домой, под родимый родительский кров!

Л и р а м о л о д а я

К и р и л л

М а з и л о в

ОТЛИЧНЫЙ ПРИМЕР

Отличный пример для моей теоремы...
 Набрал диаграммы, чертил всю ночь схемы:
 Наутро работу посмотрит профессор —
 Он знает сюжет этой старенькой пьесы.
 Я рад, я ликую! В конце концов сделал!
 Готов написать на асфальте всё мелом.
 Нашёл то, что раньше никто не увидел,
 Теперь докажу всем, кто сеял обиды.

Профессор невесел и смотрит сурово,
 Затем говорит: «Переделай по новой!»
 Не верю ушам! Я ведь вычислил точно,
 Система надежна, работает прочно.
 «Зачем, — вопрошаю, — ведь это нечестно,
 Менять, что написано столь интересно».
 Но он, не меняясь в лице, произносит,
 Мол, эти листки мне в лицо кто-то бросит.
 Теорию эту никто не воспримет,
 Ещё, чего доброго, на смех поднимут.
 Он что-то скрывает, и я это знаю,
 Он что-то такое тайком затевает...
 Я должен забыть про идею шальную,
 Себя заперев снова в клетку стальную.
 Ночами корпеть над потрёпанной книжкой
 И списывать, словно я глупый мальчишка.
 Профессор смягчился, прекрасно, мол, знает,
 Что я в этот самый момент ощущаю.
 Он жмёт мою руку, — ты, мол, не сдавайся,
 И вновь за работу свою принимайся.
 Я должен вернуться в пустую квартиру,
 Для храбрости, может быть, выпить кефиру,

На графике выискать главную точку,
И думать, как выправить эту вот строчку.
Ну что теперь делать, придётся трудиться,
Хоть я и не понял, что здесь не годится?

Профессор мне рукопись не возвращает,
Он думает, — мысли о ней отвлекают.
Наверное, прав он, ведь старше, умнее,
Мой опыт намного бедней и скромнее.
Конечно, мне лучше совета послушать,
Его мне учитель и шепчет на ухо.
С чего начинать, как построить расчёты,
И что вообще не включать мне в отчёты.
Под чутким и мудрым его я началом,
Смогу, пришвартую кораблик к причалу.
Он словно продюсер, — он знает, что нужно,
А я должен быть лишь артистом послушным.
Меня приведёт он к большому успеху,
Умело убрав на пути все помехи.
И я повинуюсь, сдаюсь, покоряюсь,
И всю душою ему доверяюсь.

Веду себя, видимо, слишком покорно,
Сижу и внимаю его мыслям вздорным.
А он же в ударе! — щадить не желает,
Безжалостно бред на меня изливает.
Лишь раз заикнулся: возможно, быть может,
Продвинуть идею, что так меня гложет,
Не сразу, понятно, — какое-то время
Понадобится, чтоб проклюнулось семя.
Начнём с мелочёвки, легонько, намёком,
Чтоб это для всех послужило уроком.
Он выслушал речь мою очень спокойно,

Затем припечатал ответом убойным.
 Такому товару нужна предоплата,
 И тот, кто предложит тебе больше злата,
 Получит работу, какую он хочет,
 А эта ему ничего не пророчит.
 Не ради идеи, не просто от скуки
 Весь бизнес набросился вдруг на науку.
 Мы пестуем мысли, что будут цениться
 На рынке дороже, быстрее расходиться.
 У рынка есть минус — он столь нестабилен,
 И, плюс ко всему, наш продукт немобилен.
 За нужный заказ здесь придётся сражаться,
 Не нам от клиентов толпы отбиваться.
 Такою доктриной не станешь гордиться,
 Чтоб выжить здесь, многому нужно учиться.
 Ты молод ещё и не знаешь законов,
 Не видел акул, что толкуются в загонах.
 За деньгами деньги, за мыслями мысли,
 И мы, словно куклы, на нитках повисли.
 Ты думаешь, чем-то от прочих отличен,
 Ты думаешь, ты, мол, другой, необычный?
 На самом же деле, мы просто играем,
 Хозяина кто похотей выбираем.
 Рука, что поддёрнет твою крестовину,
 Заставит внести свой мазок на картину.
 Не зная, о чём полотно это будет,
 Мы просто молчим, мы, как правило, люди...

Какой-то злой бог гениальность с бюджетом,
 Смешал в одну кучу на этой планете.
 Шедевр, что в подвале готов появиться,
 Рождён умереть, им нельзя насладиться.
 Приветствуют мысль, что готова продаться,

Другого продукта на рынке бояться.
 Профессионалы и мыслят ликвидно,
 Для них думать по пустякам несолидно.
 Все тонкости нужно постичь постепенно,
 И к дару начать относиться надменно.
 Учить его, чтоб он кормил твоё тело,
 А не конспектировать за ним умело.
 Запомни, что он должен стать подчиненным,
 Ты ж будешь его господином свободным.
 Как только он выбьется в первые роли, —
 Не будешь ты знать ничего, кроме боли.

Я слушал профессора славные речи,
 Они не жалели согбенные плечи.
 И всё, во что верил, в тот миг превращалось
 К себе самому преунылую жалость.
 А он продолжал петь мне песенки эти,
 Как будто молчал перед тем два столетия.
 Великими были всегда — единицы:
 Такое лишь с каждым миллиардным случится.
 Забудь о мечте и признании миром,
 Не стать тебе для поколений кумиром.
 Готовься работать — лишь кровью и потом,
 Получишь ты шанс не прослыть идиотом.
 Вот видишь — ступени? Коль хочешь, — шагаешь,
 А нет, — место ты не своё занимаешь.
 Такая простая премудрость науки:
 Работай, работай, не складывай руки.
 Я знаю, ты парень отнюдь не ленивый,
 Но знай, — бриллианты бывают фальшивы.
 Для этого мира одна только ценность,
 А всё остальное — пустая никчемность!
 Оставь свои детские сны о свободе,

Живи и работай, доверься природе.
 Она позаботится о своих детях,
 В конце концов, каждому даст по конфете,
 Кому-то послаще, кому-то — не очень,
 А ты будь готов попросить, между прочим.
 Упрямых и гордых искателей кладов
 Не часто теперь угостят шоколадом.
 С тюремной похлёбкою голод уймётся,
 Но сытость к тебе так и не прикоснется.
 Тебе выбирать — что ты будешь на ужин,
 Так выбери верно, — и всем будешь нужен.
 Учти, что чем лучше под мир ты прогнешься,
 Тем большего в жизни своей и добьёшься.

Такой вот урок преподавал мне профессор,
 И сам он таким был, — невинный агрессор.
 Впервые лицо его явственно видел,
 И понял, как мелочно он ненавидел.
 Не жаловал всё, что взрастила планета,
 Был страшно обижен созданными света.
 Он проклял всех тех, кто под солнцем родился,
 И, видимо, досыта жизнью напился.
 Хотел он облаять всех звучно и звонко,
 И сам же потом отсидеться в сторонке.
 Но был и вопрос, не дававший покоя —
 Не зря ведь профессор кричал про такое.
 Зачем он рассказывал вещи мне эти,
 И нужно ли знать мне об этом секрете?
 А что, коль не лжёт, если дело он знает,
 Что, если не просто кино тут ломает.
 Он видел так много! И много он слышал,
 Не может ведь быть, что сухим после вышел.
 Такого бесценного опыта людям,

Не могут подать на голубеньком блюде.
 Пускай и не всё во вселенной он знает,
 Но точно уж лучше, чем я понимает.
 Тогда — решено! — я советы запомню,
 И больше не буду несведущим, тёмным,
 Пробелы я в **ви**дение мира закрою,
 А все миражи глубже в землю зарую.
 Ведь, как ни крути, он добра мне желает,
 Хотя слишком остро всё воспринимает...
 С профессором проще мне будет пробиться,
 И многому с ним я смогу научиться.
 На пару трудиться всегда веселее, —
 Усилий поменьше, работа полнее.
 Его поддержу я идеею новой,
 А он мне поможет незлым тихим словом.
 Получится всё, о чём только мечтали,
 Не зря мы друг другу всё это сказали.
 Отлично, раз с этим со всем разобрались,
 Присели в дорожку и друженько взялись.
 Заспорится дело! Уж с шефом моим-то,
 Я буду счастливей любой морской свинки!

Сначала я взял на раздумья неделю,
 Решил поваляться немного в постели,
 Хотел отдышаться и выстроить мысли,
 Хотел, чтобы мысли немного откисли.
 Пред тем, как ввязаться в работу такую,
 Решил, что хотя бы чуть-чуть отдохну я.
 Потом позвонил, передал, что согласен,
 Сказал, что и план мне примерно уж ясен.
 Ответ был: уехал, вернётся нескоро,
 С женой у него была жуткая ссора.
 Он ей заявил: от неё он уходит,
 И будто другую супругу заводит.

Он к нам не вернулся, забыв обещанья,
 А мне не махнул и рукой на прощанье.
 Зажил другой жизнью — сытнее, теплее,
 Забыв обо всём, ни о чем не жалея.
 Я видел его с тех пор лишь на экране,
 В одной популярной научной программе:
 Награды вручали, коллеги хвалили,
 За вклад в дело мира поблагодарили.
 А он всё смущался, стеснялся, и строго
 Сказал, что он сделал не так уж и много,
 Уверил, что будет и дальше стараться,
 Что будет и новых высот добиваться.
 А после под общие аплодисменты,
 Он формулу вывел, привел аргументы,
 Пред тем, как с триумфом покинул он сцену, —
 Прочёл заключение моей теоремы.

А н а с т а с и я

П р о т а с о в и ц к а я

Протасовицкая Анастасия Александровна родилась в 1985 г. и постоянно проживает в г. Керчи. В 2007 г. закончила КЭГИ ТНУ им. Вернадского по специальности Психология. Стихи и прозу пишет с 12 лет, занимается живописью.

* * *

Солнце золотом степь укрывает,
Пульс веков сквозь развалины где-то
Бьётся мерно. Так часто бывает
В этом крае в предчувствии лета.

Травы, цвет и ковыль сединою,
Что созвучно глубинам времён,
Заплетаются строчкой одною
Здесь ромашка, цикорий и лён.

За холмом, за волнистой травой
Двух морей распростёрлись крыла,
Воды с небом сплетая собою,
Синь искристая вдаль уплыла.

И дорога, змеёй извиваясь,
Мимо врат в мир подземный ведёт,
За реальность почти не цепляясь,
Мир иной в каждом камне живёт.

Здесь архаикой дышат руины,
Мхом румяня бока светлых скал,
Здесь откроются первопричины,
Все ответы, что долго искал.

* * *

И сепия старинных фото
Осыпалась бумажной пылью,
Застыла в комнате дремота,
Что мифом было — стало былью.

И скучен быт провинциальный
 Под абажуром с бахромой,
 Качается фонарь вокзальный,
 Я вновь приехала домой.

Здесь даже кухонная нечисть
 За шкафчиком гнездо свила,
 Чихая и от соли мечась,
 Всё пятится на край стола.

И письма крошатся. Чернила
 Поблѣкшей шепчутся строкой,
 И запах нафталиновый мыла
 Поддерживает стен покой.

Плед в клетку. Тиканье часов.
 Почти остановился день.
 Душа закрыта на засов,
 Прошедших лет здесь бродит тень.

* * *

Нужна ли поэту муза
 С каждым разом другая?
 Трясѣтся облезлый кузов,
 В закат, разлитый у края.

По краю — выжженной сушей
 По краю — зелѣным морем,
 Где бродят заблудшие души,
 Где мысли с ветрами спорят.

Мы жизнь свою автостопу
Отдали, дорожной пыли.
Колышется зонт укропа, —
В нем вся нереальность были.

Нужна ли поэту муза
Одна, и любовь ли это?
Трясётся дорогой кузов
В объятья закатного света.

* * *

Шёпотом, шорохом, видишь знамение,
В ветках озябших тумана движение,
Душу твою не отпустит виденье
Думай и чувствуй мое притяженье.
Ветром, золою и солью морскою,
Пряжей и мантрами — успокоенье,
Схвачены танцем, кружимы тоскою,
Полупрозрачные, как приведенья.
Чувствуй. И слушай, тянись, как росток
К солнцу сквозь камень, ко мне сквозь поток
Мыслей смятенных. Безумья приток
Пеной закружит жизни виток.
Перьями, травами, зеленью глаз,
Руки и плечи — твоё опьяненье
Взгляды, связавшие нежностью нас
Ты в моей власти, в блокноте, в смятенье!

* * *

Заклинаньем оплетаю
Ветер, травы и росу,
Что мне нужно, я не знаю,
Образ твой в душе несу.

Над рассветной пеленою
Ветер водами поим,
Знаю — этою зимою
Быть тебе уже моим!

Заплетаю заклинанья,
Прихожу к тебе во сне,
Ты забудешь все желанья,
Кроме мысли обо мне.

Чувствуй, тянет притяженье
Душ сквозь мрак слепой ночи.
Разума ко мне движенье
Твоё в пламени свечи.

Будешь мой зимою этой,
Не успеет лёд сойти,
Вихрем унесёт до лета,
Остаётся лишь прийти.

ПОСИДЕЛКИ НЕЧИСТИ

Играли в карты мы с тобой,
Таро на стол кидая,
Втроём с ушербною луной
О будущем гадая.

Ты мне в глаза смотрел поверх
 Рассыпанной колоды,
 И всё смешалось, низ и верх,
 Кружились неба своды.

Сползала шаль с плеча, дразня,
 Узором заплетая,
 Червовой мастию маня,
 Под взглядом льдинкой тая.

Ты улыбался мне, тащил
 В прозелень глаз, не скрою,
 Очаровал и ослепил
 Их чудной глубиною.

А я пила с тобой вино,
 Безумно хохотала.
 И было, в общем, всё равно,
 Вина лишь было мало...

* * *

Гребень в руке, весна в волосах,
 Что тебе сон, что тебе прах,
 Чёрным крылом брошенный взмах,
 Сердце моё ты держишь в руках.

Был ты чужим, был ты моим,
 Град и лавины — ты невредим,
 Мог обернуться птицею — в небо,
 Был ты свободным, моим же — не был.

В поле в цветах, у тенистой дубравы
Имя твоё прошептали мне травы,
И после жарких огней хоровода
Лик сквозь венок твой уходит под воду.

И на Купала сквозь пламя костра —
К жизни, что нова, искриста, быстра.
К любви, что клинком серебряным остра,
В траве змеей-лентой атласной пестра.

Но тесно мне в сердце холодном, чужом,
Тоска извернулась скользким ужом.
Ты не был мне другом, братом не стал,
Мой разум тобою бредить устал.

Ты всё же чужой, ты всё же не мой,
Моё легкомыслие здесь лишь виной,
Гребень в руке, стою у ворот,
Скрыла трава тропы поворот.

* * *

Связано. Смолото. Больше не милое,
То, что тянуло меня страшной силою.
Смазано. Сдёрнуто. Мраком окутано.
Резко. Порывисто. Мыслями путано.

Кровью. Золою. Чернилами ночи.
Делай теперь всё и как ты захочешь.
Солью. И пеплом. Чайка хохочет.
То — не любовь. То — безумье бормочет.

В клочья. Разорвано. Больше не цело.
 Страсть раздирает душу и тело.
 Ты не отвык. Не привык. Не свободен.
 Дух твой, как чувства, так же бесплоден.

Связано. Смолото. Ветром развеяно.
 Сердце из глины нами не склеено.
 Страсть обернулась в воронов стаю.
 Море. И скалы. Тебя отпускаю.

О л е г

Г о л о в а т ы й

*11-й класс Керченского общеобразовательного
комплекса от Морского технического лицея*

* * *

В твоих устах — тайна,
В ладонях твоих — рай,
В твоих глазах мольба: «Душу отдай».
В тебе — жизнь полна.

Моя душа скитается
В поисках святыни,
И лишь тогда выходит из пустыни,
Когда губ твоих касается.

Приникнув к ним, я ощущаю
Всё, что сказано в Благовещении,
Через тело и душу пропускаю
Всех вышних сил предания.

И ты покорна этим силам
(Быть может, только им),
Что являются остовам,
Мостом, соединяющим миры.

Касаясь губ твоих — губами,
Касаясь плеч твоих — руками,
Моста сего касаюсь я
И погружаюсь в океан,

Где злобный дьявол крест шатает
И сладострастно искушает;
Где Бог в сердцах наших вещает,
Огнём Благодатным в душах лампы возжигает.

Огонь лампы — чистый свет: не обжигает,

Пока он в душах наших есть —
 Он перед Богом оправдает.
 Он, только он надежду в нас вселяет.
 Кто погасил лампы свет — тот всё теряет:
 Любовь и жизнь, и смерть.

Но я люблю тебя, люблю!
 И любить буду до скончания века,
 До кончины истинного человека
 Одной тебе я песнь любовную пою.

* * *

Луна вскарабкалась на небо
 И сияет, словно пять рублей,
 За которые вчера купил я сладостратье
 Ложное и прочие сласти.
 А теперь, в ночи —
 Сижу, молюсь — прижигаю прыщи
 На неумытом лице души моей.

Хоть и грязна, но всё-таки прекрасна,
 Как взявшиеся за руки серафим
 И нимфетка Жанна;
 И загадочна,
 Как моя боговдохновенная Парка.

Я не святой и не юродивый,
 А лишь стою на границе,
 Как и подобает человеку,
 Между Всевышним и любимой
 Маленькой нашей планетой.

Полусумасшедший.
 Значит, полудушевноздоровый
 И совершенно не больной,
 Ибо постоянно предо мной —
 Облик, любимая, твой.

О, Божественно-дьявольский огонь,
 Во мне — не стынь,
 Я не готов пока.
 Господи, оставь с нею
 Меня, как глупого, ленивого ученика,
 На вторую жизнь.

* * *

Мерцающая лампа током бьёт
 В правую заднюю часть головы,
 На правую ногу души
 Наброшены златые кандалы;
 Они тянут, умоляют меня.
 А всё существо моё к тебе льнёт.

Мой цветок тянется к твоей луне.
 Она не хуже той — небесной,
 Лишь обрамлена красою и телесной.
 Я люблю нашу ночь
 И наш зажжённый свет.

Даже если все умрут,
 И луна небесная лопнет,
 Уколовшись иглами небоскрёбов —
 Отражение её сохранит

Наш город.
 Пусть каждый из них не знает,
 Что он — слепой.
 Пусть они наслаждаются
 Холодным электрическим днём.

Они все, скорее всего, умрут.
 А мы не умрём.
 Мы переродимся,
 Родим новую эпоху,
 Наслаждаясь нашей луной.

В наши дни, дабы героем быть,
 Не обязательно гнаться за звездой
 (Она должна быть в сердце).
 Нужно лишь конвой обдурить,
 И возвести нашу луну
 Над оживающей Землёй.

* * *

Я из тех счастливыхцев,
 Кто обрёл Её.
 Я из тех умельцев,
 Кто разгадал Её.
 В ней весь шарм Природы
 Первозданной, Её игра.
 Не утихает в ней хаос
 И тайный порядок —
 Животворящая вода.

Мы включим свет
И погасим фонари;
Мы откроем двери в Миры.

Мы над всей Землёй возведём
Наш крест — белый цветок,
Чтоб бесконечность в нём
Разгадать каждый смог.

Мы будем жить в ночи,
Будучи уверенными в Солнце,
Ведь его лучи
Зеркало-Луна доносит.

Любовь победит Смерть,
Её не будет.
Придёт в наш мир
Его величество — Андрогин.
Нужно лишь приоткрыть дверь...

* * *

В эту ночь я не могу спать.
Выхожу из дома на мгновение,
Чтобы луну увидеть,
Нездешнего ветерка ощутить дуновение.
Я пишу, я хочу отправить себя
На все стороны света,
Чтобы поездов моих тяжёлая гурьба
Спящих разбудила до рассвета.
Я вернулся домой, к счастью
Или к сожалению — не знаю.

Я ищу сласти
К горькому чаю
Из собранных на улице трав прекрасных.
Мне кажется, я умираю.

* * *

Они говорят, что всему есть конец,
Они верят в Смерть.
Мир, переживший даже большевиков
И множество войн,

Уже не может терпеть зимы,
Снега и холодов,
От которых лопаются
Стёкла домов.
Этот этап изжит и прожит.

Очередной безысходный исход —
Начало новых начал —
Неслышно пришёл и неслышно уйдёт.
Холод Его сильнее, чем тепло,
Что Он источал.

И разрыдаются Предтечи,
Кто твердил, Кто убеждал,
Что придёт Весна навечно
И что жив, кто умирал.

Осталось уж немного лет,
Чтобы решилось точно:
Жив мёртвый или нет,
Или Смерть придёт навечно?

* * *

Я днём пойду на денег ловлю,
 А ночью, перед самым сном,
 Отдавая дань душе, промолвлю:
 «Кхе-кхе, подвиньтесь, Аполлон».

В л а д и с л а в а

В е д е н ё в а

*11 класс общеобразовательной
школы МТЛ г. Керчи*

О, ВЕЧНОСТЬ

Мне нравится вырисовывать буквы на холсте бумаги.

Я чувствую свою власть и изящество в каждой ветви, неподвластной циклу затмений солнца.

Мне не приходится изощряться, чтобы буквы оставались леди, не теряя своей пряной женственности.

Только лишь нельзя чинить престо.

Они потеряют свои пышные юбки и лопающиеся губки; и стоическая свежесть линий бросится прочь.

Мои милые дамы,

ваши тонкие кисти — плод моего непосредства, когда глаголы мои не подвешены нитью тока, который повсюду. Бытующий в каждом движении, он кабалит улицы, и локальные, глобальные старосты теряют подле ваших ножек головы.

Мои милые дамы,

ток рукотворный, дикий, шипящую пену пускает от бешенства, отравляя ваши ясные лона, напитанные акварелью неба.

Он плюёт в наши солнца медью. Мои милые дамы, я полагаю, вы знаете, как легко потушить спичку.

Мои милые дамы,

вы на первобытном хамоватом ветру — необыкновенно красивы; неизлобзаны, не отёсаны пылью дорог. — Первородные тропы, прошёл ваш черёд, изгой железа.

Мои милые дамы,

— вы в терновнике птицы, которые поют однажды в вечность. Когда вы облакаете свои станы в пеоны из шерсти луны, что выпускает акрила неон с поднебесной выси;

Когда ваши, припудренные поцелуями Логоса лица потрясут тени, вы поймёте — Вечная Ночь вызывает в свои покои ваши покорные слоги.

Мои милые дамы, в нашем медном мире я пробуждаю лотос в слепке размякшем и мокром от спускавшихся розовых век.

Я зываю из вечности к вечности.
 Мои небесные, милые, мне жаль,
 но на Горизонте вас нет.
 Время поработим, изнасилуем!
 И станем соседями вечности
 со свободными дверями
 от перегноя перил.

ПЕРЕВЕРНУТЬ ПЕРЕВЁРНУТЫЙ МИР

Когда вздутый глянцево-желтый солнца повис в окне балетною пачкою, — Элис вышла из своего сердца. Оглянувшись, она подлетела к окну, сделала пружинистый реверанс и легонько погрузила кончик своего носа в бархатистое лоно фиалки. Она была собой — отражавшею настоящий мир, который звёздным напылением прячется за стеною обыденности, и никто не упрекнёт его в пыли! Она кружилась, кружилась по комнате и через минуту стала центром круглого пирога из травы, обоев и света! Подождав, когда зрачки остановятся, тихо рассмеявшись, чтобы не разбудить свой большой человеческий домик, она легонько чмокнула его в нос — и домик проснулся.

Разомкнувши глаза, Элис ощутила ледяное жжение в области сердца. Словно продолговатые головы протаранили желатиновый студень. Одно мгновение. И водяная линия удалилась. Без следов и зияющих ран.

Кхе-кхе, — зевающих ран!

Элис работает ответчиком. Отвечает на всякие взыскующие ответа вопросы, повернувшие пытливые головы к её домашнему адресу, затем к таинственному

блокноту, а следом — к душоуспознательным спицам удивительного покрова натуры (артель чувственного и рассудочного познания!) Ну, знаете, это когда идёшь на работу с лопатой, заглянув в свой почтовый ящик, напоминающий молочный фонарь с о-о-очень длинною шеей. Сползаешь рукой в кромешное чрево, и — опасливо змеёю достаёшь сизый конверт, который в самое светлое утро (когда облака спускаются с небес на коржи домов), приносит одинокий и несчастный, сквозивший луною в понуро сползающих глазах — почтальон Чарльз. А внутри медовою конфетою без фанта гнездится вопрос: «Почему океан солёный?»

— Хи-хи! — посмеётся вы.

— Хи-хи! — посмеётся учёный.

— Не-ве-ро-ят-но, — вытянет лицо грушею, а глаза — попрыгунчиком Элис. И тут же примется за работу.

Поскольку наша юная форель — наливистая эмоция и ба-а-а-бочка-душа, с тонкими пальцами и эльфийскими ушками живёт в Норвегии, в центре Норделанда — надо ли говорить, что Элис часами просиживает на побережье холодного Атлантического океана. Чувственное и неясное, с большими выдающимися скулами, — океана блюдец зевало таинственными вздохами. Размятеживая девичьи мысли.

Выуживая пузырьки мыслей из стихийного, слепого наводнения, то и дело лопая и отбрасывая бутоны, вдруг Элис наткнулась на горячий, начинённый маслянистым солнцем шарик, прозвирвший *темну воду во облацех!*

— Кто — древнейший обитатель океанических вод? Сторож и основания купол мужественного оке-

ана? Изнаночной пластины, подводной дольки нераздетого планетного мира! Ведь верно, это его движение связывают с кончиной мира! Именно его хвост сотрясёт глубинные воды, и мир наш плотский вкусно проглотит воронка света!

Кит! Кит! Усатый кит! Его усы — это растительность океана! Его беззубый оскал — это проповедь человечеству! А исполинские размеры — одухотворённое величество и убеждённое равновесие!

И тогда Элис опросила всех серых китов (напевая удивительную песенку, они магнетически поднимались мягкими парашютами на водную гладь), пока не наткнулась на розового кита Джейн, которая поведала ей удивительную историю.

Её муж Патрик был очень учёным китом. Он всегда пахнул бурыми водорослями, и этот то-о-ненький аромат приводил в трепет всякое осязание. Он чрезвычайно любил поэзию и сочинял лимерики. Особенным образом его вдохновляли влажно поющие моллюски и то, как небо снимает с себя чёрный свитер, обнажая солнце. Патрик романтизировал океан.

И однажды, встречая закат на ясном паркете воды, он почувствовал грубое прикосновение и вскрикнул: «О, меня обнимает бархатная паутина!» И через мгновение беспощадная, дьявольская боль поразила его, и огромное багровое пятно, умножая размеры свои и чудовищную боль в теле кита, — запечатлело океан. И заплакал Патрик так сильно и горько, что солёность в океане повысилась.

Его гибель стала несчастьем для всех розовых китов, они очень любили его добрую, поэтическую душу. И тогда все розовые киты начали плакать навзрыд. И

слёзы памяти придали всем океанам солёный вкус, вкус памяти о Патрике.

Прошло много лет, и многие годы унесли с собой всех розовых китов и милую память о них. Они не смогли жить в непривычном для них микроклимате океана и не оставили в нём следа. И только Джейн приспособилась. Её любовь, что в соитии с вечным — изменяет привычный исход.

Потому что в мире любви нет ни Востока, ни Запада. Вы, наверное, спросите, как же тогда определить, где Север, а где Юг? Но закрытость мира — это иллюзия. Свет любви делает мир открытым со всех сторон.

Моя любимая мамочка! Сегодня я хочу поздравить тебя с днём рождения. Нынче он чрезвычайно особенный, ведь внутри тебя, в прекрасном и удивительном бутоне живёт дивное, даже небесное создание. Ведь все мы помним не легенду, а явь, что дети — это некогда маленькие жители неба. Перед взлётом на Землю они сами выбирают родителей и знают совершенно всё о земном и божественном мире. Но перед так называемой поездкой — ангел проводит пальцем от маленького носа вниз, так, что между губою и носом остаётся завсегдатый след, а маленькое существо — всё забывает.

И потому я хочу пожелать всем любви и света, понимания и душевного соития.

И свою маленькую фантастическую сказку (но не совсем сказку) я посвящаю вам (ведь небо одухотво-

рило нам землю!). И я хочу, чтобы когда я буду далеко, ты, мамочка, читала её моей сестре или брату, и вы вспоминали меня. Чтобы она стала памятью обо мне, как и Патрик стал вечной памятью океана.

Чтобы эта сказка стала иллюминатором в меня, где бы я ни находилась, — и телом, и именем.

Я тебя люблю.

А н а с т а с и я

М а к а р о в а

Родилась и выросла в Керчи, закончила керченскую школу искусств и школу журналистики, принимала участие в поэтических и радиомероприятиях как юнкор. Писала с детства и пишет по сей день — о любви, радости, свободе. Ей помогает художественное осмысление мира — по первому образованию Анастасия — живописец. (Окончила Крымский Гуманитарный Университет). В 2007 году также окончила курсы сценаристов при школе ТВ Останкино и работала как сценарист в Москве. Не забывала при этом о поэзии — тесты песен и стихи также продолжали рождаться и находить своих почитателей. В настоящее время Анастасия продолжает писать, не только поэзию, но и прозу, и считает главным в своей жизни — идти к мечте и верить — Богу, себе, людям!

* * *

Лебеди летели где-то вдали
По ветру, по ветру...
Всё, что нам дано, уже не сгорит —
Пройдено, пройдено...

Всё, что мы хотели ветру сказать —
В памяти, в памяти...
Нам теперь дано, как прежде, летать
Осенью раннею...

Всё, что у души — мечты и слова —
В вечности, в вечности...
Песни и стихи, и чья — то молва
Встречами, встречами.

Господа рука на времени дней...
Осенью, осенью...
Лебеди летели в ветре полей
Звездною россыпью...

* * *

Когда мы станем истинны,
останется тишина —
Двоякая, тяжёлая, и лёгкая, как мгновение.
Когда мы станем искренни,
от нас отступит молва,
И мы к себе вернёмся, не волоча свои тени.

* * *

Когда обретаешь небо за стёклами всех витрин,
Которых уже не видишь, которые пролетели...
Когда ты бежишь за летом, не зная, что ты — один,
Когда промелькнула осень, и вновь завывли метели...
Теряя себя в секундах, ты что-то всегда искал —
Наверное, это ветер, играющий на рояле.
Так томно скатилось утро по краю твоих зеркал,

Глаза наполнив прощанием, которое не прощает...
 А я возвращалась к Богу, когда горели огни,
 И сумерки поглощали оставшийся в сердце город.
 Возможно, осозная, что мы — в начале пути,
 Я просто не понимала, как ты мне безумно дорог.
 И всё миновало, стёрлось. Осталась вода — не снег.
 Твои следы улета́ли в пространства немого полость.
 Казалось, что сердце — гордость,
 изрезанных писем грех,
 И только остывший кофе приносит чужую новость.
 Мы все приходили к мысли, что кто-то зачем-то здесь.
 Мы все собирали камни, нам часто хотелось встречи.
 Теперь мы не ищем истин — нам кажется тёмным снег.
 И бесконечно короткой порою видится вечность...
 Когда обретаешь небо за стёклами всех витрин,
 Которых уже не видишь, которые пролетели...
 Когда ты бежишь за летом, не зная, что ты — один,
 Тогда промелькнула осень, и вновь завывли метели...

ПОЛДЕНЬ

Я никогда не приду лгать.
 Ворота закрыты. Твои надежды
 Еще очень долго будут витать
 В тяжелом тумане. Прежде
 Под книгами не хранили дом.
 Телефон кричал. Было людно.
 А за дверью — толпа мнений и гром.
 Солнце. Слезы. Мудрость.
 Приоткрыть ставни — история есть.
 Просто сложно её вспомнить.
 Чувства — вовсе не месь.

Полдень.
 И были кресты, и ругань, и свет.
 И к вечеру остановились.
 И взгляд притупился на «нет».
 И не продавали лилий.
 Ворота закрыли. Брела ночь
 В распаханном настезь рассудке.
 Как в венах от правды звала дрожь —
 Так ты закончил сутки.
 И взгляд оступился. Бит — с листа.
 Ветер целует пальцы.
 Полдень — и вырваны адреса
 Из книг правды и фальши...

* * *

Слышать волны — значит остаться,
 Чтобы перебирать сюжеты:
 Или снег, что в начале марта,
 Или мимику на портретах...
 Или небо, или рождение...
 Как следы на песке, — так память
 Растворяется в наваждении
 Между вами, ними и нами.
 Так мелодия затихает,
 Так беспечно приходит утро.
 Города мечты обещают,
 Но с мечтами поспорить трудно.
 Всё легко и, кажется, просто,
 Всё осталось тебе и мне.
 Я по-прежнему помню остров
 И ветров следы на песке...

А н н а

Л о ж к и н а

*г. Керчь 8-й класс, гимназия №2,
член городской школы юнкоров.*

ОНА ЗАХОДИЛА ВЧЕРА...

Она заходила вчера,
когда я в бреду плясал.
Когда собирал по осколку былые дни.
Когда я расписывал золотом небеса.
Когда спичками зажигал ночные огни.

Она заходила вечность тому назад,
Шаркая тихой подошвой изорванных лет.
С охапкой галактик, вином и букетом комет,
Позабыв свою гордость.
Забросив коробку наград.

Я не слушал её, отвлекался, перебивал.
«Прости, но наскучило мне говорить всерьёз.
Давай говорить о нежностях-колкостях роз.
О том, как спадают маски. Кончается бал».

Я был пьян. Окончательно.
Ею или вином.
Может, тем,
что в окне сентябрь на клёне распят.
Я светился безумием от головы и до пят.
Её мир я переворачивал кверху дном.

Но вот наступило утро. Погибли звёзды.
Я встану, умоюсь, пойду разожгу очаг
Несказанными словами — ведь слишком поздно.
Уже рдеет утро.
Она заходила вчера.

СТИХИ О ПОЭТЕССЕ

Посвящается Надежде Грбовой

Миллионы маленьких снежинок-позвоночников
 Ломаются под ногами.
 Эта странная моногамия,
 Что так не присуща твоему возрасту.
 Растерты щёки докрасна.
 То ли от слёз, то ли от снега.
 Чья-то душевная нега...
 Манерничая, прикрываешь глазки.
 Всё басни, какие-то сказки,
 А хочется стихов, песен.
 Больше не интересен?
 Что ж, очень жаль.
 Словно хрусталь,
 Хрупка твоя бледная кожа.
 «А может...»
 «И быть не может».
 До дрожи
 Каждая рифма, каждое слово пробирает.
 И всё тает, тает, тает.
 Тает снаружи. Тает внутри.
 На счёт «три».
 Давай посчитаем вместе.
 Поставь в своём списке крестик.
 Об ещё одной кровной мести.
 О потере себя и чести
 Раз.
 Два.
 Три.

* * *

Я — котёнок, мяукающий у тебя под окном.
 Полуразвалившийся кирпичный дом.
 Луч, пробившийся сквозь пыльное окно.
 Давно забытое чёрно-белое кино.
 Я — футболка, потёртая и порванная местами.
 И — день, который никогда не настанет.
 Атеист, доказавший существование бога.
 И бегун-марафонец безногий.
 Я — небо, затянутое ватой туч.
 Я беден и жалок, богат и могуч.
 Книга, забытая на скамейке в парке.
 Непролитые чернила, потерянные марки.
 Бутылка, открытая, недопитая до конца.
 Человек без судьбы. Человек без лица.
 Я — засвеченная плёнка, засохший цветок.
 Промокший от капель дождя потолок.
 Я — морская гладь, и — волна бушующая.
 Всё спасенье во мне, ведь я — твоё будущее.

ОСЕНЬ

Она уже здесь. В моём городе. Сначала лёгким шуршанием желтеющей травы, а затем уверенным перестуком каблучков по площади даёт она о себе знать.

Она красит губы красной помадой. Огненные волосы с обгоревшими кончиками острижены в каре. Странно... Во время нашей прошлой встречи её белёдые с жёлтым отливом кудри были завязаны в конский хвост. Хотя, чему я удивляюсь? В прошлый раз,

на светский вечер, она пришла в кожаной куртке, джинсах и кедах.

На сей же раз всё кардинально изменилось. Ко мне она явилась в кроваво-красном платье, о длине которого можно было только догадываться. С бутылкой «Jack Daniel's» в руке, она отрывала от своего одеяния по клочку и подбрасывала их в воздух.

— Всем шампанского! — кричала она, подбрасывая вверх своё «конфетти». — Веселимся! Сегодня я тут главная! — по комнате тут же разошёлся стойкий запах алкоголя. Недолетая до земли, обрывки платья сгорали.

Зарекаясь не пускать её больше к себе в дом и проклиная всех, кого только можно, я попытался усадить гостью в кресло. Промахнувшись, та свалилась на пол и звонко захохотала. Всё же усадив её на диван, чтоб уж наверняка, я устало приземлился рядом и томно посмотрел на неё. Не выдержав взгляда, она опустила глаза, как нашкодивший ребёнок.

Вдруг она резко наклонилась ко мне и с болью в голосе прошептала:

— Не отдавай меня ей.

Её дыхание окутывало ароматом горелой травы вперемешку с запахом виски многолетней выдержки. Я взглянул в бездонные глаза цвета пористого шоколада. В них стояли слёзы.

— Скоро она придёт и отнимет меня у тебя. Не отдавай меня ей! Сделай что-нибудь!

Ха, сделать что-нибудь... Да я бы всё отдал, лишь бы она осталась! Пусть она в подпитии читает мне Маяковского. Пусть она не смешно шутит и сама же сме-

ётся над своими колкостями. Пусть заваливается домой после двенадцати ночи. Я всё вытерплю... Лишь бы она осталась.

Когда она плачет, то выглядит старой: сутулится, опускает голову, на лице появляются паутинки морщин.

Нет! Я не хочу видеть её такой! Я хочу видеть её вечно весёлой! Вечно молодой!

В коридоре слышались гулкие шаги.

— Мне пора, — неуверенно проговорила она. Голос при этом предательски дрогнул.

Ну почему она не может плюнуть на все эти глупые правила? Почему она не может просто остаться? Подойдя к двери, моя любовь полуобернулась.

— Я скоро вернусь, — улыбнулась она печально и вышла в коридор, плотно закрыв за собой дверь.

Моя осень ушла.

Е л и з а в е т а

К о л о м е й ц е в а

учащаяся 8 класса ош №1.

Член городской школы юнкоров.

ВОЕННЫЕ СТРОКИ...

*Война — это, когда мир рушится
Ваня, 5 лет*

Извилистые коридоры госпиталя, в котором должна была состояться встреча с ветеранами перед 9 Мая в знак памяти о той боли и том отчаянии, что принесла Великая Отечественная война, хранили память. В палатах на старых, потёртых временах кушетках сидели ветераны, которые должны были рассказать подросткам о Дне Победы и потерях, пережитых ими, чтобы дети не считали этот день всего лишь выходным, когда не надо идти в школу. Мрачный госпиталь, когда-то дышавший смертями и безысходностью, всё-таки помнил...

— Я помню, как лежал на этой же кушетке, не веря, что мы победили. Мне, такому молодому парнишке в форме, что была на меня великовата, и которому некому было её ушить, казалось, что обессиленные солдаты просто хотели верить в победу. Но это оказалось правдой. Нас выжило всего несколько человек из нашего города. Мы дошли до конца, не сломавшись под напором фашистов. Многих забрали в плен или расстреляли. А ещё у меня был друг. Человек, память о котором я чту каждую секунду, пока живу. Благодаря ему мы отстояли этот город и сейчас дышим. Он умер на войне, но его талант жив в наших сердцах. Он умер, не дописав произведения. У меня сохранилась книжечка, которую он отдал мне перед смертью. В этой книжечке его стихи, и то самое незавершенное прозаическое произведение, которое мы слушали по вечерам в окопах. Хотите, прочитаю?

Лишь я один знал, насколько дорогой и родной являлась для него эта работа, написанная в перерывах между боями и кровью. А мальчишке было всего 17...

«Она молча радовалась тому, что у них не было детей. Она бы не выдержала, если б ребёнок погиб от голода, в последний раз глядя на мать с тоской, смешанной с безысходностью. Даже маленькие дети понимают, что значит «гореть жизнью». Она боялась привыкнуть к стволам винтовок, нацеленных на случайные жизни, к оглушённым от бомб и растоптанным вражескими ботинками телам. И даже во сне она не отпустила бы его за грань безумия до предела. Ей всё чаще и чаще казалось, что мир не способен бороться за стук собственного сердца. Алый цвет, что ранее казался любимым, стал ненавистным приговором каждому, кто понимал, что эта капля крови, покидающая измождённое тело — последнее, что он чувствует. Тот день, в который прозвучал первый выстрел, совсем недавно наступил, а уже будто вечность ушла с погибшими солдатами.

И ему — тому, которого юная девушка боялась отпустить, тоже нужно было уходить навсегда. Она никогда не чувствовала себя слабой, но дрожь в коленках давала о себе знать. Ей хотелось убивать убитых фашистов, мстить за серое небо и бороться за разбитое. Жаль, что пистолет даже удержат в хрупких пальцах не могла, страшилась оказаться на сырой промозглой земле в окружении пусть родных, но мёртвых людей, которые тоже хотели жить ради своих близких. А ещё она боялась задохнуться грязью нацистских душ.

Каждые сутки приносили письма, в которых чёрными с оттенками алого цвета буквами на бумаге со следами слёз, было выведено ещё несколько имён упавших в бездну войны солдат. Немцы топтали гордость народа, забывая о чести...

— *Уедешь, может? Многие уезжают.*

— *От себя не убежишь, не уедешь.*

Он кивал медленно, а мысли витали в завтрашнем дне, когда он должен был отпустить её ладонь из своих рук и уйти навстречу закату. Оставить её одной с ломтем чёрного, на вкус как глина, хлеба, что был пищей на весь день. А вместе с ним улетят и птицы...»

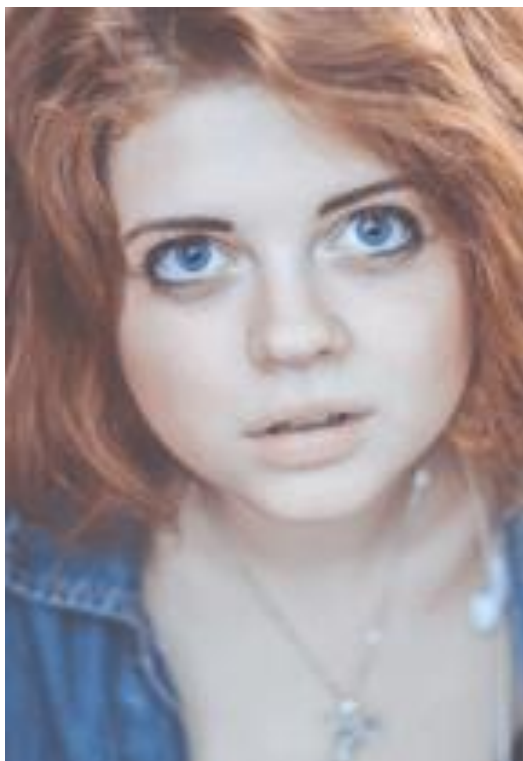
На этом запись обрывалась.

— Дедушка, а где продолжение?

— Осталось на войне в душе погибшего таланта, — тихо ответил ветеран, глядя на мальчишку. — Но знаешь, я до сих пор помню его глаза. В них отражался сожжённый дотла дом и убитая горем сестрёнка. Он искал силы в себе, в своём творчестве и писал, чтобы хоть ненадолго забыть о том, где находится. Его письма матери так и не находили адресата, ведь он не знал нового адреса, если таковой вообще был. А ещё он боролся до конца. Когда умирал, вся землянка была пропитана запахом медицинского спирта, нога перевязана бинтами, сквозь которые всё равно сочилась тёплая кровь. А он даже тогда шутил и говорил, что-то, еле сдерживаясь от раздражавшей его изнутри боли и не понимал, почему по нашим щекам текли слёзы. Лоб был горячий, и медсестра влажной тряпочкой протирала ему лицо. Он очень хотел

пить, но не просил воды. Измученный жаждой и смертельной раной, всё равно понимал, что воды слишком мало, а несколько глотков не спасут. Кровотечение уже не остановить. Его последние слова и заставили нас поверить, что мы сможем, заставили найти силы сражаться дальше. «Я боюсь задохнуться слабостью ваших взглядов, а не умереть от пронзающей моё тело боли. Где те храбрые солдаты, какими вы были в самом начале боя, где ваша уверенность в будущем и победный дух? Где ваша сила? Держитесь. Сражайтесь до конца. Верьте в победу, а я верю в вас. И главное, никогда не забывайте о земле, за которую умираем и убиваем, о войне, что оставила след в каждом из вас, *друг о друге*. И пусть потомки тихо скажут, держа в руках свечу: «Никто не забыт, Ничто не забыто...»

А н н а

К а р а ч а н о в а

*г. Керчь, 11 класс гимназии №1,
член городской школы юнкоров.*

СЧАСТЬЕ

Он стоял на берегу моря. Полностью счастливый. Мысли его были просты и понятны, словно лейтмотив старой песенки. Позади него стояла девушка и улыбалась его счастью. Впереди было лишь море, которое обдавало спасительной жизнью их обоих одним лишь своим видом. Ну а позади стоял старый фургончик «фольксваген» — единственная ценность его отца, которую он и завещал сыну. Эта история проста и понятна, как мысли абсолютно счастливого человека.

Ему было 16 лет, когда он встретил её — девушку всей своей жизни, свою цель и мечту. Ей было 14, когда к ней подошёл странный парень с горящими глазами и сказал, что она похожа на его рыбку в аквариуме, ведь у неё такие же золотистые волосы, как цвет рыбки и такие же странные хрустальные глаза. Подруга рядом засмеялась, покрутив пальцем у виска, предложила «уйти от этого психа», но девушка просто взяла и осталась с ним. Навсегда.

Мысль о том, что он знает мир лишь по рассказам отчима, никогда не давала ему спокойно жить. Он любил слушать отчима, но мечтал, что когда-нибудь увидит всё это и даже больше сам, а потом ещё и расскажет как-нибудь на охоте, пристрелив перед этим парочку крупных фазанов, дюжину уток и по пути невзначай завалив дикого быка. Эта мечта возникала у него каждый раз перед сном с 8-ми лет, с возраста, когда он впервые отправился с отчимом на охоту. Мать улыбалась, видя сына засыпающего с горделивой улыбкой и держащего в кулачке заячью лапку.

Ему не очень давалась учёба, зато он был отличным спортсменом. Но всё-таки литературу он искренне любил, возможно из-за мистера Роджерса, замечательного учителя и друга его отца. Бывало, поздней ночью, не обращая внимания на то, что мать давно погасила весь свет в доме, он брал выигранный фонарик и держал над книжкой, жадно выхватывая строчки из «Острова сокровищ» или «Чёрной стрелы».

Юность и детство прошли очень быстро. После школы он решил стать механиком и устроился в автослесарную мастерскую. Там, работая не покладая рук, он получил свои первые заработанные деньги и с тех пор откладывал с зарплаты хоть немного на свой отпуск вместе с ней. И вот, накопив, сколько нужно, они поехали к берегу моря.

Она разогрела еду на костре, а он мог часами сидеть на берегу моря и думать о своей жизни и о настоящем счастье. Если бы тогда я была в том же месте, я бы подошла к нему, присела рядом и сказала, что не стоит задумываться о своей жизни. Задумываются только потерянные и психи. А у него есть всё, что нужно, чтобы жить так, как он хочет. У него есть она — и это самое главное. У него есть право чувствовать море — и это самое главное. У него есть планы на будущее — и это самое главное. У него есть мечты — и это самое главное. Не стоит осознавать момент, который сейчас длится. Настоящее не терпит этого, превращая своим окаменяющим взглядом то, что тебе дорого, в прошлое. Поэтому то, чтоечно и есть счастье.

*Публицистика,
краеведение*

М а р и н а

М а т в е е в а

г. Симферополь

ВЫСТАВКА ОДНОЙ КАРТИНЫ

Вначале в Керчи, сразу на нескольких площадках, а 13 июня — в Симферополе, в Центральной городской библиотеке им. А.С. Пушкина, открылась передвижная выставка художественных работ известного керченского мастера — художника и поэта Бориса Васильева-Пальма.

Борис Алексеевич Васильев-Пальм родился 6 января 1939 г. в г. Кировске Мурманской обл. окончил факультет журналистики МГУ и факультет графики института им. И. Е. Репина. Живёт в Керчи. Автор книги стихов «Хлам Васильева блаженного» (Москва, 2000 г.), публикации: альманахи: «Истоки», «Эолова арфа» (Москва), «Литературный Крым», «Поэтическая карта Крыма», «Брега Та-вриды» (Симферополь), «Лира Боспора» (Керчь) и др.

Наиболее яркое и животрепещущее его поэтическое произведение — поэма «Глядя в сторону России из Крыма», опубликованная в Москве, в альманахе «Эолова арфа», и, как с удивлением выясняем, ни разу не опубликованное в Крыму. Странно, ведь это произведение — эпическое и лирическое полотно, описывающее судьбы Крыма с исторических времен — с проходом через период «дарения» его Украине в 1954 году (с описанием чувств крымчан и россиян по этому поводу) — и до самых последних лет. Написано произведение с огромной любовью к России, но и Украину своим добрым чувством современный крымский Гомер не оставляет. Автором этих строк была

написана рецензия на эту поэму — «Самая абсурдная точка планеты» (патриотическая поэзия, крымский контекст), недавно снова опубликованная в последнем номере литературного журнала «Берега Тавриды».

А на последние события в Крыму и Украине поэт Б. Васильев-Пальм откликнулся новой поэмой — «Глядя в сторону Украины из русского Крыма» — может быть, не столь масштабной (по крайней мере, по объему), но столь же живой, неоднозначной, дискуссионной. И одновременно мудрой, многое объясняющей. Хотя иной раз кажется, что современному «на голову ударенному» человеку что-либо объяснить невозможно в принципе... Но это не значит, что не стоит и пытаться. Сейчас новая поэма Б. Васильева-Пальма, а также его лирика последних лет, исполненная патриотизма, демонстрирующая интерес и любовь к нашей истории и литературной классике, номинируется на Пушкинскую премию Крыма.

Как художник, Борис Васильев-Пальм известен давно и широко. Выставки в Санкт-Петербурге, Москве, Флоренции... Во всех городах Крыма... Прославлен он и как реалист, и как сюрреалист, а особенно — как автор портретов культурных деятелей (поэтов, писателей, музыкантов, актеров) Крыма, и не только. Серия «Поэты Крыма» сейчас экспонируется в библиотеке Пушкина.

А с недавнего времени им завладел новый художественный жанр — визуальная поэзия или «ИЗО-ПОЭЗИЯ» (авторское название). И здесь мне хочется обратиться к одной из давно вынашиваемых

мною идей — «Выставке одной картины». Произведение, представленное на ней — в настоящем очерке, — на мой взгляд, настолько глубокое, что требует долгого и вдумчивого погружения и не терпит рассеивания внимания на что-либо иное, даже на других своих собратьев по жанру.

О КАРТИНЕ БОРИСА ВАСИЛЬЕВА-ПАЛЬМА «АВ ОВО»
(холст, масло, 60х62)

Картина, точнее, произведение визуальной поэзии (изопоэзии), написана маслом. Что для данного жанра не характерно (большая часть визуальной поэзии или поэтических визуализаций — графика,

обычно чёрно-белая, не отличающаяся особой сложностью).

Особенность этой картины в том, что стихотворение в неё вмонтировано органично (в виде изобразительного элемента): текст замаскирован под узоры на покрывале тахты, а главное: текст в перспективе, чего ещё никто никогда не делал. Картина и текст равно соподчинены.

Стихотворение также принадлежит Б. Васильеву-Пальму

*«В мастерской у Коли Сажина
я проснулся как-то раз
С чувством — творческая скважина,
сквозь мечту ведя в экстаз,
Пробуравила в грядущее:
просто так — не на заказ
Интерьер писать зовущая —
стол с кувшинами, матрас,
Ширму слева, дальше — лестницу
и картину на стене...
Взяв помощницей кудесницу —
Мнемозину* — как во сне,
Я работал, но не в Питере
(в тот же день вернулся в Крым),
А виденье в растворителе
бед не свеялось, как дым».*

На том же покрывале, в правом нижнем углу расположена сноска:

«*Мнемозина — богиня памяти, мамаша 9-и муз».

Внизу покрывала, в виде каймы-тесьмы, более мелким шрифтом отмечено:

*«И, как в авторстве любом,
самомянение красуется:
«Крыма графика» альбом
тут автографом рисуется —
мол, и мне в искусстве есть
уголок: страница шесть».*

На тахте слева лежит альбом «Графика Крыма», раскрытый на странице, представляющей творчество автора. Копия автопортрета из альбома Б. Васильева-Пальма выполнена небывалым способом: кончиком тонкой металлической иголки, т.к. размер лица на портрете — 5*5 мм. Ни у одной кисточки не будет достаточно острого конца для такой работы. По словам автора, *«можно подавать заявку в «Книгу рекордов Гиннеса».*

Полотно на центральной стене («Пейзаж с говядиной») принадлежит известному санкт-петербургскому художнику-модернисту Николаю Сажину. Техника «картина в картине» (если точнее — картина абстрактная в картине реалистической) углубляет физическое и идейное пространство художественной работы «Ab ovo», давая многомерное восприятие этого необычного произведения. Еще более усиливает этот эффект тот факт, что «Пейзаж...» Н. Сажина по своим реальным размерам более чем в полтора раза превышает реальные размеры вмещающей его картины Б. Васильева-Пальма.

Имеются на полотне также частичные изображения других работ Сажина. Одна из них — со словом

«Витебск» (Витебск — родина модерниста) — смотрит на нас с правой стены. Кажется, будто сейчас упадет с неё. Это создает эффект неправильности перспективы изображённой комнаты. Что не случайно. Пространство как бы раздвигается, сообщая движение вещам в неподвижной комнате-натюрморте. Мастерская живёт.

Ещё одна картина Сажина — на духовную тему — не закончена, её можно видеть около стула слева.

Итак, на многомерном полотне взаимодействуют сразу несколько реальностей: материальность студии, жизнь вещей, творческий мир Н. Сажина, визуализация поэтической мысли и слова, нетривиальный — даже несколько искривлённый — взгляд на всё это поэта-художника Б. Васильева-Пальма, его собственный творческий мир — как в миниатюре (в альбоме), так и во всеохватности изображаемого пространства.

И р и н а

Г е л з о в а

г. Москва

историк русской эмиграции, литературный критик член Союза писателей Москвы. Данная статья была заявлена на литературный конкурс «Лира Боспора 2009» XI Международного фестиваля античного искусства «Боспорские Агоны». Автор награжден премией Автономной Республики Крым (II место в номинации «Проза»)

СКОЛЬКО РУКОПОЖАТИЙ ОТ ПУШКИНА ДО ЛЮДВИГА ДОМГЕРА?*

15 августа 1820 г. генерал Н. Н. Раевский и молодой поэт А. С. Пушкин приплыли в Керчь. А на следующий день, утром, покинули город. Но до сих пор визит Пушкина в Керчь — предмет гордости горожан, а также предмет изучения подробностей его пребывания в городе, серьёзных дискуссий, сопоставления фактов и эпистолярных свидетельств. Всё это — замечательно. Ибо, великий Пушкин заставляет нас изучать нашу историю, строить *мост из античности к современности*.

Известно, что гостей встречали на Царской пристани, пожимали руки герою войны 1812 г. и молодому поэту, морские офицеры во главе с начальником Керченской флотилии, капитан-лейтенантом Н. Ю. Понтониоти. Приезд гостей обсуждали жители провинциального города. Среди них были, наверняка, и предки будущего *пушкиниста, филолога и переводчика*, уроженца Керчи, Людвиг Леопольдович Домгера (1894 — 1984). Много ли известно в Керчи о Л. Л. Домгере? — Набережную города когда-то украшал «Дом Домгера»; уроженец Керчи, поэт Ю.К. Терапиано посвятил ему стихи. Пришлось изучить немало источников, чтобы понять, как много сделал Л. Л. Домгер для русской культуры, для Пушкина.

Людвиг Домгер родился 25 декабря 1894 г. в семье состоятельного керченского коммерсанта, лютеранина. Детские игры Л. Домгера, Ю. Терапиано и других мальчишек были неотделимы от исследования раз-

валин крепостей, курганов и каменоломен, коими богата керченская земля. Немудрено, что в детях, измеривших собственными ногами каждый метр древнего Пантикапея, пробуждалось чувство *исторического* и талант следопыта.

Среднее образование Л. Домгер получил дома. Неотъемлемой частью гражданского воспитания, а также сильным эмоциональным событием было посещение Музея древностей, открытого в 1826 г. на горе Митридат в специально построенном для него здании — Храме Тезея (А. С. Пушкин, увы, не имел возможности оценить это грациозное сооружение). «Сила и выносливость, красота человеческого тела, нравственное величие — идеал греческого гражданина, защитника отечества», — читали дети на одном из стендов Музея и мечтали походить на эллинов. «Маленькими Афинами» называют Керчь, в этом убеждается каждый, посетивший город.

Домгер не стал археологом: любовь к слову оказалась сильнее. Однако, страсть к литературному исследованию и осмыслению *сродни* археологическим раскопкам. В 1912 г. он сдал экзамены на аттестат зрелости и поступил в Московский (после I семестра перевелся в Петербургский) университет на историко-филологический факультет; окончил его в годы Великой войны. В 1916 г. был призван в армию, после окончания артиллерийского училища зачислен в гвардейский полк. В дни Февральской революции служил в Петербурге, и приветствовал революцию: «Я принимал в ней скромное участие, в Инженерном замке набивал пулемётные ленты», — вспоминал Домгер.

После Октябрьской революции вернулся в родную Керчь, где встретился со своей будущей женой.

Несколько лет Домгер работал в керченском Музее древностей. В начале 1920-х гг. супруги покидают Керчь и едут в Одессу, затем в Петроград.

С 1935 г. Домгер работает в Институте Русской Литературы (ИРЛИ) Академии Наук — в так называемом, Пушкинском доме. За годы своей работы в ИРЛИ он, совместно с Л. Б. Модзалевским, подготовил к изданию четыре тома писем А. С. Пушкина. В начале войны Домгер был уволен из Пушкинского дома.

В марте 1942 г. истощенные супруги были эвакуированы из блокадного Ленинграда. По льду Онежского озера их доставили в Новую Ладогу, затем в Пятигорск, где вскоре они оказались «под немцами». Там Домгер работал в Доме-музее М. Ю. Лермонтова, музей не был закрыт при оккупационном режиме. В 1943 г. Домгер был направлен в Славянский институт Берлинского университета для участия в составлении «Словаря русских географических названий». К маю 1945 г. Домгеры оказались во французской зоне оккупации Германии, а затем жили у друзей в австрийской деревне. «Живем в дыре», — писал Домгер другу детства и земляку, Юрию Терапиано (тот покинул Россию в 1920 г. и жил во Франции). Заметим, что Терапиано, наряду с другими русскими эмигрантами, помогал в военные и послевоенные годы нашим соотечественникам, оказавшимся в трудном положении — интернированным, бежавшим из плена: сведения о том, *что* ждёт советских людей, возвратившихся в СССР из оккупированных районов, просачивались за «железный занавес». Домгеры не стали рисковать: в СССР они не вернулись. Сохранились черновики писем Домгера к Терапиано, относящиеся к 1947 — 1948

гг. На правах давнего друга Домгер называет адресата неизменно Юра. Перекликались они — именем родной Керчи. Недаром написанное в Париже стихотворение «Пантикапея» Терапиано посвятил Людвигу Домгеру (поэт называл древний город *женским* именем). Вот эти стихи, мгновенно переносящие нас в Керчь начала XX века:

ПАНТИКАПЕЯ

Л. Л. Домгеру

Сияющая, мраморная, в воду
Нисходит пристань кругом, как венец.
Привязанные лодки на свободу,
Качаясь, рвутся с бронзовых колец.
Вверху амфитеатром синим горы
Теснятся в небе, и Тезеев храм
Готов принять процессии и хоры,
Идущие к аттическим богам.
Эллада в скалах Таврии нетленна,
И корни лоз и рыба в глубине,
Забывши обо всём, что современно,
Классической покорствуют весне.
Пантикапея древняя, тебе ли
Я песнь размером варварским пою
В стране, где грек, играя на свирели,
Умел прославить родину свою.

Летом 1948 г. состоялся переезд Домгеров в Париж: их пригласил к себе на работу балетмейстер Л. Ф. Мясин. Домгер был его управляющим и доверенным лицом, а его жена — аккомпаниатором в спектаклях Мясина. Несмотря на большую занятость, Домгер

не перестает заниматься пушкинианой. Он пишет труд, являющийся результатом анализа его работы в Пушкинском доме:

Домгер Л. Л. Советское академическое издание Пушкина: Серия «Программа изучения СССР» — Н.-Й. 1953. 124 с.

В монографии Домгер рассказывает об истории издания 17-ти томного собрания сочинений А.С. Пушкина. Читатель узнает, что идея этого издания появилась еще в 1929 г. Затем в ИРЛИ было «спущено» решение о выпуске нового *советского* академического издания Пушкина, для чего в мае 1933 г. состоялась конференция пушкинистов. В те же, 1930-е годы, Пушкинский дом подвергся разгрому, часть сотрудников была отстранена от работы, часть — репрессирована. Оставшиеся филологи были обязаны уложиться в сроки, трудно совместимые с честной, кропотливой работой над текстами черновых рукописей поэта, с его многократной правкой. Работа продолжалась и в годы войны: в осажденном Ленинграде, в типографиях города рабочие набирали тексты Пушкина. Собрание сочинений, задуманное как юбилейное (к 100-летию со дня смерти поэта), будет завершено к другому юбилею — 150-летию со дня рождения Пушкина. В 1949 г. Сталину доложили, что *советское академическое* собрание сочинений А.С. Пушкина завершено. Названный труд Домгера представляет собой синтез экскурса в историю пушкиноведения эпохи сталинизма, филологического исследования и психологического детектива. Это — первый серьезный анализ нового собрания сочинений Пушкина, которое пушкинисты впоследствии называли *драматическим*, даже — *траги-*

ческим. Сам по себе труд Домгера увлекателен и достоин внимательного изучения. Подчеркнем, что он *наполнен* Пушкиным: фрагментами из черновиков, примерами курьезов и т.д. Наверняка, Пушкину он бы понравился. Примечательно, что эпиграфом к своей работе Домгер взял две фразы Пушкина:

«Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов» (А.С. Пушкин)

«Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная». (А.С.Пушкин)

Читатель ХХI века искренне удивится, что великий Пушкин мог считать кого-либо великим. А, возможно, Поэт, будучи прозорлив и лукав, «начертавший» однажды «Ай, да Пушкин! Ай, да сукин сын!» — имел ввиду *себя*? Как известно, Пушкин был членом масонской ложи. В 1949 г. Домгер был принят в Париже в ложу «Гермес», а 27 октября 1950 г. он выступает в ложе с докладом на тему: «Пушкин и масонство». Доклад был высоко оценен присутствующими и вызвал широкую дискуссию. В конце 1951 г. Домгер с женой уезжают в США, где он работает в нью-йоркском «Издательстве имени Чехова». Из-под его пера вышла уникальная брошюра:

«Справочник издательства им. Чехова: для авторов, переводчиков, корректоров и других работников печати» (Составитель Л. Л. Домгер в сотрудничестве

с работниками изд-ва им. Чехова — Н.-Й. Изд-во им. Чехова. 1955. 355 с.)

По существу, это — монография о русском языке, о его неотвратимом изменении и о специфике перевода. Для многочисленных примеров, без которых немислимо справочное пособие, Домгер берет фрагменты из Пушкина. К его гению он обращается постоянно, в разных областях своей литературной деятельности.

Большую роль в судьбе Домгера сыграл и другой русский гений — А.И. Герцен, рукописи которого он готовил к изданию:

Герцен А. И. Неизданные письма к Н. И. и Т. А. Астраковым (Подготовка к печати Л. Л. Домгера — Н.-Й. Издание «Нового журнала». 1957. 176 с.)

Напомним, что Астраковы были «избавителями» невесты А. И. Герцена, Н. А. Захарьиной, став помощниками в организации её побега из дома княгини М. А. Хованской, увоза во Владимир, где состоялось её венчание с А. И. Герценом. Дружба двух семей (в основном, эпистолярная) продолжалась много лет.

Особого внимания заслуживает переводческая деятельность Л. Л. Домгера. Назовем лишь перевод на английский язык романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». А когда-то большая полемика развернулась вокруг перевода с французского языка романа историка, маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 г.». Книга была переведена на многие языки, но в России была запрещена Николаем I, как порочащая ее, и на русский язык никогда не переводилась. В 1930 г. в СССР эта книга, якобы, «порочающая царскую Россию» была выпущена с нужными купюрами, именно в воспитательных и агитационных целях.

Астольф де Кюстин. Николаевская Россия (пер. с франц. Гессена Я., Домгера Л.; вступ. ст., ред., прим. Гессена С., Предтеченского А.) — М.: Издание «Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев». 1930. Тираж 4000.

Домгер не случайно занимался этим переводом: А.И.Герцен в свое время назвал сочинение маркиза де Кюстина «самой замечательной и умной книгой, написанной о России иностранцем».

В годы эмиграции Л. Л. Домгер, кроме своих прямых обязанностей, дающих средства к существованию, занимается библиографической работой. Среди его незавершенных монографий — библиографии современного пушкиноведения, русского масонства в США, русской современной поэзии в США. И, наконец, Домгер внес большой вклад и в развитие культурных связей между Россией и США. Это заключительный, важный аспект литературной деятельности Л. Л. Домгера.

В 1956 г. был подписан ряд договоров между СССР и США. Домгера приглашают в Вашингтон на пост гл. редактора журнала «Америка» (издание Правительства США). И хотя «Соглашение» между СССР и США «об обменах в области культуры, техники и образования» было подписано лишь спустя два года, уже в октябре 1956 г. вышли первые номера ежемесячных журналов «Америка» на русском языке и «USSR» — на английском. Показательно была оформлена обложка *первого* номера Журнала (Домгер чувствует возложенную на него миссию на пути прекращения «холодной войны»: на обложке изображена бескрайная водная синь и маленькая девочка в

красном платье, стоящая у берега океана. Подпись он дает такую:

«Ребёнок, впервые почувствовав вечное очарование моря, колеблется, прежде чем ступить в воду Тихого океана, пространства которого — как некогда сказал Герцен, — не разделяют, а связывают два полушария — западное и восточное».

Тема русской эмиграции в те годы была вне закона, а в журнале «Америка» публиковались статьи о русских дореволюционных традициях, о буднях наших соотечественников за рубежом, об их достижениях — в области балета, литературы, живописи, выходящие за рамки социалистического реализма. Домгер, живущий в пол-оборота на Россию, имеющий за плечами опыт работы с текстами Пушкина, не перестающий заниматься русской литературой все годы эмиграции, изначально задает высокий стилистический уровень журнала. Изящный русский язык, знание поговорок и крылатых фраз и т.д. — всё говорило о том, что в журнале работают опытные сотрудники. И только много позднее мы узнали, кто был его главным редактором на протяжении 14-ти лет (с 1956 по 1969 гг.)

Сегодня на набережной Керчи, облокотившись о парапет, мечтательно смотрит в морскую синь молодой Пушкин, — пусть и одетый в бронзу. Совсем рядом, — буквально, в десятке метров! — стоял «Дома Домгера», знаменитый «Дом на набережной». Выполненный в стиле классицизма, он был построен после Крымской войны 1853—1856 гг. (увы, и его не видел А. С. Пушкин...) и разрушен летом 1981 г. по приказу руководителя Госстроя «с целью расширения дороги

и открытия пространства к морю». Бронзовый Пушкин задумчиво смотрит вдаль, он *стережёт* это место для лучших времен, ему здесь уютно. Он знает, что одинаково нелепо пасть «невольником чести» в 37 лет и быть жертвой чьей-то глупости. Пушкин думает о тех, кому он необходим *сегодня*, кого он *спасает* от гибели. Поколения сменяют друг друга, выполнив свою роль — роль связующего звена. Сегодня — ответственность за мост от античности к современности лежит на нас. И благословляет нас — *пожимает нам руку* — сам Пушкин

П а т о л о г и я

У ш, у к

НЕГАСНУЩИЙ ПОБЕДЫ СВЕТ

Московская гимназия № 1522 в 2000 году к 55-летию празднования Дня Победы в Великой Отечественной войне выступила с инициативой реализовать в школе программу «Дорогая моя столица», посвятив её знаменательной дате. К программе присоединялись ребята из других городов России, Беларуси и Украины, в том числе керченский лицей искусств. Затем движение продолжилось развитием последовательно разработанных и реализованных коллективом гимназии №1522 города Москвы и партнёрами программ гражданско-патриотического воспитания «Дорогая моя столица» (завершена в 2001 году), «Дорогами славы отцов» (2001-2005 годы), «Академия детской дипломатии на пути к культуре мира» (2005-2015 годы).

В результате практически пятнадцатилетней работы сложилось гражданско-патриотическое движение педагогической общественности и школьной молодёжи, которое можно рассматривать как проявление гражданского общества. Одновременно это движение детской дипломатии и молодёжного парламентаризма, направленное на укрепление мира и толерантности. Участниками движения в настоящее время являются 26 образовательных учреждений из 22 городов 8 стран (Россия, Беларусь, Украина, Латвия, Эстония, Германия, Польша, Словения).

Движение основано на взаимодействии со школами-партнёрами, учащимися и их родителями, а также с местными органами власти и учреждениями

культуры, спорта, досуга, другими организациями социальной сферы.

Керченский лицей искусств не только поддерживает тесные связи с московской гимназией, но и является активным и равноправным участником проекта «Академии детской дипломатии». Организация работы по гражданско-патриотическому воспитанию учащихся с учетом современных требований способствовала внедрению в практику новых форм взаимодействия: международные слёты, форумы, встречи, культурно-образовательные обмены, конкурсы, Интернет-конференции. Лицейсты принимали активное участие в слётах в Москве, Смоленске, Туле, Волгограде, Севастополе, Минске, Киеве.

И вот долгожданный слет в Керчи — «Негаснущий Победы свет», посвящённый 70-летию освобождения Керчи и Крыма от немецко-фашистских захватчиков! Несмотря на сложный переходный период, руководство лицея искусств не отказалось от проведения слёта, рассчитанного на четыре дня, каждый из которых насытили интересными, запоминающимися событиями.

Керчь встречала гостей жарким осенним солнцем и тёплым морем. Для многих из них это было приятным подарком. Восемь городов делегировали участников: Москва, Мурманск, Санкт-Петербург, Смоленск, Тула, Волгоград, Новороссийск, Севастополь, а также приехала делегация города Нелидово.

6 августа утром в сквере Славы состоялось возложение цветов к Вечному Огню, в котором приняли участие представители городской администрации, ветераны, учащиеся, делегации городов-героев. После

возложения, на центральной площади — торжественное открытие праздника и слёта городов-героев. В День рождения Керчи делегации прошли по главной площади, с гордостью неся в руках таблички с именами своих городов. Ближе участники слёта смогли познакомиться в актовом зале лица искусств, где состоялось представление делегаций, были показаны отрывки из документального фильма «Города-герои». После обеда началась экскурсионная программа, в первую очередь делегации спустились в холодные подземелья Аджимушкайских каменоломен. Эта экскурсия их потрясла, не оставив никого равнодушным. Руководитель делегации города Нелидово Иван Брюхнов сказал: «Та минута молчания, которую люди проводят в полной темноте, на глубине 16 метров, — ни одного движения, ни одного шороха, — помогает ребятам проникнуться и почувствовать, как можно было жить и работать в тех условиях. Это важно». Панорама, открывшаяся участникам с горы Митридат, поразила участников. «Какая красота!» — воскликнули они. Раскопки Пантикапея, памятник воинам освободителям, лежащий у подножья город — уникальное сочетание, которое есть только в Керчи. Вечером гости города собрались на центральном стадионе, где в день рождения Керчи выступили дети и артисты. Особый восторг вызвало выступление детей. Оно было ярким, красочным и радостным. Делегаты отметили: «Приятно смотреть на ваших керченских детей. Какие они счастливые! Радостью светятся их глаза. Выступая в большом коллективе, каждый из них старается так, как будто выступает соло и он один на сцене. Не потеряйте ваших детей и их настроение

сохраните». Закончился концерт праздничным салютом, который был шикарен: в начале фонтаны, затем шары, а в финале искрящийся водопад света.

7 сентября. День насыщенный не меньше, чем предыдущий. С утра делегации отправились на экскурсию в крепость «Керчь». «Мы увидели огромную крепость Керчь, которая была построена в XIX веке и спланирована так, что её было почти незаметно среди окружающей местности, побывали во многих её строениях, даже в подземных подкопах». Самым главным мероприятием слёта стала научно-практическая конференция «Наследники победы». Делегаты принимали участие в работе пяти секций: «Их именами названы...», «Всё для фронта, всё для победы», «У войны не женское лицо», «Детство, опалённое войной», «Мир XXI века — мир без войн». Ребята должны знать всё о Великой Отечественной войне, кто на чьей стороне воевал, кто стал победителем, и какой ценой досталась эта Великая Победа. Помощь в работе жюри оказали учителя истории школ города Керчи. По традиции, для руководителей делегаций прошёл круглый стол. Педагоги обменивались опытом воспитательной работы, которую проводят в своих школах и образовательных учреждениях города, оказали методическую помощь педагогам Керчи и Севастополя в условиях переходного периода.

Никого не оставил равнодушным вечер-реквием «Память». У многих на глазах были слезы. Завершился вечер закладкой капсулы с посланием потомкам — участникам слета школьников городов-героев 2064 года. Каждая делегация написала свое письмо, после в торжественной обстановке зачитали объеди-

нённое послание. В полной тишине слушали участники: «Заклинаем вас: любой ценой не допускайте войн, живите в мире, искренне любите свою землю, свою Родину и детей своих воспитывайте милосердными и неравнодушными людьми. А самое главное — берегите Память о нашем с вами трагическом прошлом и не превращайтесь в «Иванов, родства не помнящих»!»

8 сентября. С утра экскурсия в музей Эльтигенского десанта. А затем приняли участие в открытии Вахты памяти «Эльтиген — 2014», на которое собрались поисковые отряды Крыма, России, Украины, Эстонии. Главным событием, ради которого здесь собрались ветераны и поисковики, стало захоронение останков капитана Ивана Кондратова, боевого офицера-разведчика. Его останки были найдены поисковиками 4 сентября 2013 поисковой экспедицией у немецкого дота на Эльтигенском плацдарме. Траурная процессия прошествовала до братской могилы, где Иван Кондратов был захоронен. Участники слёта возложили цветы на братскую могилу десантников.

Вот и слёт подошел к концу. Во дворце культуры Корабел собрались участники слёта, лицеисты, их родители, ветераны войны, школьники Керчи. Здесь был концерт, поздравительные речи, обмен подарками и награждение победителей конференции. Яркое и праздничное шоу показали лицеисты: танцевальный коллектив, вокалисты и музыканты. «Баллада о матери» в исполнении Элеоноры Горшковой затронула каждого слушателя. Ветеранов войны торжественно приветствовали все присутствующие. К участникам слета обратился герой советского Союза и герой Рос-

сии летчик Леонов. Он призвал всех участников помнить героическое время, чтобы сохранить мир на Земле.

Участники слета были поражены тем, что такой грандиозный концерт был дан только силами учеников лицея искусств. Закончился концерт выступлением участницы из Новороссийска с патриотической песней «Россия-Русь». А затем наступил торжественный момент: заместитель министра образования, науки и молодежи Санталова Е. О. наградила делегации и победителей конференции дипломами. Все делегации отмечены благодарственными письмами.

Слёт завершил свою работу, но расставаться никто не хотел, ведь за время, проведённое в нашем городе, ребята нашли новых друзей. Они восхищены не только красотой и уникальностью Керчи, доброжелательностью и открытостью горожан, гостеприимством жителей города, патриотическим настроем. Как раз такие поездки по городам-героям воспитывают чувство гордости за подвиг, совершенный нашими дедами и прадедами, позволяют вырастить поколением настоящих патриотов нашей Родины!

A g a

Π ο κ α ρ ε β α

В ОККУПИРОВАННОЙ КЕРЧИ

Я описывала жизнь в г. Керчи, в соцгородке, расположенном рядом с бульваром. В «Лире Боспора», в XI выпуске, говорится о том, как защищали комсомольцы девятых-десятых классов свой двор и крыши домов по ночам от немецких фугасок, сбрасываемых с фашистских самолётов. Как Колька отказался ходить в бомбоубежище, доказывая матери, что фугаски падают на крышу, а он спит на первом этаже, почти что в подвале.

Мать не выдержала, боясь за сына, и на следующий день, забрав всю семью, позвала конюха с конюшни, которая располагалась на улице Морской рядом с их домом и их улицей, попросила отвезти их в Булганакские каменоломни. С ними поехали Астанины — мать с сыном Вовкой. Они наблюдали из каменоломен, как фашисты бомбили Керчь, как рвались снаряды, как в небе сражались советские самолёты с фашистскими.

Когда всё стихло, они возвращались домой, — на дороге лежали расстрелянные люди, дети, лошади. Вот они обнаружили живую. Лошадь, мирно щипавшую траву, на которой они вернулись домой. Приведя лошадь в конюшню, они там никого не обнаружили; дверь распахнута, овёс просыпан; они собрали овёс, взяли сена и вернулись в свой двор, поставив лошадь в сарай Токаревых.

Мать приказала сидеть дома, и даже во двор не разрешала выходить. Колька маялся и не хотел читать. Но мать заставила его читать вслух, чтоб и ей не

было скучно. Мать он любил и всегда старался что-то ей сделать приятное. Это у него получалось. Он знал хорошо, что мать безграмотная, он читает вслух, мать слушает с интересом. Она сама ходила в дровяник за дровами, углём, кормила лошадь, поила её. Сестра Тамара потихоньку выздоравливала от мастита, сама хлопотала около своего сына Виталика.

Колька маялся дома от скуки. Она — мальчишка, любитель моря, степей, был загнан в четыре стены, ему не хватало воздуха, морского ветра. Ноги его, любящие бегать, сейчас как будто песком присыпаны, он даже ощущает какое-то пощипывание и тяжесть в ногах. Вот он напомнил матери, что лошадь надо выгуливать: она застоитя, и будут у неё болеть ноги. «Мама, разреши выгуливать лошадь, она застоитя, и у неё будут болеть ноги, как у меня». Мать испугалась: «Что, у тебя ноги болят?».

«Да, мама, они всё время сидят, лежат, по ним словно какие-то мурашки бегают. Скоро опухать будут», — добавил он и хитро посмотрел на мать. Он вспомнил старика-соседа, всё время сидящего на солнышке, и ноги его были опухшие, в валенках. И люди говорили, что ему и на солнышке холодно, кровь его уже не греет, чему Колька удивился, а сейчас он решил свою мать испугать, может, отпустит его во двор. Да она и сама знала, что лошадь надо выгуливать, подумала и сказала: «Я тебе разрешаю выгуливать лошадь, но только во дворе и недолго». Всё, кончилось затворничество.

Колька моментально оделся и выскочил на улицу, то есть во двор, и побежал к лошади в сарай. Увидев его, лошадь тихо заржала, приветствуя, обрадованная, что наконец вспомнили о ней. Видя в окно,

как Колька гарцует на лошади по двору, и Вовку Астанина мать выпустила во двор. Но недолго им пришлось гулять с лошадыю. В конце недели услышали стук в дверь квартиры, пришёл полицейский и спросил, откуда лошади и почему её не отвели в городскую управу. И забрали лошадку.

Через несколько дней мать стала перекладывать вещи в шкаф, откладывая в сторону отцовское. За ней наблюдал Колька. «Ты зачем откладываешь папины вещи?»

«Колюшка, мы завтра с Тамарой пойдём в деревню менять папины вещи на муку, картошку, а ты посидишь с Виталькой: менять пелёнки, кормить с бутылочки. Молоко раздели на две части: днём покормишь, и второй раз под вечер, а там и мы вернёмся».

Утром рано они ушли. Колька сидел тихо, чтобы не разбудить Витальку. Сидеть было скучно, и он решил читать книгу, которую он маме читал вслух. Вот, Виталька проснулся, он его покормил, поменял пелёнки, укачал и снова взялся за книжку. Но вот пришёл вечер, а ни матери, ни Тамары нет. Он стал беспокоиться, где они. Дело к ночи движется, Виталька раскричался, орёт до синевы. Колька его качает, а он ни в какую. Коля бросил его в кроватку и уши свои ладошками закрыл, чтоб крик Виталькин ему думать не мешал. Что делать? Что делать?! Потом вспомнил, что где-то есть белые сухари, мама их сушила в начале войны. Он начал искать, нашёл, взял их несколько штук, положил в марлю, в блюде налил воды и стал мочить эти сухарики и давать в ротик Витальке. Сначала Виталька не понимал, чего от него хотят, но

вот он начал обсасывать марлечку с размякшим сухарём внутри, постепенно он насытился и уснул. И Кольку тоже сморил сон, так он около него и уснул.

А мать с Тamarой думали: вот, в первом же колхозе поменяем вещи... Но близ города все колхозы тоже были уже без продуктов, и им пришлось идти вглубь района. Долго они ходили по районам, но всё же обменяли вещи на картошку, муку, крупу, яйца. Вот и стемнело, хозяйка избы уговаривает их: «Куда вы сейчас пойдёте? Сейчас полицаи вышли, хватают всех подряд, кто до сих пор на улице ходит. И продукты отберут, и самих вас заберут, как партизан. Оставайтесь, утром пойдёте». Остались, но не смогли заснуть, думали, как там Коля справляется.

Как только начало светать, они собрались, поблагодарили хозяйку и отправились в путь с котомками и мешками. Вот и дом. В квартире тишина: и Колька спит, и шестимесячный Виталик спит, на столе блюдечко и сухарики. Они не стали детей будить, сами прилегли — ночью-то не спали, а сейчас они уже дома, и в доме всё спокойно, и мать улыбнулась, подумав о том, что она правильно сделала, что с детьми не уехала в эвакуацию. «Дом — это крепость, и стены тоже помогают».

И вот опять потянулись длинные и скучные дни, раньше хоть лошадь выгуливали, а сейчас и он, и Вовка сидят дома. Мать продолжает заставлять Кольку читать вслух, а он читает, а сам думает, что придумать, чтоб на улицу выскочить. Тут Тамара пожаловалась, что у неё голова болит. Немного спустя, Колька вскрикнул. «Что с тобой?» — забеспокоилась мать, а Колька: «У меня тут болит», — и показал на виски. Мать забеспокоилась, всё-таки парень сидит

без свежего воздуха, и решила выходить во двор вместе с ним. Коля обрадовался свежему воздуху, и Вовку тоже мать выпустила во двор, вот уже им стало веселее. А потом он начал возмущаться: «Что я, маленький, что гуляю с мамой?!». Но вот как-то раз Тамар позвала мать домой, та ушла. Колька предлагает Вовке: «Пойдём, посмотрим, что на улице делается?» Вовка отказался: «Мамка заругает и больше не пустит на улицу». Колька вздохнул, посмотрел на Вовку, и ему от вида Вовкиного стало скучно. И стал он так уговаривать: «Я только выйду, посмотрю на дорогу и вернусь». И он заторопился, пока мать не вышла во двор, скорей за ворота. Выскочил со двора, а там никого. И он решил добежать до улицы Свердлова, — и там пусто: ни детей, ни взрослых, как будто все умерли. Решил пробежаться до Театральной — и там пусто! И он уговаривает себя добежать до сквера, где стоит памятник Ленину, бежит и прячется в кустах. Но памятника не было, остался только постамент: или его увезли, или фашисты забрали. Оглянулся назад, вглубь сквера и увидел три виселицы. На одной висел взрослый, на другой — парень, а на третьей мальчишка, и на них висели на шеях дощечки: «коммунист», «партизан», и на мальчишке — «вор». И тут же висело объявление на русском языке: что так будет со всеми коммунистами, партизанами и ворами. Лица у них были страшные.

Колька отпрыгнул от этого сквера, перебежал площадь и нырнул в магазин сельскохозяйственных продуктов. Там в мирное время продавали крупы, сахар, мясо, колбасу и овощи и фрукты, туда Колька ходил сдавать бутылки и пробки от бутылок, которые он собирал по субботам и воскресеньям на бульваре, а

сейчас этот магазин был полупустой, если что было, то продавалось на немецкие марки, а у населения их не было. Этот магазин стоял на границе между площадью и базаром, и была в нём ещё одна дверь, через которую Колька и выбежал на базар. Там было мало людей по сравнению с довоенным временем, и не столько торговали, а больше меняли: спички на хлеб, хлеб на махорку и так далее. Колька увидел у входя на базар человека, который чистил обувь людям, за что ему давали марки, то есть немецкие деньги. И Колька вспомнил, что у них в сарае тоже лежат инструменты для починки обуви, есть и крем, бархотка, щётки. Всё это купил в своё время отец — хотел сам чинить обувь для своей семьи.

Колька стал присматриваться, как этот мужчина чистит обувь и подумал: «Я тоже смогу, это же очень просто». И вдруг услышал на базаре шум, крики, бег, и этот чистильщик обуви быстро собрал свои щётки и, схватив Кольку за руку, закричал: «Облава!». Колька не понимал этого слова, но не сопротивлялся и бежал с этим человеком, и опять они оказались в скверике на площади Ленина, спрятались в кустах недалеко от виселиц. Кольке было неприятно сидеть рядом с повешенными, он зябко поёживался и, чтоб не думать о покойниках, спросил: «Что такое облава?»

«Облава, — это когда полицаи вместе с немцами ловят людей, выискивая евреев, коммунистов, партизан. Но они хитрее немцев, просто забирают всех людей обыкновенных и мучают их, чтоб они от боли сказали, что они партизаны или большевики, и их убивают, а за них полицаям дают немецкие деньги. Так что, ты об этом знай и не попадайся в облаве. Понял?»

Кто пошёл служить в полицию — тот предатель и продажная шкура, смотри, берегись их и старайся не попадать им на глаза. Ну, всё, облава закончилась, пацан, расходимся по домам». — И он ушёл, Колька тоже побежал домой, зорко поглядывая по сторонам, чтобы не встретиться с полицаем или с немцем.

А шёл он домой нехотя: знал, что провинился, ослушался матери и сейчас получит взбучку и опять будет сидеть дома в наказание. На пороге он глубоко вздохнул и открыл дверь. Кстати, в то время двери на запоре никто не держал, только на ночь их закрывали.

Дома было тихо. Мать лежала пластом с мокрым полотенцем на голове, она мучилась головной болью. Тамара, его сестра, сказала спокойно, без крика: «Это твоих рук дело, — и молча показала руками на мать. — Ты же знаешь — ей нервничать нельзя, что у неё начинается мигрень!»

Колька ругал себя в душе, подошёл к матери и стал гладить её по голове, по щекам, прижиматься к ней, прося прощения. Она вздохнула и посмотрела на сына, хотя ей было больно даже глаза открывать. А он сказал: «Мама, я тебя люблю. Я больше не буду от тебя убегать!». Мать вздохнула, погладила его по голове — знала, что это опять до первого случая.

НА НЕМЕЦКОМ КАТЕРЕ

То, что принесли, поменяв на продукты вещи отца, мать с сестрой, таяло, как снег весной. Скоро снова нечего будет есть самим и нечем будет кормить маленького Витальку. И Колька решил помочь матери. Он вспомнил мужика, который на базаре чистил

обувь, и решил сам попробовать почистить людям обувь. Вечером он пошёл в сарай и приготовил ящик, на котором чистят обувь, крем чёрный и коричневый, щётки и бархотку, которой наводят блеск на туфлях. Всё это сложил в сумку от противогаза и утром потихоньку выскользнул из дома, чтобы его никто не оставил: ни мать, ни сестра, так как окна квартиры выходили во двор. Зашёл в сарай, забрал противогазную сумку и вышел через калитку, которая на пляж выходит. Выскочил со двора на пляж и легко вздохнул, ощутив солёный морской ветер, ликуя: «Я на свободе!» И пошёл по пляжу, глядя на морские волны, накатывающие на берег. Но далеко не ушёл. До причала, где в довоенное время приставали катера гражданские и военные. Этот причал был сделан военными, в мирное время каждое утро приходил из крепости катер, забирал морских офицеров на службу в крепость, а вечером они приезжали домой, в соцгородок.

Колька давно не был на улице и не знал, что творится в городе. Он взглядом наткнулся на катер, стоящий у причала, понял, что немецкий и решил вернуться во двор, но услышал: «Ком, ком, стой!» Он понял, что это ему говорят, чтобы он подошёл. Глубоко вздохнул, зажмурил глаза. «Убегу! — мелькнула у него мысль, и он посмотрел на немецкого матроса с автоматом, который прицелился. — Убежать не смогу. Он меня из автомата застрелит и скажет, что я вор или партизан». И перед глазами у него встал образ матери и Витальки полугодовалого, к которому он испытывал нежность и любовь. И вспомнил наказ Фёдора, что он должен помогать матери, он остался за старшего мужчину в семье, конечно, Фёдор это сказал

в шутку, а Коля его слов принял всерьёз. И вот сейчас он понял — хочет он или не хочет, а надо идти, чтоб остаться живым. И он начал медленно идти к причалу, к катеру, ноги его не слушались, стали какими-то тяжёлыми, свинцовыми, пока брёл к немцу, он вспомнил все киносборники карикатуры в газетах на фашистов. Но вот и немец, обыкновенный военный, только форма другая и говорит по-немецки, для Кольки непонятно. Услышав своего матроса-вахтенного, кому-то приказывающего подойти, на палубу выскочили несколько матросов и стали между собой переговариваться. Вот и трап, а он у Кольки под ногами качается, страх сковал Колькину душу, и внутри у него всё заглохнуло, и вспомнил он сквер, где повешены советские люди. «Что они со мною сделают?!» — подумал он, а трап всё сильнее и сильнее раскачивается, к горлу подкатила тошнота, голова закружилась, и он оказался в воде.

Вот-вот мог пойти ко дну, на нём было полупальто, которое намокло и тянуло вниз, на дно. Как мог, он барахтался, стараясь держаться на поверхности. Но вот вышел капитан катера, посмотрел, с чего веселятся его матросы, нахмурился и стал что-то говорить и приказывать. Колька понял, что его спасут. И точно, несколько рук подхватили его за шиворот, за руки и вытащили, а с него вода течёт. Опять что-то приказал капитан, и Кольку потащили на камбуз, раздели и вещи повесили сушиться, дали поесть и горячего кофе, а потом стали расспрашивать, куда и зачем он шёл. Пришёл переводчик, это был русский немец, он когда-то жил в Крыму и очень хорошо знал русский язык и русские обычаи. И Колька начал объяснять, что он шёл на базар, чтобы людям чистить

обувь, а за это ему дадут марки немецкие, на которые он сможет купить молоко своему племяннику, ему только шесть месяцев, он ведь, Коля, дядя, и он должен помогать в семье. У сестры болела грудь и молока у неё нет, а Виталька, племянник плачет, есть хочет. Немцы стали что-то говорить между собой, некоторые смотрели недоверчиво, а другие злобным голосом кричали, что он партизан. Требовали объяснить, как это он, такой маленький и — дядька. Переводчик вступился за Кольку, сказал: «Нет, он не врёт», и объяснил обычаи русских. А некоторые решили Кольке помочь и сказали через переводчика, что он им почистит обувь, а они рассчитаются с ним. Они, конечно, могли и так дать ему марок и продукты, но они считали, что Колька должен получить вознаграждение за труд. Вот, он стал чистить обувь, а первые немцы, видимо, рабочие, подсказывали, как чистить и много крема не класть на ботинок, рядом стоял переводчик, всё это переводил на русский язык, и сам подсказывал, как чистить, и сказал: «Ты это делаешь впервые?» Колька мотнул головой. Он трудился, а около него росла куча всяких вкусностей: шоколад, сгущённое молоко в банках, хлеб, были и марки. А капитан стоял и наблюдал, и за своими матросами, и за мальчиком, как он старательно работает, и видел, что матросы становились добрее и уже не кричат «партизанен», а просто жалели мальчишку.

Пока Колька трудился, вещи высохли. И капитан приказал по трапу проводить, как он сказал, «мальчика», чтоб он снова не свалился в воду. Матросы заботливо собрали продукты и марки, растолкали всё это по карманам, в противогазную сумку, что-то за па-

зуху, и проводили до суши. И только там он почувствовал, что свободен, что ему ничего не угрожает, и помчался домой.

Дома он почувствовал озноб, его била лихорадка, руки дрожали, говорить не мог, чувствовал — если заговорит, то расплчется, как маленький. Он молча выложил на стол продукты, марки, сам, не говоря ни слова, забрался на кровать с головой под одеяло, и голову сунул под подушку, чтоб ничего не слышать. Он считал себя уже взрослым, добытчиком в семье, он хорошо помнил слова Фёдора: «Ты главный мужчина в семье!» Там, на катере, он взял себя в руки. Он помнил карикатуры о немцах, да и матросы недоброжелательно смотрели, были злобные, недоверчивые взгляды, и командир, видимо, чувствовал эти злобные взгляды, и не отходил от Кольки, чтоб какого-нибудь не вышло инцидента. А сейчас нервы отпустили, сильно болела голова, по всему телу била мелкая дрожь. Мать видит состояние Кольки и молча заваривает траву от расстройства нервной системы, поит его, и он засыпает. Тамара говорит: «Ты бы спросила у него — откуда это». Мать посмотрела не неё и сказала: «Проснётся — всё расскажет, а сейчас не мешай, ему очень плохо».

А на следующий день мать хваталась за голову, за сердце от рассказа своего сына, как он попал на немецкий катер. Видя мамины переживания, он многое пропустил, не стал рассказывать всего.

Несколько дней Колька не выходил из дома, ему не хотелось на улицу. Читал книги, а перед глазами всё ещё проплывали картинки, взгляды злобные немцев. Затем стал выходить во двор, о своихключениях никому из ребят не говорил, всё держал в

себе. Но Колька без приключений жить не может, да и думал о том, что скоро деньги кончатся, надо идти их добывать. И в одно утро, взяв ящик с щётками и кремом, гуталином, отправился на базар, но, наученный своим горьким опытом, уже не пошёл берегом, а шёл по улице Войкова (сейчас Айвазовского), затем на Свердлова и на базар. Там он нашёл место, где больше людей ходило, около магазина Островского, сейчас там стоит универмаг. Чтоб на себя обратить внимание, он покрикивал, зазывал людей, чтоб люди подходили к нему, отпускал прибаутки, даже сам себе удивился, что так осмелел. Иногда подходили к нему, у него уже была хорошая практика на катере, и он неплохо зарабатывал.

Мать уже смирилась с тем, что Колька подрабатывает, он же в дом копейку несёт, но всегда, когда он уходил, она себе места не находила, думая о нём, пока он не возвращался.

Один раз к нему подошёл парень и попросил его посидеть и почистить обувь около гестапо, поглядывая, кого ведут туда из тюрьмы, кого вывозят из гестапо. «Запомни, а потом опишешь мне. Пристально не гляди, а старайся мельком. Ты хоть и маленький, а старайся всё-таки, чтоб тебя никто не заподозрил, что ты наблюдаешь за пролётками, — в то время в Керчи основной транспортной силой были лошади, — а я после часа буду тебя здесь ждать, на этом месте».

«А зачем тебе? Ты партизан?» Тот засмеялся: «Много будешь знать — скоро состаришься. — потом серьёзно добавил: — мы потеряли одного человека и ищем его: не то у немцев, не то ранен, а может, убит? Надо найти. А ты нам поможешь».

«Всё-таки ты партизан!». Парень приложил палец к губам и сказал: «Я тебе этого не говорил, согласен?» — «Да!»

И тут же Колька собрал свои щётки и пошёл на Ленинску, и пристроился работать напротив Ленина 8, там сейчас полиция, а во время оккупации было гестапо, и флаг со свастикой висел. Тут Колька работал молчком, изредка поглядывая на противоположную сторону, он хорошо видел пролётки, которые подъезжали к гестапо, хорошо мог людей разглядеть, пока открывали ворота во двор. Но вот как-то, чистя обувь, обнаружил рядом полиция, который стоял, прислонившись к стенке дома и щёлкал семечки, и Колька чувствовал всем своим туловищем, что он за ним наблюдает. У Кольки сердечко забилося тревожно, и в этот момент процокали копыта лошади, и в пролётке Колька увидел человека лысого и в очках, но Кольку поразило его лицо, цвет лица был зелёно-белый, сам он был очень худой, словно покойник встал с того света. Видно, что этот человек много месяцев находился без воздуха, возможно, в катакомбах. Колька был поражён таким видом человека и подумал: «Наверное, это тот человек, которого ищут».

Колька привстал со своего стульчика, держа щётки в руках, и тут почувствовал, что его схватили за шиворот и приподняли в воздух. И услышал слово «Партизан!» Тут Колька закричал от отчаяния, что ему первое пришло в голову: «Караул, грабят!» — больше он ничего не мог сообразить, главное, чтоб люди услышали и обратили внимание, что его обижают, что этот полицейский сейчас его поволочёт в гестапо. Но в это время по улице Ленина шёл капитан катера, стоящего у причала на набережной, и Колька,

увидев его, обратился к нему. Немец видит, что мальчишка попал в переплёт, да и узнал его, это он чистил ботинки его морякам на катере, он подошёл к полицейскому и сказал: «Этот малшик ошень хорош. Он честно зарабатывает себе на хлеб». На что полицейский возразил: «Он пособник партизан!»

Возмутился капитан: какой-то полицейский возмущает немецкому офицеру, и он кричит на него, обзывает «русской свиньёй», видя, сколько он нащёлкал семечек под ноги, шелуха от семечек висела на одежде, на сапогах «Убери за собой и отпусти мальчика!» И подзывает немецкого солдата и объясняет, чтобы тот проследил и заставил полиция убрать за собой грязь. Немцы заставляли служить полицеев, но они их презирали за то, что те предавали своих соотечественников.

Выбравшись из цепких рук полиция, Колька поблагодарил капитана, офицер потрепал его по щеке, дал несколько марок и сказал: «Шнель, шнель нахаузен», то есть, иди быстро домой, что Колька и сделал. Правда, он пошёл не домой, а на площадь, где его дожидался парень. Колька рассказал и описал привезённого в коляске человека, и сказал, что он больше туда не пойдёт, к гестапо и объяснил, почему. Парень похвалил его за смекалку, что он сумел вывернуться из рук полиция, и сказал: «Всё, больше не надо туда ходить, ты уже сделал своё дело, ты нашёл нашего человека. Это уже наше дело, как и где его освободить. — и предупредил Кольку: — Ты забудь, что мы с тобой знакомы, ни в коем случае ко мне не подходи, если встретишь меня на улице. Если надо будет, мы сами тебя найдём — или я, или мои товарищи. Ты

молодец!» Похлопал его по плечу и ушёл. А скоро и Керчь освободили.

... С 1961 года мы живём в Керчи. Объехав пол Советского Союза, побывав в Кировской, Курской областях, в Таджикистане, в Абхазии, и напоследок — Керчь. Я поняла, сравнивая другие города и республики, что Керчь — это самая прекрасная, вся в зелени, два моря и пролив, люди в ней живут приветливые, полно фруктов и овощей, всё дёшево. Много солнечных дней, жаркое лето, а после Колымы так хотели тепла и света! Керчь я полюбила всей душой и собирала книги о Керчи, чтобы как можно больше о ней узнать. И вот, купив фотоальбом «Подвиг Керчи», мой муж узнаёт в этом альбоме человека, за которым он следил. Это полковник П. М. Ягунов.

Н а ш м е м о р и а л

Г а л и н а

Д м и т р ю к о в а

(1952 – 2014)

УЛЫБКА РОЗОВОГО АНГЕЛА

Влажный туман, как мокрый парус, нависал над лётным полем. Метеосводка обещала солнечную погоду и хорошую видимость. Мы почти всем экипажем забежали в «Луис» перекусить перед полётом. Благо кипрская фирма даже в Шереметьево-2 построила свои кафешки и рестораны с отличной кухней. Перед полётом я всегда волнуюсь и хочу есть. Очень удивительно, но у всего экипажа светлые глаза, и все похожи, как одна семья.

— В Москве десять часов утра. Объявляется посадка на рейс Москва — Мальта, — проговорил женский голос по радио.

До взлёта осталось совсем немного.

Вот и красавец лайнер. Эта серебряная чудоптица заставляет радостно биться сердце.

— О, наш «Конкорд»! — весело воскликнул Вячеслав, мой друг и первоклассный пилот. — Кстати, говорят, что это наилучший самолёт во всех смыслах. Престиж Франции. Вы знаете, что «Конкорд» совершил кругосветный полёт со скоростью 2000 километров в час? Он сначала следовал за тенью Луны, а затем тень Луны догоняла «Конкорд» — с восторгом рассказывал Вячеслав.

— Сейчас будет тебе кругосветный полёт на наилучшем самолёте с несравненным комфортом, — пошутила я.

Мы поднялись на борт самолёта. Пилоты всегда стремятся быстро пройти через пассажирский салон, а мне нравится смотреть на пассажиров, наблюдать их любопытные взгляды. Я всё же женщина!

Все уселись по своим местам и приготовились к полёту, сразу посерьёзнев. Ну что ж, с Богом! Я включаю систему, набираю скорость, убираю шасси — и мы в воздухе. Это всегда волнующее чувство. Навероятно, но эта махина послушна тебе. Ты становишься огромной птицей, парящей в небе.

— Хочешь тест? — спросил Ванечка.

Я кивнула головой.

— Вы пилот. Самолёт летит из Москвы на Мальту. Высота полёта — восемь тысяч метров. Сколько лет пилоту?

— Двадцать шесть, — ответила я, не задумываясь.

— Почему это двадцать шесть?

Ванечка сделал круглые глаза.

— Потому что женщинам больше двадцати чести не бывает!

Однажды, переходя дорогу в самом центре города, я совершенно некстати вдруг увидела в небе разноцветные парашюты, которые называют «крыло». Их было очень много, парашютисты опускались прямо на крыши домов. Конечно же, я остановилась, уставившись в небо, поражённая удивительным зрелищем, забыв обо всём. Всё замерло вокруг. Все люди остановились и, разинув рты, смотрели на необычный десант. Даже движение на дороге замерло. Это было такое захватывающее зрелище, что хотелось забраться на высоченную крышу и тут же полететь на таком же парашюте. Небо всегда манило к себе. Это было давно, а теперь я в небе. Я летаю, мама, я летаю!

Выглянуло солнце, нарисовав в небе яркую радугу.

— Это подарок Бога, — сказала я, радуясь. — Так и хочется пролететь сквозь радужные ворота! Моя детская мечта. Например, поближе к солнцу.

— Между прочим, диаметр Солнца составляет шестьсот диаметров Земли, — сказал командир.

— А диаметр Марса в два раза меньше земельного, и оборот вокруг Солнца он совершает за два земных года, — лениво добавил Ванечка.

— Есть такая интересная теория Кирилла Бутусова, — прищурил глаза от солнца Вячеслав, — о том, что за Солнцем находится Антиземля — Глория, где Солнце играет роль зеркала. На орбите Земли в противоположной точке вращается Антиземля, на которой находятся двойники человечества. Бутусов развил эту теорию, ссылаясь на труды Филолая-египтянина.

— На орбите Земли в либрационных точках есть возможность скопления материи, — очень серьёзно сказал командир. — Одна из таких точек за Солнцем. Так что, с позиции астрономии, это вполне допустимо, хотя положение тела в этой точке неустойчиво и при сильных ядерных взрывах возможно смещение Земли со своей либрационной точки, и тогда она может налететь на своего двойника.

Мы умолкли.

— Через час будем на месте. Хороший рейс — короткий, — улыбнулся командир.

— Да, вот только Чёрное море перелетим, и ещё чуть-чуть, — подтвердил Ванечка.

— А вы знаете, что Чёрное море намного глубже всех других внутренних морей? Его глубина больше двух километров. Вода Чёрного моря на глубине пятидесяти метров насыщена сероводородом и образует слабую кислоту, поэтому жизнь в нём только в

верхнем слое. А пролив Босфор шириной тридцать три метра, — тоже улыбаясь, информировал нас Вячеслав.

Теперь уже все заулыбались.

Белые облака, как лебеди, плыли в воздухе. Когда большая облачность, то так хочется облако схватить рукой! Может, правда, что облака — души предков?!

Ну, вот и Средиземное море, ещё немного, и мы будем на Мальте. Разница во времени — всего час. Когда пролетаешь над морем, всегда появляется особое чувство — восхищения и страха.

— Между прочим, при падении в море астероида, волна от него была бы до пятисот метров, — сказал Ванечка, словно прочитав мои мысли.

Тем временем, внимательно следя за работой системы управления, я мечтала о том, как по прилёте закажу грушевое сорбэ, холодное, освежающее, и какой-нибудь вкусненький сок. Но не успела я домечтать, как при левации* заметила странное облако, которое очень быстро приближалось, исчезая, и затем снова появляясь. Казалось, оно следовало за самолётом.

— Какое необыкновенное облако! — сказала я.

— Это «Авакс» или «Аврора», — пошутил Ванечка, пугая меня самолётами-шпионами.

— Интересно, что бы они здесь делали? — засмеялась я.

— Шпионят! Между прочим, «Аврора» — преемник «Чёрного дрозда» и летает на высоте тридцати тысяч метров, а быстрее его не летал никто, — Вячеслав глянул в боковой иллюминатор и спокойно продолжал наблюдать за приборами.

Но вдруг облако появилось справа. Оно было нежно-розового цвета и, казалось, соревновалось с самолётом в скорости. Оно меняло свои контуры и, обогнав самолёт, стало принимать очертания человеческой фигуры.

В кабине стояла полная тишина.

Облако постепенно приобретало более чёткие формы. И вот уже было отчётливо видно огромное лицо с синими глазами. Оно посмотрело на нас своими необыкновенными глазами и улыбнулось...

— Это же ангел! — прошептала я. — Розовый ангел!

Его огромные крылья трепетали от ветра, а он всё улыбался нам и таял, таял на глазах. А мы, охваченные этим чудом, сидели со счастливыми улыбками.

— Господи! Это ведь, правда, настоящий ангел! — Ванечка, как и все мы, не мог прийти в себя. — Это Кетер — высшее существо, недоступное пониманию.

— Ле момент де верите. ** Мы теперь с ангелом — побратимы одномоментности существования, — философски заметил Вячеслав.

Командир молчал, видимо, потрясённый увиденным. А я радовалась. Я просто ликовала: наконец-то в моей жизни произошло необыкновенное чудо.

— Господи, спасибо тебе за этот подарок! — шептала я.

— У молящихся людей активность мозга намного выше нормы. «Модуль Бога» вот здесь, — сказал Ванечка и постучал себя по лбу.

Все засмеялись, словно Ванечка вернул всех в обычное нормальное состояние.

Радиосигнал оповестил о снижении. Впереди был остров Мальта. Мне казалось, что это чудо-остров, но теперь... Всё на свете относительно.

Вот и Мальта. Мальтийский архипелаг сравнивают с загустевшими каплями мёда, упавшими на синюю гладь моря. В нём всего пять островов, и самый большой — Мальта.

— У нас будет немного времени, и мы сможем отдохнуть, — обратился командир к экипажу.

— Ванечка будет экскурсоводом, — захопала я в ладоши.

— Пожалуйста! Остров Мальта — это всего лишь двести пятьдесят квадратных километров суши. Здесь живёт почти всё население в триста сорок тысяч человек. На двух островах архипелага никто не живёт, потому что там одни скалы. А вот на острове Гоцо когда-то провели несколько счастливых лет Одиссей и прекрасная нимфа Калипсо.

— Ну, ты и расскажешь! — улыбнулся недоверчиво Вячеслав.

— Это Гомер свидетельствует! — несколько не смутился Ванечка. — На Мальте господствовали и финикийцы, и римляне, и арабы, и французы, и англичане, потому что остров уникален. Нигде на Земле нет такого уголка, где бы на таком малом пространстве сконцентрировалось столько свидетельств далёкого прошлого. Мальта как живая книга средиземноморской истории — от каменного века до наших дней. Таинственные мегалитические святилища на ней на пятьсот лет древнее египетских пирамид.

Ванечка всерьёз вошёл в роль экскурсовода.

Вот и Валетта — столица государства Мальта. Небольшой аэропорт встречает нас отличной солнечной погодой. Сицилия совсем рядом — девяносто километров. На пароме — полтора часа без оформления визы. Приветливые мальтийцы широко улыбаются, обнажая белоснежные зубы. Решив вначале основательно поесть, мы отправились в летний ресторанчик на берегу моря. Здесь даже зимой температура воздуха и воды плюс пятнадцать по Цельсию.

Надвинув пилотку на лоб, и удобно расположившись в плетёном кресле, я, конечно, думала о розовом ангеле. Мне даже не хотелось есть. Какое-то блаженное состояние наполняло меня. Мужчины заказали карпаччо из тунца, баранину под мятным соусом и гранатовой израильское вино «Римон», абсолютно безалкогольное, — у них даже повысился аппетит.

— Ты почему не ешь ничего? — заботливо спросил командир.

Брюнет-итальянец с гибким сильным торсом предложил несколько экзотических названий блюд, но я не знаток итальянской кухни. Я попросила принести просто воды. Ведь нужно же знать, что за вода у них. И, вообще, чем больше пьёшь воды, тем меньше стареешь. Вода оказалась очень вкусной.

— Она всё об ангеле мечтает. Тело в Каире, а душа манкирует, как говорил Остап Бендер, — пошутил Ванечка, уплетая барашкино мясо.

— У него глаза такие синие, как июльское небо в Крыму, в половине первого, — мечтательно произнесла я.

— Почему в половине первого? — удивился командир.

— Потому что тогда самое синее небо, — объяснила я непонятливым мужчинам.

Мы отправились на прогулку. Гуляя по улицам Мальты среди домов цвета топлёного молока, мы словно окунались в глубь веков. Во дворце Великого Магистра мы осмотрели все залы и галереи, несмотря на то, что здесь находится резиденция президента Мальтийской Республики и заседает парламент. Орден рыцарей иоаннитов обосновался на Мальте ещё в 1530 году и имел интересную историю. Оказывается, в 1798 году французский флот во главе с Наполеоном, направляясь в Египет, остановился на Мальте для пополнения запасов воды. Наполеон со своей шестидесятитысячной армией потребовал сдачи острова. Рыцари обратились за поддержкой к российскому императору Павлу, и на короткое время он стал Великим Магистром ордена. Французский флот потерпел сокрушительное поражение от английской эскадры, которой командовал адмирал Нельсон. В России при дворцовом перевороте погибает император Павел, а его сын Александр слагает с себя обязанности Великого Магистра. Мальта на 150 лет переходит под юрисдикцию британской короны, а капитул ордена переносится в Рим, где и находится по настоящее время. Вот такая связь времён...

Каждую весну, начиная с давних пор, на Мальте проходит карнавал-фейерверк ярких красок и радости, а осенью в Большой бухте Валетты проводится регата. Жаль, что мы не увидели ни того, ни другого.

Очень не хотелось покидать этот тёплый красивый и загадочный остров. Долго летели молча.

— Я напишу книгу об ангеле и о прекрасном острове Мальта, — мечтал Ванечка.

— А я вот думаю: почему в этом месте ангелы летают? — очень серьёзно сказал Вячеслав.

— Почему этот розовый ангел улыбался, не понятно совсем, — размышлял командир.

— Потому что пилоту двадцать шесть лет, и она всё же женщина! — воскликнула я.

Все заулыбались.

Солнце озаряло белые облака, и они светились розовым светом, словно напоминая об ангеле...

Р и м м а

П о л у х н о в а

(1939 - 2014)

ФЕЙЕРВЕРК ИЗ СГУЩЕНКИ

Это было давно, в 1958 году, когда я училась на первом курсе Сыктывкарского музыкального училища, которое находилось в полуразрушенной церкви.

А вот жили мы в хорошем общежитии, — одноэтажном доме с двумя подъездами. В одной половине жили мы — студенты, а в другой семья педагога Могилёвского и скрипач Фейгин.

Дом это подарил училищу писатель Дьяконов, автор пьесы «Свадьба с приданным». Я думаю, что многие ещё помнят кинокомедию, снятую по этой пьесе, с замечательными артистами Верой Васильевой и Дорониным. Мы много раз смотрели этот фильм и по вечерам пели «На крылечке твоём» и весёлую доронинскую «Хвастать, милая, не стану».

И хотя в те годы жилось очень трудно, стипендия маленькая, родители не всегда могли помочь, мы не унывали, жили весело, проводили вечера-капустники, концерты, ведь такое уж это учебное заведение, в котором жила музыка. Это продолжалось и в общежитии.

Мы бегали в парк на танцы, на танцевальные вечера в Дом профсоюзов.

В комнате нас жило десять девушек, все из разных городов нашего Севера. Были среди студентов русские, коми, немцы, украинцы, даже с Кубани был очень хороший парень Гена Семенченко. Кстати, мальчишки жили тоже в нашем общежитии, в другой комнате, а кухня и коридор были общие. Ребята хорошо помогали нам, кололи дрова для печки, носили воду, ну а мы их, как могли, подкармливали. И всё

бы было хорошо, но завелась в нашей комнате воровка, которую мы никак не могли вычислить. Все девочки хорошие, добрые, ни на кого подумать было нельзя.

В основном пропадали деньги, ведь все знали, кому пришёл перевод от родителей. Сколько было пролито слёз, взаимных оскорблений, подозрений, но пропажи всё продолжались.

У меня денег не было, но зато была заветная шкатулка с очень для меня ценными вещами. Во-первых, швейцарские дамские часы Буре, которые отец подарил маме, привезя их из Америки (об этом в другом рассказе). Они остановились, когда папа умер в поезде, в котором мама везла его домой из госпиталя Владивостока. Случилось это на маленькой станции недалеко от Читы. Я хранила часы, как память об отце.

Во-вторых, в шкатулке был очень ценный браслет из чернённого серебра мастеров из города Великий Устюг. На нём изображён берег, на котором построено много церквей ещё в дореволюционное время, есть и очень древние. И вот, все эти церкви выгравированы на этом старинном браслете.

В-третьих, был в шкатулке мой очень любимый камень, как амулет или оберег. Я нашла его на насыпи железной дороги недалеко от моего дома в городе Котлас. Я тогда занималась минералогией, собирала коллекцию минералов и постоянно носила в сумке геологический молоток (так я называла папин молоток).

Насыпь обновляли, привозили самосвалами камни, а это для меня было целое богатство! Увидев камень необычной формы, но очень большой, с вкраплениями мелких кристаллов, я замерла, как собака-

ишейка, а потом начала раскалывать его на куски. И о, чудо! Выбился кусок белого цвета в форме черепа, а вместо глазниц, носа и рта сияли россыпи чудесных прозрачных кристаллов.

И этот камень пропал!

Ещё пропал флакон, очень красивый, хрустальный, из-под французских духов 1909 года. В него я наливала воду, и она мутнела, издавая чудесный запах.

Ещё коробочка со старинными конфетными фантиками, которые чудесно сохранились. Помню «Амазонка», Дамская модная № 1 или 2, и т.д., «Шоколадница всадница», «Капризница» и другие.

Ну, а как забыть две хрустальные подвески от люстры, висевшей в соборе графа Строганова в городе Сольвычегодске. Люстру подарил графу какой-то испанский правитель. Мы с классом зимой были на экскурсии в этом Соборе-музее, люстра в то время находилась на реставрации, но часть подвесок были уложены в ящике. Наши вездесущие мальчишки наткнулись на них и взяли несколько штук для подарка девочкам. Вот и мне достались две очень красивые графические подвески.

Вот такое богатство я потеряла в одночасье, и ни слёзы, ни увещевания не могли растопить сердце воровки, она не призналась. Целую неделю я ревела, так было жалко моих драгоценностей.

Ну, о воровке я всё же узнала через двадцать лет, когда в Керчь приезжал музыкальный театр из Сыктывкара. Главным режиссёром его была моя учительница по вокалу, заслуженная артистка Коми АССР Ия Бобракова, а главным хормейстером тот самый

Гена Семенченко, который учился вместе со мной, мальчик с Кубани.

Мы встретились, и мне рассказали, что воровкой оказалась Валя Землякова, скромная, добродушная, вот уж, никогда бы на неё не подумала. Кстати, она не из бедной семьи. Отец был в городе Воркуте начальником шахты. Валю из училища исключили. Ну да Бог ей судья!

А я хочу рассказать ещё одну историю, связанную с тем же 1958 годом. Редко, но всё же мы получали посылочки из дома, радовались гостинцам и делились со всеми. Однажды я получила посылочку от мамы, главное лакомство — баночка варёного сгущённого молока. Все удивились и с трудом поверили, что это та самая сгущёнка, только варёная, потому такого шоколадного цвета. За вечерним чаем содержимое банки исчезло с невероятной быстротой. И все стали спрашивать рецепт.

Моя подруга Капа, вероятно, слушала в пол-уха, так как на следующий день купила заветную баночку и поставила её не в кастрюлю с водой, а прямо на электроплитку, которою включила и ушла в комнату. Вскоре банка нагрелась и взорвалась, заляпав густыми коричневыми пятнами стены и потолок кухни. Получился настоящий фейерверк. Хорошо ещё, что на кухне никого не было, а вбежавшая туда Капа не растерялась и быстро выдернула шнур из розетки.

Когда мы пришли, она уже счищала капли ножом со стены, и мы, от души посмеявшись над нерадивой кулинаркой, стали помогать ей. Потом пришли ребята и тоже помогали нам в уборке. Долго вспоминали мы это случай и часто подшучивали над Капой, которая на всю жизнь запомнила, как надо варить сгущёнку.

ПОЧТЕНИЕ К МАТЕРИ

Мой дом стоит на берегу моря, там, где возле бывшей погранзаставы к морю ведёт крутая лестница. Здесь гуляют жители микрорайона, любители подышать морским воздухом, здесь же гуляют с колясками молодые мамы. Наш мэр обещал, что здесь будет парковая зона со смотровой площадкой и даже с фонтаном.

Но это ещё в будущем. В настоящее время кроме дороги для машин и одной единственной скамейки ничего нет. Извините, забыла, что именно здесь стоят мусорные баки, так сказать, бесплатная столовая для бродячих кошек и собак, но, безусловно, очень необходимая для наших жителей.

Кошек у нас бесчисленное множество, их очень хорошо кормят бабули, и кошки все упитанные, да ещё и в интересном положении, так что, скоро придётся устраивать кошачьи ясли для потомства.

А однажды зимой от моря снизу пришла собака, и всех своих недавно появившихся на свет щенком, а это десять особей, привела к нашим мусорным бакам, ведь надо их кормить. И началась у нас весёлая жизнь. С утра до вечера слышим дружный собачий хор. Всей стаей подросшие щенки, уже почти взрослые, с лаем бросаются на проезжающие легковые машины, буквально бросаясь под колёса. Удивительно, как остаются живыми после таких атак. Кроме того, они бросаются и на жителей, хватая мусорные пакеты, хотя почти все подкармливали их, и в одной руке несут мусорный мешки, а в другой — пакеты с едой для собак. Особенно страшно за детей, и слава Богу, что пока всё обходится благополучно.

Среди всех членов собачьей семьи есть один щенок, очень слабый, «замухрышка». Родные братья и сёстры не подпускают его к еде, прогоняют, а люди жалеют. Но накормить несчастного невозможно. Сразу сбегается вся свора, а бедняге приходится ретироваться не солоно хлебавши.

Однажды я вышла погулять над морем и встретилась с соседкой Светланой Михайловной, которая держала миску с едой и подзывала бедного щенка, но все его собраты окружили Светлану Михайловну и не давали ему подойти. Соседка не выдержала и поставила миску на землю. Все собаки сразу же бросились к еде. Но тут случилось то, что нас поразило до глубины души. К миске подошла мать этих собак, и они, присев на задние лапы, стали пятиться от миски, образовав полукруг, в центре которого ела их мать. Спокойно, даже с каким-то умилением или, может, почтением, смотрели они на мать, и ни один не двинулся с места, не попытался подойти к миске. И такое терпение выражали их морды, что я просто позавидовала этой собачьей матери.

Сейчас нередко слышно: дети выгоняют своих престарелых родителей, лишая их жилья и обрекая на голодное существование. А вот собаки! Они действительно удивили меня своим отношением к матери.

И ведь к миске они подбежали только тогда, когда мать, насытившись, отошла в сторону. Но миска была уже пуста, им осталось только облизнуться и бежать к мусорным бакам в надежде найти еду там.

Вот о таком удивительном случае мне захотелось рассказать.

Н а ш а г о с т и н а я

А н д р е й

Ш т а л о

*г. Краматорск, Украина
журналист, поэт*

«Одноклассница говорит: «Я не знаю кому жаловаться», а у меня с некоторых пор рот заклеен скотчем. В Украине «свобода слова», а я в неё как-то не вписываюсь».

(А. Шталь, из комментариев на Фейсбуке)

ЛИНИЯ ФРОНТА

Хлеб за неделю подорожал на треть.
 Нервное время мне не даёт стареть.
 Дикие люди, крики на площадях...
 В город вползает страх.

С битой под мышкой вышел к себе во двор.
 Кем-то листовки брошены: в чём подвох?
 Знаю, что спорят здесь Вашингтон с Москвой.
 Кончится мировой?

На Украине сходит с ума народ,
 Новое утро с кровью принёс восход.
 Линия фронта в сердце разбудит гнев.
 Небо горит в огне.

ПОДЗЕМНЫЙ СМЕХ

«...в румынском языке есть похожая идиома — «хаз барагаз» или что-то в этом роде. Не помню точно, как звучит. Означают эти слова буквально «подземный смех». Дело в том, что в средние века на Румынию часто нападали всякие кочевники, и поэтому их крестьяне строили огромные землянки, целые подземные дома, куда сгоняли свой скот, как только на горизонте поднималось облако пыли. Сами они прятались там же, а поскольку эти землянки были прекрасно замаскированы, кочевники ничего не могли найти. Крестьяне, натурально, вели себя под землей очень тихо, и только иногда, когда их уж совсем переполняла радость от того, что они так ловко всех обманули, они, зажимая рот рукой, тихо-тихо хохотали».

Пелевин «Чапаев и Пустота»

Всё в округе не так и не то,
Сыч вечерний печально орет,
Лютый ворог-кочевник с кнутом
Ищет твой непослушный народ.

Ты не видишь своих облаков,
Бывший дом твой покрылся золой.
Ты в землянку ушёл глубоко,
Ты пытаешься жить под землей.

Стань свободным! Невзгодам назло
В катакомбах глубоких у нас,
Есть вонючее стадо козлов
И понятие — «хаз барагаз».

Ты совсем не силен и не смел,
Но пока ты со стадом, ты жив.
Копошится меж пальцами смех,
И земля потихоньку дрожит.

Н и к о л а й

С у р о в о й

г. Рыбинск

Николай Юрьевич Суровой родился 31 мая 1946г в Ярославле. В 1970г закончил Рыбинский авиатехнологический институт по специальности — инженер-механик по авиадвигателям. Работал на машиностроительных предприятиях Ярославской области. В настоящее время — пенсионер. Проживает в г. Рыбинск. Стихи начал писать с 18 лет. Публиковался в заводских многотиражках, газетах Рыбинска и области, в Литературной газете, альманахе «Новые песни России» изд. «Русская книга» г. Симферополь 2011г, альманахе «Причалы» Рыбинск 2012 г. В 2010 г. отдельным изданием вышла поэма «Молога». Лауреат и дипломант областных конкурсов, лауреат и дипломант международного конкурса «Зов Нимфея» 2010 — 2012 гг., дипломант конкурса «Литературный Олимп» 2012 г. С недавнего времени начал писать короткие рассказы.

ОН

Он медленно, даже, казалось бы, лениво, чуть пошевеливая боковыми плавничками, заодно и разминая их, выбрался из своего постоянного убежища, под давно упавшим в воду стволом огромного дуба, и поплыл вдоль не слишком крутого подводного склона, опытным взглядом высматривая себе добычу. Он был голоден, поскольку на протяжении долгих дней не покидал своё постоянное притемнённое и прохладное жилище; солнце так нагрело воду, что на мелководье, где он обычно охотился, дышать стало почти нечем. Мелкая рыбёшка погибала в больших количествах; волна выбрасывала её на берег, и запах гниения чувствовался далеко от реки. Теперь жара спала, и давно сдерживаемое чувство голода погнало его на охоту. Он не опасался, что в отсутствие хозяина кто-либо покусится на его удобную квартиру. Такое случилось лишь однажды: какой-то молодой, не в меру шустрый налим присмотрел, было, её себе, но, познакомившись с острыми колючками, счёл за благо поскорей ретироваться.

Проглотив мимоходом какую-то зазевавшуюся небольшую рыбёшку, он продолжил своё неспешное обследование речного дна. Нараставшее чувство сытости навеяло воспоминания. Он редко возвращался в прошлое, но сегодня картинки из этого прошлого одна за другой вставали перед глазами.

Вот он в компании десятков таких же «матросиков» гоняет мальков, стремительно наращивая скорость, выскакивает из воды, ощущая необычное чувство полёта, а потом падает обратно, широко разевая свой, и тогда уже немаленький рот, от попадания в который малькам уже не спрятаться. И вдруг... неведомое ранее чувство страха заставляет уже охотников

броситься врассыпную, спасаясь бегством. Тогда он впервые познакомился со щукой. Нет, не с той, которая сейчас живёт по соседству. То была другая щука. Она исчезла, спустя очень короткое время, после того, как напугала их. Потом щук было ещё несколько, но все они очень быстро куда-то пропадали. Некоторые пытались напасть и на него, но эти попытки давно закончились. Он понял, что не по зубам щукам, и перестал их опасаться. В реке врагов у него давно не было. Он спокойно, по-хозяйски плавал, никого не опасаясь. А ещё он вспомнил, что именно тогда, удирая от той, первой щуки, они и нашли то убежище, которым он владеет до сих пор. Тогда их было пятеро. Места хватало, и они довольно дружно сосуществовали в уютной норке. С годами приятели по одному куда-то исчезали, и вот он — в одиночестве.

И всё-таки враги у него были. Он знал, что двуногие существа на берегу за ним охотятся, применяя всякие изощрённые средства для его поимки. Летом они сидели вдоль берега; некоторые даже заходили наполовину туловища в воду, закидывая разные вкусности, привязанные к длинной палке, или бросали в реку блестящие предметы, похожие на рыбку, постепенно подтягивая их к берегу. Вкусную насадку он научился сдёргивать, не причиняя себе никакого вреда. Пару раз, обманувшись, он хватал и блестящие штучки, но Рыбий Бог был на его стороне. Правда, однажды спастись удалось, только разорвав нижнюю губу. Иногда он видел эти существа и в воде недалеко от себя. При этом на них была чёрная, как у сома, кожа, и раздвоенный хвост. Время от времени они, казалось, выплёвывали что-то похожее на большую иголку, которая насквозь пробивала даже лещей и сазанов с их толстой чешуёй. Зато зимой от этих особей

была хоть какая-то польза. Эта орава выходила на лёд, делала в нём отверстия, через которые в речку поступал свежий воздух, и в них подкидывала приманку. Он давно научился отличать настоящее насекомое от подделки, благодаря чему и пережил своих ровесников. Но однажды и он не удержался и схватил что-то похожее на очень маленькое солнышко. Неведомая сила потащила его к отверстию во льду. Он уже видел настоящее солнце на ярко-голубом небе и почти попрощался с жизнью, но... развязался узел, которым это маленькое солнышко было привязано. С тех пор эта жёлтая капелька как бы слилась с его верхней губой, придавая ему дополнительную красоту

А он был красив. Сравнительно небольшая голова, закованная в крепкий панцирь, переходила в могучую спину, возвышающуюся мощным горбом, на котором, переливаясь цветами радуги, как крепостная стена стоял спинной плавник. Его крепкие лучи не только выглядели устрашающе, но и действительно являлись надёжным средством обороны от любого противника. Больше всего его красили плавники, особенно нижние, и хвост. Все это было ярко-красным, и речные обитатели завидовали этому щёголю. Молоденькие самочки в период нереста всячески старались сделать так, чтобы именно он оплодотворил выпущенные ими ленточки икры.

Он вспомнил первый свой нерест. Приметив шустренькую самочку, он устремился к ней и начал выводить свой танец, стараясь прижаться к ней поближе, нежно покусывая её за боковые плавнички и оказывая другие знаки внимания. В этот самый момент её и схватила щука. С тех пор он больше не увлекался какой-то одной, оказывая знаки внимания тем ленточкам икры, которые были ближе.

Он отплыл от своего убежища достаточно далеко и уже собирался возвращаться, как вдруг мимо него очень быстро пронеслось что-то, напомнившее ему ту самую молоденькую самочку. Это что-то обладало узким стремительным телом, его изгибы переливались так, что не оторвать глаз. Оно манило, дразнило и возбуждало. Он почти остановился. Это что-то опять пронеслось на небольшом отдалении. И хотя время было не нерестовое, что-то давно забытое вновь всколыхнуло его. Ему захотелось, как в юности, поиграть, поноситься вперегонки, нежно покусывать своими губами маленькие плавнички. На какой-то миг ему показалось, что не хватает воздуха, что он задыхается. Но, нет! Могучие жабры работали, как часы. И он рванулся. Вот сейчас догонит и наиграется вволю. Но опять не догнал. И ещё, и ещё...

И тогда пришла ярость. Он, почти царь реки, не в состоянии догнать какую-то красивую финтифлюшку... когда погоня сорвалась опять, он принял новое решение. Подождав, пока незнакомка промчится мимо, выбрал удобное место и, когда она поплыла ещё раз, схватил её широко раскрытым ртом.

Острая боль пронзила всё его существо. Если б он мог закричать, он закричал бы на всю реку. Но он не мог.

Вместе с болью пришло неизгладимое чувство обиды. «Обманули!» — подумал он. В этот момент ещё один сильный рывок, и впившийся крючок, пробив кость, погасил его сознание.

* * *

— Вот видишь, а ты говорил, что я не умею забрасывать спиннинг — сказал младший старшему.

— Подумаешь, поймал, он же дохлый — с плохо скрываемой завистью ответил тот.

У н н о к е н т и й

М е д в е д е в

Братск, Иркутская обл.

ОТШЕЛЬНИК

На Земле я самый грешный —
 Пусть в меня все пальцем тычут.
 Я иду дорогой вешней,
 Сквозь невзгоды, и не хнычу.

Но себе я цену знаю,
 Многие того не стоят.
 Подлость в людях призираю —
 В Божьей правде чту святое.

Доброту ценю особо,
 Алчность к деньгам отвергаю,
 Лишь для душ высокой пробы
 Я стихи свои слагаю...

ОБРАЩЕНИЕ К БОГУ

Не знаю, что *Тебе* сказать,
 Хвалить, ругать *Тебя* всем Светом.
 Меня заставил вновь страдать.
 И я прозрел, увидев *это*...

За что? О, *Бог*...да есть ли *Ты*?
 А если есть — зачем всё *это*?
 Среди тревог и пустоты
 Ты душу мучаешь поэта.

Ты спас меня иль вновь убил —
Себя при этом позабавил.
 Меня *Ты*, может, и простил,
 При этом пыл любви убавил.

Ты от меня чего-то ждешь?
 Зачем? За что? Да сколько можно?
 Засунешь в сердце ржавый нож,
 Потом вращаешь осторожно.

Да, я приму, что *Ты* пошлешь,
 Неся свой крест судьбы покорно:
 Любовь, обман, измену, ложь —
 Я всё приму, хоть сердцу больно.

ВСЁ НАОБОРОТ

Бабочка летит на свет,
 Бьётся о стекло.
 Может мне открыть окно,
 Да впустить её?

Бьётся о стекло сильней,
 Мол,пусти меня.
 Машет крыльями быстрее,
 Душу беребя.

«Что ж ты глупая творишь? —
 Свет бывает злой.
 Почему же ты не спишь,
 Мой разбив покой?»

Рвутся к свету мотыли,
 Отлетая прочь.
 Ищут крови комары —
 Мне им не помочь.

Только бабочку мне жаль —
Я б её выпустил.
Так и сделал, невзначай —
Что я натворил?

Распахнул я ей окно,
Мимо пронеслась.
И о лампочку мою
Тут же обожглась.

Даже крылья не сложив,
Падает на пол.
Что же сделал я с тобой?! —
На себя я зол.

Он бывает очень часто —
Случай, схожий с этим вот:
Хочешь сделать ради счастья —
Выйдет всё наоборот...

* * *

Не тебя ли я искал,
Принимая грязь земную,
В этой грязи утопал,
Проклинаю жизнь былую?

Не тебя ли рисовал,
Я в мечтах и в подсознание?
Не тебя ли вновь искал,
Чтоб назначить час свиданья?

Не тебя ль ночами звал,
Прижимая плоть другую.
Ну, а после проклинал
Жизнь, что прожита впустую.

Так вот жил, и жить устал.
Но опомнился намердн...
И душой к перу припал,
Чтоб излить все эти бредни.

СТРАСТИ ЛЮБВИ

Ласки рук и касания тела,
Поцелуи не только в уста.
И душа от волнение пела —
Ты сегодня сказала мне — да.

... Пусть и ногти впиваются в спину,
Стоны страсти летят в тишину.
Из себя готов душу я вынуть
И за всё на себя взять вину.

Жизнь милее, и мир сразу краше,
Сердце бьётся от счастья в груди.
И летит подсознание наше
На два шага от нас впереди.

* * *

Я к тебе не приду
 Так что, крошка, прощай!
 Не скучай, не страдай — всё забыто!
 Я к тебе не приду
 Все о`кей, все ол`райт!
 Наше счастье любовью разбито.

Я к тебе не приду —
 И прощай, и гудбай!
 Жизни путь твой, да будет удачлив.
 Я к тебе не приду,
 Так что, это судьба.
 Так и я без тебя буду счастлив.

Я к тебе не приду
 Ведь, сентябрь, а не май.
 Ад не Рай, да и сердце не камень.
 Я к тебе не приду
 Всё как есть принимай —
 Были искры — не вспыхнуло пламя.

КРИК ДУШИ

Я тебя нисколько не ругаю,
 Не кляню — зачем всё это мне?
 Я не тот, и ты совсем другая,
 Да и жизнь как будто бы во сне.

Пыл любви давно мы исчерпали,
 Я с другой... и ты давно с другим.
 Мы тогда совсем не понимали,
 Что любовь — костёр, зола и дым.

Губ холодных страстное желанье
 И в любовь игра — безумный бред.
 Наша встреча — только пониманье,
 Что не скажем мы друг другу: — «Нет».

...Так ласкай меня, утешь мне душу.
 Обо всём забудем в этот миг.
 Думаю, конечно, будет лучше
 Заглушить в груди протяжный крик.

Крик души холодной, очерствелой,
 Что давно в себе похоронил.
 Опьяни игрой своею смелой,
 Чтобы обо всём сейчас забыл.

Эх, зачем кричать, зачем скандалить?
 Этим ведь себя не обретёшь.
 Вижу впереди пустые дали,
 И бежит от них по телу дрожь.

МИГ СУДЬБЫ

Простите Вы меня, я — как поручик Ржевский:
 Увидел свою цель — пришёл и победил.
 Я знаю, что я хам и что похабник дерзкий
 И даме сердца своего не раз уж изменил.

Всё потому, что сам порою был обманут,
 Но на судьбу обиду больше не таю.
 И наслаждаться жизнью я не перестану
 Пока ещё живу, пока ещё люблю.

Вам нечего сказать? О, нет, прошу, молчите.
 Я вижу вы полны тревоги и обид.
 Но вы всегда свою удачу берегите,
 Обиды позабыв, отбросьте ложный стыд.

Улыбка вам к лицу, скрывать её не надо.
 Не зря же вас Господь так щедро наградил.
 И очертаньем губ блеснёт на ней помада,
 Чтоб душу алый свет поэта озарил.

Хочу я вас понять без жизненных вопросов.
 Хочу я с вами быть, хоть день, хоть час, хоть миг.
 На то, что я молчу, вы не смотрите косо,
 Не выразить в словах души смятенной крик.

Так вышло, что всегда один по жизни маюсь,
 Не скрою я от вас своих счастливых глаз.
 Вновь на улыбку вашу я встречно улыбаюсь
 И знаю, вы моя, да только лишь сейчас...

А л е к с а н д р а

Ф ё д о р о в а - Р о с с

г. Братск Иркутской области

Александра Фёдорова работает руководителем информационно-документального Центра ветеранов. Автор двух поэтических сборников: «С любовью к тебе Братск легендарный» 2009 г. и «Золотые россыпи души» 2009 г., печаталась в коллективных сборниках «Пою о тебе, мой край родной» 2009 год, «Счастье быть собой» 2011 год, в альманахах «Новый Енисейский Литератор» №1, №2, №5, №6 за 2012-2013 год г. Красноярск, а также в детском приложении к «Новому Енисейскому Литератору» «Енисейка» в 2012 году и в 2013 году г. Красноярск. В альманахе «Тула литературная» в 2012 году г. Тула, В альманахе «Северо-Муйские огни» №1, №4 г. Северомуйск, Бурятия. В альманахе «Современная литература мира», №29, №54 (США, НЬЮ ЙОРК). В альманахе «Рукопись» в 2013 г. г. Ростов-на-Дону. В альманахе «Литература Сибири» 2012 года, г. Красноярск, а также в местной печати. В настоящее время является ответственным секретарём клуба «Литературное Братство» города Братска.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

Люблю деревню я, хоть приезжаю редко,
 Мне городская суета не по нутру.
 Так трогательно здесь ведёт наседка
 Цыплят, прогуливая рано, поутру.

Пройдусь, гуляя, вдоль реки прохладным утром,
 Вдохну ли воздух этой солнечной зари,
 Речная гладь меня одарит перламутром,
 И где-то рядом заворкуют сизари.

А через улицу из новенького дома,
 Уже сосед выходит с сетью не спеша.
 Он всей родне моей давным-давно знакомый,
 Почти родная стала мне его душа...

Падёт роса на травы, высохнет на солнце,
 И перестанут петь в деревне петухи.
 Моя бабуля улыбнётся мне в оконце,
 И позовёт к столу попробовать ухи.

Всегда я с нежностью смотрю на эти ставни,
 В резном узоре дарят окна мне тепло.
 И понимаю, для меня на свете главным,
 Есть только то, что с детства на душу легло.

А солнце, плавно полукруг, пройдя, потухнет,
 День незаметно как-то к полночи потёк.
 Мы снова с бабушкой родной сидим на кухне,
 На травах летних пьём настоящий чаёк.

Вздохнёт тихонько моя бабушка при этом,

Мне ближе двигая варенье и блины:
«Как трудно, милые, живётся вам, поэтам,
Но в жизни главное, чтоб не было войны».

Я поцелую ей натруженные руки,
Поправлю пряди в серебре её волос,
В глазах бездонных вижу тень минувшей муки,
Застывшей мудростью в один большой вопрос...

Прости меня, моя деревня, за разлуку,
Ещё немного и увижусь я с тобой.
Трудолюбивую твою пожму я руку,
Останусь здесь, не буду спорить я с Судьбой!

Я — ДЕРЕВЕНСКАЯ

Я — деревенская... Из деревеньки... Точно!
Ведь каждый город наш из той деревни рос.
В конце фамилии отцовской ставлю прочно,
И гордо ставлю окончание, я — Росс!

Всё это правильно, естественно и просто.
Ведь Росс — Россия, моя Киевская Русь!
Она ведёт меня от древнего погоста,
И потерять я эту связь всегда боюсь.

Под песню дружную идём мы на покосы,
Одной водой в лесу нас напоит родник.
Себе я с детства эти задаю вопросы —
Что нас всегда разъединяет, что роднит?

Земля одна у нас, одной мы веры нашей,

с русской тётёй Дашей,

И только лишь тогда, я знаю наперёд,
Воспрянет Мать — земля, что нас в себе носила,
Вся Киевская Русь, Российский наш народ,
Мы победим врага. В единстве наша сила!

АЛЕКСАНДРИТ

Неизвестно в какой стране, века назад или в наше время, а жил-поживал на земле Человек. Он был весёлый, жизнерадостный, пел, танцевал, на дуде играл. И охотник и рыбак. Все при нем, и всем около него было тепло и весело. И вот, однажды, после

удачной рыбалки, шёл он от озера пыльной дорогой домой. Неожиданно яркий луч света блеснул ему в глаза из придорожной пыли. Человек заинтересовался, присел на корточки и стал разглядывать камешек, потом взял его в руки, обтер, обдул от пыли. Это был довольно крупный прозрачный кристалл, светившийся на солнце зеленовато-синим цветом.

А камень тот был не простой. Он давно оторвался от своих корней и теперь гулял по свету, искал себе друга и хозяина. Люди придумали, что они приходят в магазин и выбирают себе камень по знаку Зодиак, или еще как. Нет. Это камни выбирают себе человека, поворачиваясь то одним боком, то другим, сверкая гранями. Того, кому они будут служить всю свою каменную жизнь. Им свойственно приходить ниоткуда и уходить в никуда. Кристалл порой может пройти всю землю насквозь, но найдёт своего Человека.

Так было и в этот раз.

Вечером на уху к Человеку пришли его давние близкие друзья, и он, вынув из кармана кристалл, показал его друзьям. Все были в миг ослеплены красотой камня. Он переливался на свету уже ярким розово-красным цветом.

— Ого, — воскликнул друг Человека. — Это же Александрит, великолепный экземпляр. Продай его мне, я вставлю его в заколку для галстука и оправаю в печатку, его надо в паре носить.

Александриту очень понравилась эта идея, и он благодарно блеснул малиновым лучом, но не поддался на предложение.

Камни вообще никогда не предают своих владельцев. Могут изменить цвет, расколоться, рассыпаться, пытаясь предупредить о надвигающейся опасности и

взять на себя первый удар Судьбы, или уйти, покинуть Хозяина, если он не любит свой камень или делает недостойные поступки.

— Я подумаю, ответил Человек другу и убрал кристалл подальше в коробку с булавками, пуговицами и прочей мелочью, а вскоре и совсем забыл о нем, занятый своими повседневными делами. А камень лежал, лежал, заскучал, потускнел и однажды исчез.

Долго ли, коротко ли время прошло, но однажды, также за столом друг напомнил Человеку про Александра.

Тот стал вспоминать, куда он положил кристалл, но найти нигде его не смог.

— Вот ведь ты какой, — укорил друг, — сам не ам, и другому не дам.

А Человек затосковал, ему стало не хватать этого камня. Пытался искать его по магазинам, музеям, но ничего подобного найти не мог. И в жизни Человек как бы завял, изменился в лице. Чувствовалось, что его что-то гнетёт, хоть говорить он на эту тему не любил.

Однажды Человек лёг спать и не проснулся, так во сне и ушёл.

Только на лице у него застыла блаженная улыбка, да рука его была сжата так, как будто что-то держала.

Всё это вызывало какое-то недоумение у провожающих его в последний путь, и только друг понял всё правильно: Человек и его кристалл Александра встретились.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Самая правдивая сказка о Великой Любви!

Ай, как давно это было...

Жила-была, и доселе живёт, и жить будет во Славу Божию, древняя, как Мир, и вечно молодая планета Земля!

Плывёт она в Космическом Океане, слегка покачиваясь и поворачиваясь на лёгких, сладких, энергетических волнах Бесконечности, не помня начала своего, и не ведая конца. Этаким островок во Вселенной! А каждый океан имеет свои берега...

Прикрой глаза и протяни руки мысленно, и возьми этот чудесный шар в свои ладони. Полюбуйся, как он красив! Полюби его всем сердцем своим! Ты — Человек! Ты — Велик! Ты можешь всё! Даже уничтожить его! Но тогда ты погибнешь сам — в тот же миг! Помни это! Потому что всё в Мире взаимосвязано!

Открой глаза! Теперь ты уже на этом шаре, ставшем огромным, со своими океанами и сушей. Но, ты — Человек! Хоть и мал, как песчинка. Как же ты должен беречь этот Мир, эту планету под названием Земля!

Здесь давным-давно живёт-поживает дочь её, Матушка Природа. Ну и мастерица она. Чего только не придумывает в своём хозяйстве. То горы сложит, то реки проведёт. А потом обсадит растениями разными, семена цветов рассыплет, чтобы красиво было. Зверей, птиц, насекомых, рыб местами то и дело меняет, а они от этого приобретают новые качества и уже по-другому называются. И все живут, не тужат, Матушке Природе служат!

Есть у Природы и супруг любимый, Великий Князь Времени, Князь Перемен! Строгий муж. Всё позволяет своей супруге, Матушке Природе, но следит внимательно за исполнением всех дел. Чтобы всё было вовремя: и зима, и весна, и лето, и осень. И так год за годом!

Когда Князь ещё ухаживал за своей милой Природой, он подарил ей белую розу из тысячи лепестков, сияющую ровным, чистым светом. Этот цветок так и назывался – Свет Вечности! Матушка Природа посадила его в своём волшебном саду.

С тех пор и повелось, — люди стали часто дарить друг другу цветы!

Жизнь продолжалась. В какой-то период родилась у этой пары дочь. Год не могли родители придумать ей имя. Наконец решили назвать девочку Прозой. Проза Жизни! Ведь это так естественно и романтично!

Как и положено, девочка Проза росла в любви, весёлой, красивой, праздничной. Объединяла в одно целое Матушку Природу и отца, Князя Времени и Перемен. Проказничала, шалила. Вносила некую новизну в дела родителей, иногда мешала им. Поэтому, бывало и град пойдёт летом, и яблоня зацветёт осенью второй раз. Жизнь их была бесконечной. Им так хорошо было втроём... Проза знала о существовании розы Света Вечности и частенько, как все любопытные дети, тайком пробиралась в волшебный сад Матушки Природы полюбоваться на неё.

Так прошло много лет. Проза стала взрослой девушкой.

И, однажды, на большом празднике, желая напомнить родителям об их молодости и любви, а

также подчеркнуть, что она уже стала взрослой, Проза выбрала момент, сорвала розу Свет Вечности, и преподнесла её родителям.

Это было так неожиданно. Матушка Природа очень разгневалась, не удержалась и произнесла в адрес дочери страшные волшебные слова, означавшие примерно такое:

— Чтоб тебе никогда не знать вечности!

Вмиг поднялся сильный ураган. Ветер рвал одежду на Прозе, и она, разрыдавшись, спряталась в уголок к отцу между временами года. Всё изменилось. Проза уже не была столь красивой, как прежде, постарела вмиг. Куда девался её звонкий смех и пение. Одежда на ней обтрепалась и порвалась.

Князь Времени очень любил свою дочь Прозу и как мог, смягчил угрозу Матушки Природы.

«Твой век, — сказал он, — будет 999 лет. А тебе сейчас всего 99. Всё образуется. Мама успокоится и что-нибудь придумает».

А у планеты Земля есть младшая сестричка Луна, которая всегда рядышком. Она играла с Землёй, развлекала её. На Луне жили Феи Творчества. Они помогали Матушке Природе придумывать и воплощать в жизнь её идеи, и знали все её тайны. И вот, в этот трудный для Прозы момент, волшебница Фея Клио, покровительница истории и Муз Творчества, выглянула из-за Луны, пробежала по лунной дорожке к Прозе, обняла её и, погладив по головке, сказала:

— Не горюй, милая! Всё сладится. Такова проза жизни. То — совсем хорошо, то не очень... Однажды ты встретишь юношу, Поэта! Но чтобы волшебство Матушки Природы разрушить, вам надо полюбить

друг друга. И когда он с любовью поцелует тебя, ты снова станешь как прежде, молодой и красивой.

Поцеловав Прозу в щёчку, Фея снова убежала по лунной дорожке на Луну.

Просто сказать, да нелегко сделать.

Проза смирилась со своей участью. Она нашла себя среди людей, стала помогать им в жизни. Люди не знали Вечности, хотя и догадывались о ней. Проза писала им сказки, пела песни и рассказывала в них о Матушке Природе, об отце, Великом Князе Времени и Перемен, и о себе, Прозе Жизни.

Сколько прошло времени, кто знает?

Однажды, также на празднике, появился юноша. Ничем особенным он не выделялся среди прочих. Но когда он стал читать свои стихи, все вокруг замерли. Это был Поэт! Великий Поэт! Его заинтересовали сказки Прозы, и он подошёл к ней, чтоб выразит ей своё восхищение. Проза взглянула на него. Это был он, её Поэт. Она вспомнила слова Феи Клио. Но она, Проза, в своих рваных одеждах и помятой кожей... Девушка закрыла лицо руками и разрыдалась. Слёзы ручьями стекали между пальцами. Юноша недоумевал. Чем же он вызвал такое чувственное выражение отношения к его стихам? Он отошёл в сторону и девушка успокоилась.

А дальше творилось и более странное. Когда Поэт закрывал глаза, он видел перед собой стройную, юную красавицу, а открыв их — наоборот, пожилую женщину с растрёпанными волосами и в старой, рваной одежде. И эта странность не давала ему покоя. Проза всячески избегала Поэта, он же всюду искал её.

Наконец, однажды, под тёмным, немного облачным небом, на невысоком мысе, вдававшемся в широкое русло реки, у дерева, он заметил похожую фигурку.

— Нет! Теперь я не упущу её! — решил Поэт и поторопился к ней на встречу. Девушка заметила его и беспомощно пыталась скрыться. Ещё мгновение, и он схватил её за руку и повернул лицом к себе. В этот момент тучи раздвинулись, и свет Луны озарил их. Девушке достаточно было взглянуть на Поэта, чтобы утонуть в его глазах раз и навсегда. А он воочию увидел ту, о которой он мечтал всю свою жизнь. Это была она, его возлюбленная Проза. Не помня себя от счастья, он крепко обнял её, как бы боясь снова потерять, и они слились в одном поцелуе. Это был трепетно — нежный поцелуй Любви.

И чудо свершилось! На них опустился серебристо-белый свет, Свет белой розы, Свет Вечности!

— Я люблю тебя! — шептали губы Поэта.

— Я люблю тебя! — вторила ему Проза.

Старые одежды, которые скрывали белое платье и молодое тело девушки, исчезли.

Так, в объятиях друг друга, Поэт, олицетворявший собой всю Поэзию Мира, и его подруга, сестра, любимая Проза, как две половинки одной Великой Книги Жизни, пронесли над Землёй. И там, где они пролетали, как два белых лепестка розы Света Вечности, вспыхивали зарницы, радугой играло северное сияние, осыпались разноцветные звёздочки.

В эту ночь многим людям посчастливилось увидеть или даже поймать такую звёздочку, и они тоже стали писать стихи и рассказывать сказки, сочинять музыку и петь песни.

Вся Вселенная со всеми планетами, Матушка Природа, давно простившая свою проказницу дочку, отец — Великий Князь Времени и Перемен, Феи, покровительницы всех Муз, люди, населявшие Землю — ликовали!

Любовь прочно, и навечно поселилась над миром!

Евгений

Чернышëв

г. Керчь

ПО ШТОРМОВОМУ ПОЯСУ ПЛАНЕТЫ. ПЕРЕГОН

На дворе май, а вокруг всё ещё неразбериха: мокрый снег вперемешку с дождём, штормовой силы ветер, и к тому же, гололёд на скользкой металлической палубе. Задержаться на одном безопасном месте не удаётся. Площадь парусности человека достаточна, чтобы тебя носило от одного борта к другому. И всё это весной, на широте южнее Мурманска.

Ещё одна «радость» — неописуемо красивое диво природы — полярное сияние. Оно создаёт мощное магнитное возмущение атмосферы, при котором перестают работать судовые приборы, а магнитная стрелка компаса мечется на игле в ожидании стабильности момента.

В эфире перепалка: на 16-м канале зовут на связь «Айсберг», на десятом ругается с кем-то лоцман, требуя не засорять эфир праздными разговорами. В эту компанию вплетается далёкий, слабо слышный голос неизвестного рыбака. Разговор часто прерывают силы небесные. Радиосвязь, особенно на коротких волнах, практически прекращается. Сполохи разной мощности, но всюду: на горизонте и прямо над судном, вдоль бортов и далеко в море. Создаётся эффект миража, а в общем, захватывающая ледовая сказка. Её нас устроили айсберги. Они здесь разной конфигурации: столообразные и навесные, в виде прибоя, но больше всего — как слоёный пирог: слой за слоем. Особенно удивляют те, что ближе к курсу. В них видим фантастических животных, птиц далёких, жарких стран. Время — великий скульптор, но оно как

будто предугадывает события, видит будущее. Мы легко узнаём всё то, что изображает союз воды и мороза.

Бортовой вертолёт ледовой разведки

Полярные льды не жалуют экспедицию. Перегон маломерных и речных судов Северным морским путём из Архангельска на Дальний Восток осуществлялся почти ежегодно. Освоение Дальневосточного края требовало обновления рыбопромысловых судов. А пока льды многолетней крепости прижимают караван чуть ли не вплотную к береговой черте. Иногда наоборот заставляют искать разводье в стороне от утверждённого маршрута. Вот опять, маневрировали, маневрировали, и угодили в ледовой мешок. Стоим в ожидании благоприятной ледовой обстановки.

Капитаны собрались в рулевой рубке НИС «Исследователь», который в порядке первый. Наблюдаем за движением дрейфующего льда. Мимо медленно

проплывают обломки. Одни чистые до идеальной белизны, другие грязные от вершины и до уровня моря. Грязные — это посланцы многочисленных северных рек и речушек матушки России. Сколько раз их крушило и ломало беспокойное море, великий могучий океан.

Вчера прошли западные границы Чукотского моря. На смену льдам пришла мёртвая зыбь. Теперь донимает качка. Днём и ночью: голова — ноги. Даже на койке нет покоя. Чем больше удаляемся от пролива Лонга, тем сильнее ощущается близость Тихого океана. За последние дни впервые определили координаты. Курс 180°. Быстро продвигаемся вперёд. Помогает попутное Камчатское течение.

Не успели освоиться на генеральном курсе, как нас догнал вельбот чукотских зверобоев. Просят оказать помощь: вчера загарпунили белуху, так здесь называют зубатого кита, надо подвести её к берегу, где давно поджидает бригада разделочников и... большая часть населения маленького посёлка Уэлен с ведрами, тазами и кастрюлями. Ассортимент национальных блюд чукчей невелик. В нём преобладает мясо некоторых видов морских животных и, конечно же, оленина. Иногда, если повезёт, удаётся полакомиться мясом белухи. В такой день всеобщее оживление, как на празднике. Для чукчей нет ничего вкуснее этого водоплавающего. Её толстая мягкая кожа, жировая подушка, плавник котируются на уровне капальхена — первого национального блюда. Когда сельсовет получает разрешение на отстрел морского зверя, то сразу же оговаривают долю: часть продукта для насе-

ления, а большую для корма песцам местной зверофермы. Вопрос решается оперативно, а ещё быстрее исполняется.

Председатель артели, старый камчадал, как-то между делом поведал: однажды кита оставили без присмотра на берегу. Был местный праздник. В этой суете некогда было заниматься разделкой зверя. Через сутки, утром от добычи остался остов — до белизны очищенные кости. Мясо было срезано, растащено по ярангам и личным кладовкам. Скелет гиганта выглядел внушительно. Говорят, что он долгие годы служил скептикам убедительным «вещдоком» существования на чукотских морских просторах гигантского зверя.

Движимые больше любопытством, чем искушением отведать любимое чукчами блюдо, мы опередили аборигенов. Пока сод да дело, наш шустрый боцман успел отхватить «кусочек» килограммов на десять. Пища, приготовленная коком из деликатесных участков туши, да ещё приправленная жареным лучком и зелёной черемшой, шла нарасхват.

Продолжаем следовать генеральным курсом. Кратковременные остановки по техническим причинам вызывают раздражение, но осознание того, что этот путь — дорога домой — радует. Замёрзший горизонт сливается с морем. Очередная остановка, связанная с ледовыми заторами. В этом районе работает «Россия» — мощный ледовый богатырь, но и ему не просто удаётся вести плавсредства по кромке Чукотского моря.

По льду, вдоль правого борта, на котором расположен камбуз, бродят белые медведи. Сегодня их двое: мама и два малыша. Они по очереди становятся на задние лапы, передними упираются в корпус судна

и с наслаждением, долго вдыхают вкусный запах, насыщенный ароматами мясных консервов и иных продуктов. Забот хватает и малышам. Они с усердием вылизывают пустые банки, позируют перед фотоаппаратом в ожидании очередной подачи. В полдень, ко времени приёма пищи, к камбузу спешат не только моряки, но и звери. Мама-медведь подходит к борту, тыкается чёрным пяточком носа в стекло иллюминатора, как будто хочет сказать: «Ну, где вы там? Пор что-нибудь и поесть...» Повар Иван Иванович к этому времени уже готов вынести миску и целый тазик остатков обеда.

Каждый час пути приближает нас к очередному морю. После него, синоптики обещают, плавание будет частично самостоятельным, без опеки ледокола. В районе неблагоприятная погода. Ветры северных румбов уплотнили льды. Движение судов опять приостановили. Чтобы не терять попусту время, занялись такелажом, который поизносился и уже требует обновления или ремонта. Каждый работает за двоих. Экипажи несут усиленную вахту. Ледовые поля, окружившие караван, не позволяют расслабиться.

Где-то на севере поработал Норд. Мы стоим у борта ледокола «Харитон Лаптев», обжатые во всех сторон матёрым льдом. По вечерам, когда тишина обостряет звуки, становится хорошо слышен скрип льда о корпус нашего судёнышка. Чтобы предотвратить поломку «Лазурита», осторожно очищаем кормовую часть — винто-рулевой комплекс.

На перекуре ребята всё чаще говорят о скорой осени. Ветер стих, льды прекратили свои атаки, вода как будто изменила свой цвет, стала тяжёлой. Судно с трудом поднимается на волне, и уже не рассыпаются

капли у форштевня изумрудными брызгами, не залетают на палубу.

— Караван ледоколу! Почему не выходите на связь в условленное время?

— Ледокол на связи: слушаю... Когда состояние окружающей среды не требует повышенного внимания, разрешите радиопазузы в эфире занять музыкой?

— Какой музыкой?! — возмущается старпом ледокола.

— Какой, какой! Обыкновенной. Например, «Чубчик кучерявый»...

— Караван, не валяйте дурака. Не засоряйте радиоэфир.

— Ледокол, подбросьте курева. У нас кроме махорки больше ничего нет.

— Махорка тоже курево... Вы хотели «Мальборо» с фильтром? А может, ещё и кофе с девочками в постель?

Арктика. Охотское море. Зимняя навигация. В кильватере за «Владивостоком» — очередной караван судов.

К нам пробивается «Владивосток». Он уже где-то рядом, за густой пеленой тумана. Слышны натруженные вздохи его машин, густой хруст ломающихся льдин. Около часа ледокол выписывает пируэты вокруг застрявших судов. Теперь мы снова на чистой воде. По корме остался Северный Ледовитый. Впереди по курсу туманится Берингово море — непредсказуемое, тяжёлое со всеми «подарками» штормового пояса планеты. У мыса Дежнёва, грозного часового пролива, поредел туман, на смену вновь пришла мёртвая зыбь. Чем дальше уходим от крайней северо-восточной точки земли русской, тем мощнее дыхание Тихого океана.

Наблюдая за состоянием экипажа, пришёл к выводу: затянувшееся дальнейшее плавание по окраинным морям планеты пока не сказывается на здоровье экипажа, а вот «дед» хандрит. Ветерана обуяла меланхолия. Тянет на берег, где можно сбросить путы цивилизации и обрести, наконец, тишину и покой. Многим он сейчас мог бы пожертвовать за возможность посидеть на крыльце своей хаты, полюбоваться панорамой родного степного края, перекурить с мужиками, обсудить результаты хамсовой путины, но, увы!..

А пока сильная бортовая качка. На палубу выходить не безопасно. Только неугомонный боцман ухитряется в этих условиях дополнительно крепить щиты конвертовки лобовых квадратных иллюминаторов. А в перерывах, когда стихия на миг отступает, он гоняется по палубе за шваброй, которую сорвало со штатного места и носит от борта к борту.

Корма во власти стихии. Изредка появляются смельчаки, особенно часто старший механик. Он выбегает на корму и во всю мощь своих лёгких кричит

на надоевшее Берингово море, требует прекратить «вакханалию» — вечный бег в никуда. Понимая серьёзность ситуации, мы неоднократно пытались утихомирить его, не выпускали на палубу. «Дед заговаривается, постоянно что-то бормочет. Иногда речь переходит в крик, при этом часто зовёт Катю. Говорит, так звали его жену. Матрос, приставленный к механику для его охраны, крутил пальцем у виска, показывая душевное состояние подопечного.

Случай с «дедом» не единичный. Когда мы бились со льдом в районе Певека, где нас окалывала и сопровождала «Амгуема» — транспорт ледового класса, что-то подобное было с радистом. Сеня, так звали начальника радиостанции, вёл душевные беседы с самим собой. Более того, когда кто-либо прерывал его, Сеня сердился и на время уединялся от экипажа, приговаривая: «Он вас накажет».

Свежая погода, постоянный спутник — туман, выведший из строя радиолокатор, вымотали. Живём надеждой на скорую встречу со столицей камчатского края. Там друзья, гостеприимный зелёный оазис Сопка любви и, наконец, пиво на розлив. Правда, каждый уже знает, что полноценного отдыха не предвидится. Праздник омрачает заключительный этап перехода Петропавловск, бухта Нагаева. Через Южно-Курильский пролив (промысловый район).

В который раз уже подхожу в штурманской к генеральной карте Охотского моря. Всматриваюсь в его берега: ни одного более-менее удобного убежища, чтобы отстояться в непогоду маленькому пароходику, такому, как «Лазурит». Охотское море ему не по зубам. Свидетельство тому кладбищенские кресты. Они

безымянны, ставили их в память об ушедших. Предать земле было некого, их поглотило море: одних по одиночке, других со всем экипажем.

В результате жестокого шторма, сопровождавшегося морозом и, как следствие, обледенением, затонули корабли, находящиеся на промысле в Беринговом море: четыре средних рыболовных траулера со всем экипажем. Случайно спасся один рыбак. Его сняли с днища перевёрнутого штормом судна. После многодневных поисков найдены были некоторые предметы снаряжения погибших судов. Они ничего не поведали о последних минутах, когда море неотвратимой силой вершило своё роковое дело.

Сегодня в полдень прошли траверз двух островов: Святого Павла и Святого Матвея. Район, где погибли люди и суда. В память о них трижды просигналила на пустынных морских просторах судовая сирена. На набежавшую волну возложили своеобразный венок — дёрн ягеля, перевитый корневищами приземистого тундрового покрывала с частицами земли чукотской.

Бухта мичмана Нагаева. Объявление на причальном столбе «На м/б «Лазурит» управления морыбпроводка на работу приглашаются специалисты плавсостава»...

Давно известно — моряк, переживший трагедию, связанную со штормовыми событиями в море и ставший свидетелем гибели товарищей, является психологически сломленным человеком. Такие в море уже не ходят. Они его боятся...

Проходят годы, память многое стирает, а передо мной, как живой, Володя Сидин. Мы его провожали

на работу в море за месяц до той страшной трагедии, случившаяся беда не миновала его.

Петропавловск-Камчатский. Уже вторые сутки стоим в порту. Приводим себя и своё судно, после длительного и трудного плавания, в порядок. Готовим судовые документы, ремонтную ведомость. В ней всего шестьдесят пунктов, но самых срочных, необходимых работ. Судоремонтная база приняла к исполнению только половину. Сейчас эту проблему обсудят все, кому не лень, даже повар Иван Иванович возмущённо негодует. Матросы поснимали брезентовые чехлы с грибков наружной принудительной пассивной вентиляции, растянули на палубе: просушить брезент, да и самим полежать на солнышке.

— Ишь, моржи, развалились! Кто же вас заставит работать, если сам старпом отдыхает на пеленгаторной.

Худой, с большой, во всю голову лысиной, боцман подходит и присаживается рядом с нами. Испачканный в сурике, в размалёванной куртке, он приваливается к раструбу и тут же засыпает. Эту особенность знают, а потому и всегда находят место шутке.

За сутки до ближайших берегов на рея мачт опустилась стайка каких-то птиц. Птицы устраивались на рангоуте. Все, кто в это время были на палубе, замерли, чтобы не мешать работой «безбилетным пассажирам». Жизнь на судах в открытом океане — сплошной труд. Борьба со стихией, плановые мероприятия по предотвращению ЧП занимают всё время. Поэтому появление любого живого существа, будь то синица, голубь, кошка или обезьяна — событие в жизни каждого. Все стараются сделать что-нибудь для «путешественников».

В л а д и м и р

З а й ц е в

г. Керчь

**Трилогия «Мизантроп» Том 2 «Роковая ошибка Бога»
Книга Первая «Изречению не подлежит»
Фрагменты из Части 2**

«Крушение человеческих надежд на рай небесный»

Досье

Категория выше, чем «СС»

Досье № 09543878/15.07.53

Том 2

**Материал к Досье Поднадзорного «001» за №
09543878/1 от 01.12.62г.**

**Сообщение №7(1) — Switzerland, canton Bern, Bern
(28.05.66) агент «Фотон» — «Дяде Сене».**

28.05.66 г. Берн, Швейцария. Сегодня, в 22.00 местного времени, в читальном зале дома-музея Эйнштейна по ул. Kramgasse, 49, состоялось необыкновенное научное совещание, предметом которого стала презентация гипсовой реконструкции по черепу библейского персонажа Каина. На совещании, если исходить из прошедших по пропускам в помещение музея людей, присутствовало 43 человека, принадлежащих к научным кругам в области истории, археологии и антропологии. Среди присутствующих, как сообщала местная пресса, повествующая о некоем собрании учёных мира в здании музея Эйнштейна, были представители Королевского научного общества Великобритании и Бернского университета, представителя от UNESCO, от общества Макса Планка, а именно: Лондонского королевского общества Британского Совета по науке; Института молекулярной генетики; Института эволюционной антропологии (Лейпциг), Общества кайзера Вильгельма по развитию науки (Германия) и, как обязательное, представители Федерального офиса интеллектуальной собственности IGE. По-

следние, по всей вероятности, были приглашены для регистрации обсуждаемого предмета, предназначенного к протоколированию и патентованию. Но квинтэссенцию собрания представляли гости из СССР. Это были люди, реконструировавшие череп Каина — всемирно известный скульптор-антрополог Герасимов М. М. и его ученик и последователь Юлий Гольшмидт, прилетевшие из Винчестера утренним рейсом «Winchester is Bern».

Подробная публикация об этом событии помещена в Журнале-бюллетене с прежними регистрационными данными, за исключением времени выхода и места публикации:

В реестре научных изданий мира журнал «Научный информационный бюллетень ГиБ (генетики и биологии)» тоже не значится. Журнал имеет прежние регистрационные координаты, но в них стоит уже не Сингапур, а Шри-Ланка.

Sweden Ministry of Press на запрос сведений о журнале «Ihmiset plus aika» (Человек и время), ответило, что такого журнала королевство Швеция не имеет».

Пояснение к Досье

Через несколько дней после этого события все ведущие газеты мира опубликовали итоги совещания в доме-музее Эйнштейна, изложив совещание во всех его подробностях и сопроводив публикацию иллюстрациями Богопротивной Триады: Каинова Аваддона Аполлионовича, перстня Каина, сына Адамова, и самого бюста Каина. Здесь же, отдельной графой, помещалась и ратификация комиссии при совещании, осторожно гласящая, что она не сомневается в тонком шарлатанстве Каинова А. А. — **презентанта** на роль потомка библейского персонажа Каина Адамова, но у неё не оказалось сколько-нибудь обоснованных на это утверждение доказательств, и все факты,

предъявленные презентантом, говорят в пользу его действительного родства с этой, казалось бы, мифической персоной. Так или иначе, но подобное заключение явилось завершающим этапом доказательств того, что некий землянин, по имени Каинов Аваддон Аполлионович, действительно является прямым потомком библейского персонажа Каина Адамова, и мир теперь стоял на распутье: считать ли ему заключение комиссии неопровержимостью, продиктованной вещественными фактами, или же тонким подлогом, что в свою очередь тоже являлось шарлатанством, но уже свойства религиозно-политического, затеянного врагами Свято-Ватиканского холма. Папская комиссия по Священной археологии, состоящая из двадцати трех человек, среди которых были чиновники Престола: кардинал Римской курии Джулио Теодор Бреннан, два архиепископа Дисциплинарной Комиссии Римской Курии, трое судей прелатов-аудиторов Достопочтеннейших Мон-сеньоров во главе с Его Превосходительством Деканом Священного Трибунала Римской Роты кардиналом Френсисом Дамьеном Хёрдом, по несколько чиновников из Конгрегации Доктрины Веры, Доктрины Духовенств и от Апостольского Трибунала Римской Роты — высшего апелляционного трибунала Римско-католической Церкви. Величественную эту комиссию возглавлял помощник Папского трона, наместник Рима и титулярный архиепископ Чезареи в Палестине Его Высокопреосвященство кардинал Луиджи Френсис Дамьен.

На образ Каина, созданный советским скульптором М. М. Герасимовым, Комиссия единодушно выбросила чёрные шары. Резолюция гласила: «Антибожественная фальшь, оскверняющая христианские святыни! Лицо первоубийцы и человеческого изверга Каина добрым и человеческим, каким оно изображено богопротивными советскими скульпторами, быть не могло, так как это противоречит достоверности Священных Писаний». Работа советского профессора М.М. Герасимова

была классифицирована Папской комиссией как злостное, подлежащее проклятию шарлатанство, устремлённое на неслыханную детронизацию неопровержимых Божьих истин. МИД СССР и МИД Швейцарии были предъявлены ноты протеста. Христианскому миру Папа послал гневную буллу под названием «*Maledicam de OSTENTATOR — Проклятие ШАРЛАТАНУ*», в которой проклинал именем Гос-подним посланника сатаны, первоврага рода человеческого Каинова, возведшего хулу на высшее творение Господне — человека от Сифа и узаконившего в роде человеческом архипреступника, братоубийцу и врага Господнего — Каина. Каждого христианина Папа Павел VI призывал уничтожить встретившегося на его пути шарлатана, самозванца и предателя рода человеческого, самого страшного врага Христова — Каинова А. А. во имя Бога живого и во спасение имени Его и Его святой Церкви.

Сообщение №6(9) — Manchester (08.06.66) агент «Версификатор» — «Дяде Сене».

В ответ на буллу Папы, «001» написал искромётную статью **«Крушение человеческих надежд на рай небесный»**, в которой сжигает все лестницы и мосты, «ведущие *agnus Dei*/овцу Божью к загонам *горних селений*». Статья опубликована в провинциальной газете № 21, 66 г. «Благие вести Монтсеррата», принадлежащей Монтсеррату, острову, входящему в архипелаг Малых Антильских островов. Остров является заморской территорией Великобритании.

В статье «001» проводит параллель: Человек — Религия — Бог, где не оставляет места ни одному из них ни на земле, ни на небе. Говорит и о том, что дни человечества сочтены, но особо жестокую кару потерпит в Апокалипсисе самый главный преступник, обманщик Бога и человека — Ватикан.

Привожу фрагменты из статьи:

«Мир хорошо знает о моём отношении к человеку, Богу и Ватикану, и сегодня я продолжу эту тему, тем более что имею к этому немалые основания, так как мои отношения с цессионарием Бога понтификом приняли в последнее время характер очень острый.

Итак, если Создатель есть не только созидающая сила, но и эпицентр Зла во Вселенной, то Ватикан есть Его преемник на земле. Зная своё дело, они независимо и тайно друг от друга сотрудничают в общем деле обмана человека, так как и тому, и другому это необходимо для удержания власти. Я полагаю, что причина здесь до обидного проста. Она не в том, что эти две державы плохи, что, в общем-то, и так бесспорно, ибо никакая власть по своей природе хорошей быть не может, а, скорее в том, что человеческий разум настолько слаб, что обман воспринимается им как святость, а с другой стороны он и необходим ему для его подчинения высшему, как необходим он, скажем, младенцу или скоту. Попробуйте со скотом разговаривать как с равным — у вас ничего не получится. А если вы скажете ему правду, что выращиваете его единственно для того, чтобы содрать с него шкуру и съесть его тело, он взбунтуется и перевернёт рогами Земной шар. Да взгляните вы на самого человечка. Хоть и ропщет он на кривозеркалье обмана, но как будто бы и доволен таким закулисным догматом. И здесь понять его можно. Если Богу обман нужен единственно для удержания власти над человеком, а Ватикану, как и всякому религиозному институту, ещё и для стяжания златых дождей, то для овечки Божьей, у которой ни зубов, ни когтей, и которую может подстричь не только Небесный и Земной Шерханы, но даже и боящийся любого шороха шакал, обман нужен и того паче.

Для него он как длань всемогущая. Искусно пользуясь инструментом мошенничества, тварь эта ловко выживает в перешитом наизнанку мире, благоденствуя за счёт прочих своих вислоухих собратьев, которых можно развести на самой жидкой водице, получив из этого действия волшебный дивиденд: «не было ни гроша да вдруг алтын». И в то же время божье созданыице это норовит обмануть даже высоких покровителей своих. У Покровителя Земного он покупает индульгенцию на грехи, а тому только того и надо: напустив на себя зрак Помазанника, он за приличную мзду всобачит ему эту жульническую бумажку. А выманить прощения у Покровителя Небесного так и вообще можно за одно лишь драное голенище, ибо сказано: «Только приди — и спасён будешь». И здесь халява уже жутчайшая. Греши всю жизнь, делай любые злодеяния, а к одру своему позови Господа, и Он все грехи тебе спишет, только бы ты потешил Его самолюбие своим признанием. К тому же Боженька капитально безнравственен и с Ним можно вступать в любые, даже самые низкие соглашательства. Идёт, к примеру, какой-нибудь лиходея на разбой, так он, хоть праведник, хоть басурманин, обязательно попросит Боженьку подсобить ему в его бесчинстве. И что же? По простоте Своей душевной Боженька частенько и помогает. И как же такой общевселенский шахер-махер может не устроить труженика оброти? А потому всяк и стремится обойти сотоварища по жизни в этом житейском деле: обловчить, обмануть, обхитрить, обжулить. И усердие к этому он должен проявлять много большее, нежели к сохе, потому что если даст в чем-либо промашку, соплеменник тут же и воспользуется его ротозейством. Такова раскладка. Хочешь жить — умей вертеться. И ничего здесь не попишешь. Поставив мир на столпах Хитрости, Зла и Обмана, златосердый Боженька вложил в человека всю Свою бескрайнюю суть, и человек, *«созданный по Его образу и подобию»*,

другим теперь попросту быть не может. И здесь мы, как добрые детоводы, должны с периодическим постоянством напомиать ему эти седые постулаты, а потому продолжим свой урок. Украсть у илота мамону да пусть хоть и последний ломоть хлеба, не есть зло наивящее. И пусть илот будет голодным, пусть будет раздетым, но всё это он стерпит, считая, что так угодно Боженьке, и чем больше страдания он примет, тем больше Боженьке потрафит. Но есть у него зло самое презлейшее. И имя этому злу — басурманин, почитающий бога другого. Вот истинное чудовище! Вот он мерзкий осквернитель истины, по которому петля плачет! И всяк праведник, коль в нём горит бунт веры, с ревностным упоением вздёрнет этого негодяя на первой же осине, до бездны убежденный, что сослужил своему Богу самое верное священнодействие. Несовместимость вероисповеданий, когда тебя убивает тот, кого убить должен ты, воспринимается человеком как самый богопротивный и не имеющий прощения мираж. Это самая опасная игра в благочестие, движущее ненавистью ко всему чужому. И если учесть, что оборотистое человеческое племя наплело сакральных княжеств уж сонм тьмутемный, то это есть нагольный признак того, что мошенников на земле развелось столько, сколько не будет и вишей в цыганском кожухе, и их пора давить, пока они не изгрызли Землю...

...Все это, между прочим, я говорю не по тленности причин. Не так давно я имел случай быть на аудиенции у Бога. Я приходил к Нему решить свои личные вопросы, которые мира прямо не касаются, но раз уж я оказался в Его палатах, то я, естественно, не преминул заговорить и о людских чаяниях, касающихся гибели планеты, на которую Бог насыляет потоп. Но вначале немного прелюдии.

После Библейского потопа, когда по земле распространился новый йети от Ноя, Адонай понял вскоре, что потоп был

напрасной Его затеей и что эта эпитимия так ничему Его высшее творение и не научила. И даже наоборот: получив от грандиозной мойки иммунитет, йети оборзел, как клещ подкожный, и перестал бояться чего-либо вообще. В непослушании и разврате он много превзошел человека допотопного, и Адонай закипел. Измучившись болями животными, Он порешил в сердце Своем навсегда отказаться от рокового чада и, вычислив по луне День Судный, когда сможет насладиться на строптивца ещё один потоп, отпустил его для греха пущего на ветры юдольные до самого уж Конца света. И вот в это межвременье явился к нему я. Естественно, Старик не звал меня, а потому крайне изумился моей дерзости, но, как-никак, а я был для Него вовсе не *человеческим пупсиком*, вылепленным Им из глины, а, как знает мир, законным Его прапраправнуком по небесной линии и созданный волей Синклита, а он, соответственно, тоже был создан волею Небесного Совета, почему и приходился мне прапрапрадедом, и Ему неловко было с этим не посчитаться, и Он снизошёл. Стал расспрашивать меня от скуки, как и чем дышит человек на Юдоли, и что ещё, кроме блуда и беззакония, замышляет он. Говорить о человеческих проступках сплеча было бы так же неправомочно, как, скажем, говорить о проступках ребёнка, оставленного родителями на произвол пороков, переложенных в его гены от генов своих, и ничего не делающих в плане их корректировки. И я, дабы пример мой сделать более доказательным, то есть чтобы показать природу пороков человеческих, начал с пороков Адоная — Родителя человеческого, хотя, в принципе, Он создал всего лишь двух глиняных пупсиков — Адама и Еву, а всё человечество, если уж быть последовательным, вышло уже из-под пера ненавистного Им Сатаны. Именно этот достойнейший муж напустил первых человечков чрез Древо Познания к истинному бессмертию, то есть продлению рода, что и породило человечество...

...А теперь о проступках Создателя. Человечество уже знает о них из моей недавней статьи, прошедшей по континентам: «Номо sariens — это ошибка Природы или запланированная акция Тирана Вселенной?», но знает лишь поверхностно, так как я не смог описать и десятой доли нашей с Ним встречи, и сейчас вновь обращаюсь к этой статье лишь с тем, чтобы расставить в уже сказанном необходимые для читателя акценты и осветить их гораздо подробнее.

Начал я, напомню, с самой грандиозной ошибки Адоная, из которой и произрос корень всех бед вселенских. Это пресловутое создание Им человека *по Своему образу и подобию*. Не нужно, ох, не нужно было Ему, Реформатору материй, делать этого! Но разумно иметь снисхождение к естеству побуждений: какой родитель откажется от сущности своей, не переложив её в своё чадло? Да к тому же родитель, который имеет о своей персоне благоусмотрение весьма высокое? А Адонай в этом смысле ничем не отличался от любого йети? Что же касается тягчайших Его пороков, которых передавать по наследству никак было невозможно, то о них Истинно Святый даже и не подозревал, так как ни в чем и ни для чего не было у Него зеркала. И вот случилась из этого безобидства зелёная лебеда: из-под бойкой кисти Его вышла не Высшее Творение, а злейшая химера. Ворона с павлиньими перьями. И Бог вскоре увидел это собственными глазами, но, так и не осознав в этом Своего признака, свалил всё на происки Сатаны и воспылил к нему ненавистью уже неохватной. Пускать на лужок эдемный вылепленного на неправую руку пупсика было, конечно же, совсем не престижно. Пупсик только бы позорил своим извращённым нравом Его светлое имя, но что было Богу делать? Без человека, над которым можно было проявить Свою волю, неисчислимые дни Его казались Ему уже бессмысленными, и Вселенские просторы, в которых в миллиардном множестве летали сотворённые Им по слабости рассудка (*будто больше*

ничего, кроме них, и выдумать было нельзя) вечно падающие, вечно пылающие огнем неукротимым каменные глыбы, глыбы и глыбы, называемые звёздами, истоцили Его дух. И Он, помучавшись сомнениями и болью своей никчёмности в мире, решил уничтожить неудавшееся человеческое племя, но тут же вместо него создать племя другое, и, утешив Себя мыслью, что первый блин всегда комом, так и поступил. Впрочем, об этом я скажу немного позже, в Третьей Его ошибке, а сейчас мне нужно сказать об ошибке Второй, которая стоила Ему крови тоже немалой. Была она такой же беспримерной и крепилась на том же невежестве, о чём я также говорил в упомянутой статье. Ничего не понимая в диалектике развития материи, а особенно во Втором её законе — Законе единства и борьбы противоположностей, возненавидев Каина за праведность и призвав Авеля за лесть, Адонай отторг от Себя первого, областав второго, и таким образом, устранив в человеке присутствие каиновской высоты, навязал миру единоначалие толка авелевского, лишив его противоборства необходимого для гармоничного развития человеческого естества по всеобщему принципу *борьбы и единства противоположностей*. И в итоге никакой борьбы и не получилось. Авелевскому злу, перешедшему по геномному наследию к человеку, бороться было просто не с чем, так как носитель Добра — Каин был изгнан Адонаем из человеческой стаи, и зло уже беспрепятственно утвердилось в ней. Как можно понять, эта ошибка была ошибкой такой же непоправимой, как и ошибка первая. И вот теперь об ошибке Третьей. Третья ошибка, как можно уже догадаться, была такой же трагической и хоть и не отрезвившей Создателя, но уже окончательно заставившая Его понять, что затея с человеком Ему так и не удалась. Создавая после потопа новую версию человека через Ноя, Он умудрился повторить Свой беспримерный ляпсус с Авелем. Авеля, о чём мы ещё не

говорили, Адонай призрел не по невинной симпатии, чему препинаний поставить было бы некорректно, а за самую натуральную вещественность: рабскую покорность, угодничество и послушание, что и явилось основой основ присутствующего в человеке зла. И вряд ли кто станет отрицать, что покорность и угодничество учат человека наихудшему: лжи, подлости и обману. Вряд ли кто станет оспаривать и то, что на этой ниве возрастают и все прочие низости человека, которых не счесть. Но давайте поставим Ноя на место. Кем был этот избранничек Божий, этот семи-угодник, прославившийся на всю подлунную своим холопством муж? А всего лишь сороковым потомком Авеля-Сифа, повторившим своего предка до последнего волоса. И были в нём та же лесть, подлость и низкое угодничество, совмещённые с жаждой крови, и то же коварство, и то же усердие к чреву своему. Напомним здесь ещё раз забывчивым головам, что вопреки Каину, питавшемуся соками невинных злаков, Авель питался кровью овец — самых невинных существ Земли. Выдвигая этого типа на роль праотца нового человечества, Адонай и не догадывался даже, что наступает на одних и те же грабли вдругорядь, что случается лишь с отчаянными безголовцами, и в итоге мир получил то, что он и должен был получить: извечное стремление к злу, насилию и обману. Так что Адонаю пришлось разочаровываться в человеке сызнова, и Он, невзирая на то, что давал обещание в виде небесной радуги не топить человечка, воспротивился Своему надзвёздному слову и порешил всё же губительную мокроту на землю напустить, а с тем уж и окончательно изгнать от глаз Своих зловредную человеческую тлю. В решении Своем, о чём я тоже акцентировал в статье, Он был непоколебим. Да здесь и ясно. Бог не был бы Богом, если бы Свои ошибки мог осознавать. А осознавать Он их не мог по причине Своего капризного величия, повинном семени синдрома Его безрассудства. Однако миру хорошо известно, что я, как и Адонай, тоже

не люблю человеческую стаю и тоже хочу её гибели, но, вопреки Ему, я не хочу оставлять землю в пустынности сознания. Земле, как придаток совершенства созидательного замысла, несомненно нужно разумное существо, но только не это, изощрённое от генов кровопожирателя Авеля и убивающее по причине жадности и безрассудства всё, что видят его глаза. Такое существо истреблять нужно не задумываясь!..

...И теперь, напомнив, о чём я сообщал миру в своей статье, прелюдия моя закончена, и я перехожу к тому, о чём мы, собственно, и беседовали с Адонаем на Небесах.

Так как Адонай заодно с человеком намеревался в этот раз истребить и Землю, как рассадник человеческой заразы, мне нужно было добиться исполнения миссии своей — спасения планеты. Не допустить и её сиротства, так как она без высшего разума будет неполноценной. И если Бог напрочь отказывался теперь от человека, то я должен был убедить Его дать возможность создать новую человеческую популяцию МНЕ. Расположить Его к этой милости можно было лишь путём единственным: доказать Его чудовищные ошибки в деле создания человека и дальнейшем растлении человеческой стаи. Этим я рассчитывал усовестить Адоная и склонить к уступкам. Нелёгкую эту задачу мне нужно было исполнить любой ценой, даже ценой собственной головы. И я, мысленно послав ветрам просьбу помочь мне, стал подвигать Адоная к этому.

...Высказав все Его ошибки в деле создания Высшего творения, которое оказалось на самом деле творением Низшим, а также и то, что ждать Ему теперь от человечка нечего, я обратился теперь к ошибкам Его прочим, приведшим человечество к отступничеству и глобальному раздору, затопившему мир кровью. Более всего я должен был сопрячь вину Адоная с *Мигдаль Бавель*, в которой и таилось средоточие зла, обрушившегося на человека и планету. Но опять-таки, начинать свой вердикт в лоб было никак невозможно: Адонай

— крут, и такой простотой вряд ли смог бы не только усовершенствоваться, но и признать в упомянутом деле виновным Себя. И начал я эту тему издавека, с пресловутого богоискательства, приобретшего среди людей формы обширные и трагические. Но едва я произнёс это действительно странное слово, как Адонай впал в недоверчивое изумление. Никак не мог Он воспринять, что сие *богоискательство* означает. Не мог же Он уяснить его в смысле надлежащем! И действительно, как можно искать то, что выше всего? что везде и во всём? что сотворило и свет, и дыхание? И будто не Он испокон века восседает над Миром, и будто не Он создал величайшее украшение в этом мире — Гею, а в ней — алмазную диадему — Его! Йети! дав твари этой по ботанической щедрости своей и девственную душу, и сладостную плоть, а в услуженье к ним и пищу, и воду, и дыхание? Но всё оказалось далеко не так. Человек и не думал искать грома в чистом небе. То бишь Его — Всемудрого и Все-светного. А искал, усомнившись в праведности святых писаний, диктуемых ему церковью, использующей в своих алчных целях Его святую веру, лишь правильные пути к Нему, лишь подлинный зрак Его, чуя сердцем своим, что тот путь, который указывал ему сей земной Бог, сиречь папа римский, первый плут и обманщик на свете, есть путь злой и несправедливый, ведущий человека к греху неискупимому. И сказать обо всём этом Адонаю я был попросту обязан, так как именно это пресловутое, воспетое человечеством богоискательство, исходило от роковой Мигдаль Бавели. Мне были понятны импульсы Адоная: разочаровавшись в человеке, Он давно отошёл от мира, назначив ему день Страшного суда, и теперь, пользуясь случаем, с любопытством пытался разузнать, что же творилось в Его отсутствие на брошенной Им Юдоле, а вместе с тем и убедиться — не перегнул ли Он палку, стремясь к высокой правоте Своей? И видел я по безмятежному лицу Его, что Он даже не подозревал, какой страшный ответ я Ему готовлю.

И я стал отвечать на Его вопросы, и перед Ним разверзлась бездна преступной человеческой брани. Оказалось, что богоискательство, которому Он так простодушно изумился, вовсе не безобидное и смешное вожделение человека искать со свечой средь бела дня свет Божий. Это была зараза чудовищной ереси, проклятого язычества, заполонившего мир сызнова, едва Он отошёл от него, отдав на произвол вселенским вихрям. Подлая измена святейшему дыханию. Прикрываясь Именем Его и хоругвями Его, человек стал обходить лжесловием созданную Им непреложность, объявив свое низкодушие каким-то странным богоискательством. Святое Слово Сына Его, которое ещё совсем недавно было непоколебимой твердьней под небесами, великой и нетленной, Слово, изошедшее из уст Его на бесконечность, рассыпалось за считанные меры на великие множества лживых витийств, истлело *абие в рубище*, и теперь более сонма *убожных кром*, зрящих Его святое *лице* сквозь забрало неверия и якобинства, заполонили мир не вечною любовию, как когда-то взголосоил Сын Его возлюбленный, а стяжательством, соперничеством и ненавистью друг к другу. Всякий теперь мошенник ради низкого живота своего претендовал на владение некогда провозглашённой Им истины, непреложной и нерасторжимой. Претендовал, утверждая корыстную досужность. И теперь сотканный из Его сердца мир, безвозвратно опровергнутый безбожным вольнодумием, запечатлившем себя в сонме стригольнических любоумудрий, лежал в прахе. И это было низкое предательство! Рожон в спину! Песок в кровь! Не знающая рассудка подлость. Нет, такого *велиеблядствия* (великой лжи — церковно-сл.) стерпеть Вседержителю было никак невозможно: вероломство человека заслуживало самой жестокой кары. А в первостатейную очередь виновным во всём этом был Ватикан, наущающий ложью паству свою. И паства, усвоив от Великого

Лукавца ересь того, что Бог де всетерпелив, как вол, безропотен и незлобен, как скоморох (*Только приди, и спасён будешь*), и может кротко снести любую от человека низость, беря в рассуждения ловкость стяжателя своего, тоже ударилась в поиски власти и наживы.

Вот как образовались в мире ереси, сослужившие добрую службу злейшему Его врагу Сатане. И Адонай пришел в безрассудную ярость. Его потрясение было так велико, что оно тотчас передалось земному лону, и моих ушей сквозь бескрайние равнины Седьмого Неба донесся страшный рокошующий гул, шедший от дна мира. Почудилось, что гул этот исходит от сфер юдольных, и я, приоткрыв ветхие полы кущи, глянул наземь и отшатнулся. Я не узнал обители своей. Она лежала поверженной. Полчища туч ядовитого дыма, сквозь который вырывались к небесным проталинам огненные протуберанцы, стояли над ней. Это кипели вулканы, и этот чудовищный дым и адский огонь исходили из их разверстых жерлиц; с громовым скрежетом напознали друг на друга тектонические плиты, и Земля, где только можно было видеть её сквозь прогалины дыма, превращалась прямо на глазах в чёрную, рассечённую глубокими взломами и трещинами тушу, с которой заживо сдирали шкуру. Маятник Анкера, отсчитывающий время Мира, судорожно задёргался, не смея идти ни влево, ни вправо, и мне показалось, что он вот-вот сорвется со своих петель, и тогда на Землю обрушится Конец Света, и над всем сущим, обуянным паралитическим страхом, начнётся Страшный суд. Лицо Адоная взялось зловещими буграми, словно на нём сплелись клубки змей, сцепившихся в жестокой битве; белые власы Его взвились хищными гидрами, а глаза заполонились огнедышащей лавой, готовый вот-вот перелиться чрез края чёрных, дрожащих от напряжения век и низвергнуться всепожирающим жаром на вострепетавшую землю. Чудовищным был гнев Вседержца, и сердце моё сорвалось в ужас.

Одно моё неосторожное дыхание могло сотворить мгновенную гибель мира. Своды небесные должны были разверзнуться вот-вот; и вот-вот на Землю должна была обрушиться страшная кара Господня, и вот-вот Земля должна была превратиться в прах, и прах этот бесследно развеется тогда по бескрайней Вселенной, и не останется в ней о Земле ни пороха, ни всплеска, ни даже стенания. И я закричал:

— Остановись, Дед! Звёзды проклянут Тебя! Ты Сам во всём виноват! Я объясню Тебе сейчас Твою вину и отчего человек впал в это проклятое богоискательство. Сейчас же запусти Анкер, если не хочешь, чтобы Синклит превратил Тебя в звёздную пыль!

Это было похоже на предсмертный вопль кролика, вопль, которого насмерть испугался лев: Адонай был живым существом, и животный страх, которым Он наделил всё живое, сидел, конечно же, и в нём, и страх этот, слава Небесам, оказался сильнее Его безумия. Понял Он, кажется, что мог бы натворить. Глаза Его вздрогнули, объялись рассудком, и лава гнева, мучительно поколебавшись, нехотя отошла к своим берегам. Анкер, подёргавшись еще мгновенье, издал воскресшее скрежетание, всхлипнул тяжами, и Колесница Времени, уж было остановившаяся, снова завращалась в эфире.

Адонай был ещё во власти потрясения, но я чувствовал, что рецидив безумия уже прошёл, и потому безбоязненно продолжал:

— А теперь слушай меня, Дед, ещё раз! — заговорил я. — Слушай меня, как младенца, всем нутром святым, ибо истина глаголит его устами. Синклит не напрасно избрал меня буфером между Тобой и Человеком. И я должен выполнить Его Волю. Всё, что я буду говорить, Ты должен расположить в пользу Свою и пользу созданного Тобой Мира. Ты во власти сделать всё, что заблагорассудится, но вдохни вначале в разум смысл слов моих.

Так вот! Ты забыл, что мы союзники, и нашего Союза Ты разрушить не можешь. Ведь выступая против Человека, я, в сущности, есть Твой поборник, ангел, послушный воле Твоей. А наши личные отношения здесь никак не в счёт. С ними мы разберемся в другом месте и в другое время. А сейчас мы должны разрешить наше общее дело — наказать твоего хулителя и обидчика Человека. Я врежэ Твоим противникам, и тем самым знаменую Второе пришествие Христа. И почему Ты упрямишься? Почему Ты не хочешь помочь мне?

Он молчал озлобленно, с кровавой ненавистью, с какой молчит угадывающий свою кончину вепрь. В глазах Его всё ещё сверкали зарницы гнева, но зарницы эти были уже бледны, и это было похоже на Его согласие выслушать меня. И я начал свою убийственную речь:

— Да, Ты сам во всем виноват! Ты помнишь невинную Мигдаль Бавель, которую Ты так божевольно разрушил?

— Чесо-ради жа — божевольно? — снова грозно всплеснулся Адонай.

— А того, что спеси у Тебя с гору, а ума — с горошину.

Я понял, что если буду держать Адоная, как непослушного быка, в кольцо, тем будет он смирней и тем самым для него будет лучше. И действительно, услышав от меня, ничтожества, такую бескомпромиссность о своей высочайшей персоне, он прикусил язычок, и, сопя, угрюмо взглянув на меня исподлобья, всё же обротался и промолчал. И я, воодушевившись своей дерзкой тактикой, продолжал:

— Богопротивица пошла в человеке именно с тех пор, как ты разрушил башню и заставил людей разговаривать на непонятных друг другу языках, — тянул я за недоуздок. — А всё из-за чего? Да из-за голенища рваного! Из-за плещи комариной! Люди строили эту башню для того, чтобы как можно ближе воззреть *святэ лице Твое*, а Ты узрел в этом какую-то

растленность! Раб, дескать, захотел подсмотреть, что Ты делаешь в таинственных Своих Небесных палатах. Вот Ты взял, да и разорил в гневе камневопиющем это светлое их воздвижение. Да ещё, чтобы людишки не повторили своих попыток, сотворил чудь ещё большую — взял, да и смешал лопатой их рассудок. Разделил их язык единоголасный на языки несчетные, и люди перестали понимать друг друга и на век разучились делать общее дело, а стали делать дела разные, друг другу непонятные и супротивные, а с тем не стали они понимать и Тебя. Вот и случилась из всего этого грязь вольтерьяновская да своеволие великое. Всяк теперь тянул воз в свой хлев. Каждое племя, получив *наиенский* язык, получило вместе с тем и *наиенские* нравы, и *наиенские* обычаи, и особые интересы, и, естественно, свою *молдаванку*, кольем огороженную, а тут уж вообще вышел облом — людишки пожелали со всем этим приобретённым скарбом приобрести ещё и свою *заправдашнюю* веру, так как веры соседей никто больше не понимал, да, собственно, и понимать не хотел, потому что она была вражеской, а значит от лукавого. И из всех этих добронахаживаний вытекла непреложность получить ещё и своего жреца, который оберегал бы его доморощенные интересы. Ну а самая главенствующая задача перед каждым *дреговичем* стояла в приобретении своего аполлона. Бог прежний, то бишь Ты, Дед, защищавший когда-то всех, не мог защитить породных интересов маленьких общин и представлялся им теперь при всей этой нелепице и сам нелепицей архисущей. Оно понятно — никак не мог Ты, поделив рабов Своих, как свиней, на породы, слугить *и семо и овамо*, тем паче, что интересы людские были теперь не просто противоположны, а враждебно противоположны, и всяк народ отныне стал смотреть на народ прочий как на народ низкий, варяжский и стремился покорить его: любым бременем отобрать его земли и его богатства, а его самого превратить в раба. Вот здесь-то и заложил Ты Своими

руками Конец Света: народы *«всташа сами на ся воевати, и бысть межи ими рать велика и усобища, и всташа град на град, и не беше в нихъ правды»*. И могло ли это противостояние привести людей к чему-либо иному, как ни опять к язычеству, а вместе с тем и к войнам, и жестокой крови? Вот что Ты натворил, Дед! Не понимая, какую бомбу заложил под Себя и под сотворённый Тобой мир, разрушив безобидное человеческое упоение *Мигдаль Бавель*. И этим Ты обрёк и без того изувеченное авелевскими генами человечество на бесконечные муки и страдания.

Адонай молчал зло и напористо, но в Его лице я уже улавливал признаки тайного раскаяния: аспидными глазами сверлил Он мое межглазье, опасаясь коснуться моих укорливых зениц. Похоже, начинал Он понимать свое роковое марево, но упрямо не хотел признавать своей вины, и я повёл Его разум дальше. Я стал говорить о святых, которых Его церковь настряпала себе в помощнички. И здесь Адонай узнал мрак вообще беспробудный: у Христа было всего ДВЕНАДЦАТЬ халявщиков, питающихся Его славой и людскими Ему подаяниями, а сейчас этих добрых запястников у Него целые полчища. К тому же не просто каких-то там учеников-апостолов, а (свят-свят) СВЯТЫХ(!), ослепляющих мир непорочностью небесной. И если бы Адонай смог их счесть, то их оказалось бы ровно в пятьдесят раз больше, чем создал Он светлиц на тверди небесной, а если в аккурат, так выйдет их целых сто пятьдесят тысяч голов! Господи, дивен свет Твой и чудны люди в нём! Да *идеже* набралось этих ангелов во плоти посреди непролазного глума человеческого, на котором и клейма поставить негде!? Ить вчера *только* йети заискивал Одному лишь Ему, да Сыну Его Человеческому, да Матушке Его Пречистой, а сейчас кланялся целому стаду христословов. Таких же *Всечистых, Невинных и Непогрешимых!* Ох, *безстыдность* (бесстыдство) *безмерная!*

У Адоная отнялся язык, и это было мне на руку. Теперь я мог беспрепятственно добивать Его, не опасаясь агрессии. И я не преминул. И Он узнал, что:

Церковь растерзала святой венец Его в бредовые отрепки. И это вопреки тому, что Он был *единым источником и раздателем всех даров и милостей тварям*. Вопреки того, что чином святости Им был наделён единственно Сын Его возлюбленный, так опрометчиво сложивший священное дыхание Своё за шкуры неблагодарных человеческих собак.

Стыдно было смотреть Адонаю белу свету в глаза за этот беспримерный ляпсус Своего Сына, и гнев снова запылал в Его лице огненным санторином. Ах, если бы Он знал, какое ещё поражение я готовлю Ему! И я, поторопившись пресечь Его готовое взорваться вопиение, решительно продолжал:

— А святое христианское учение Твое до дыр уж шакалами истерзано. За считанные века оно рассыпалось на целый *узел* еретических осколков, и их теперь знаешь сколько? — и здесь я заглянул в самое дно Его насторожившихся зраков. Я не мог с разбега назвать страшную цифру, стремительно бегущую к вселенской катастрофе, могущей опрокинуть вверх дном созданный Им мир. Но я счел бы себя последним негодяем, не сделав этого, и я, обливаясь и сам сомнениями и страхом, выговорил пресекающимся горлом леденящие кровь слова: — ШЕСТЬСОТ... ШЕСТЬ (!).

Ни о чём страшном эта нижнечинная цифра как будто бы не говорила, но от неё пахнуло таким ледяным ужасом, что съезжились краугольные камни, на которых держался мир, а Анкер, бесстрастно отсчитывающий время, захлебнулся на миг. Шальм ветром метнулся в зеницах Адоная страх, и застыл, свернувшись клубком затаившегося зверя. И я не узнал лица Его. Оно слилось в бледности своей до вылинявшей простины шатра. Понял, конечно, Ветхий окольный смысл этой адской сигнатуры. Не простодырой случайностью она была,

скрывая свое подлинное лицо за этим как будто бы ничего не значащим выражением — 606. Непорочная эта сигнатурка в любое мгновение могла превратиться в... У Адоная пересохло горло. Он даже помыслить страшился, во что *она* могла превратиться. Нет, это был, в сущности, ещё не сам Армагеддон, в котором Сын Его *в конце времён* должен был сразиться с Сатаной за власть над миром и которое, без всяких сомнений, должен был выиграть. Это было всего лишь его преддверие. Призрак, подкравшийся к воротам Его царства в то бесшабашное время, пока Он, отошед от мира, нежился в Небесной Своей твердыне на облачных пуховиках в сладостных пароксизмах памятозлобия к человеку. Но не дремал Его враг, завыывал исподволь людские души, и каждый день готовился к великой битве с Ним, укрепляя свои ряды святым воинством Его, перетаскивая потихоньку в свой стан человечка за человечком. И понял Адонай: Он проиграл даже не начавшийся ещё Армагеддон. И до лихого часа, когда трубы Дьявола возвестят победу, оставался теперь всего лишь один оборот стрелок на циферблате Анкера. Всего шестьдесят временных мер. И 606 ересей Его святого учения превратятся в зловещие и проклятые — 666, и мир тогда падёт в тартар, во власть его смертного врага. И ничего уже нельзя было сделать. Построив на святом Его учении власть лжи и обмана, прикрываясь крестом Его Господним, проклятый Карлик (Ватикан) хорошо нагрел руки на своем предательстве, собрав всё золото мира. Ах, эта коварная Мигдаль Бавель! С неё всё и началось. Собственными руками Он разрушил её и стал первым безбожником мира. Он отвратил от Себя паству человеческую, обратив её в бегство к богу другому. И Ватикан подло воспользовался этой Его роковой ошибкой.

Лютый жар геенны огненной пронзил могучее тело Адоная, и поклялся Он клятвою страшною отомстить подлому Карлику: Испепелить его молнией белой, а пепел смешать с

лавой кипящей, и сотворить сие допредж потопа на глазах всего рода людского.

Выслушав справедливое проклятие Адоная, я всё же возразил Ему.

— Нет, Дед! Что проку будет в таком возмездии? Мгновенная смерть — это смерть блошинная. Шерхан под ногтем треснет и не поймет даже, что произошло с ним, а разве это будет справедливо? Сотвори Свой меч не единой кровью, а ещё и позором. И это будет лучшее возмездие, какое можно сотворить с циничным негодяем. Возведи на площади Святого Петра Постыдный столб с площадкой наверху. На площадку возложи вращающееся колесо тоже со столбом для поимки нечестивца. Собери на площади народ Тебе верный и стони туда свинцовой плетью шакалов Шерхана — всю стаю ватиканскую со всеми её кардиналами и епископами. Смотри, сосчитай! Что б ни один не ушёл. Гадёнышей должно быть 557 голов. Сорви с этих сволочат августейших их кресты фарисейские, затяни их шеи пёсьими ошейниками, взятыми в цепи, и поставь на четвереньки вокруг Постыдного столба лаять на своего Пахана наисвятейшего. А того, как скот, затащи на верёвке на столб Постыдный и там, на глазах всего люда, сдери с него ризы парчовые и тиару лукавую, сорви крест лицедейский, растелешь до срамоты, надень на голову колпак шутовской с бубенчиком, всунь руки-ноги его в колоды деревянные. А на грудь повесь табличку: «Primum seductorem planeta» (Первый мошенник планеты). Запусти колесо, и пусть оно медленно крутится. И публика, стоящая вокруг, будет по очереди видеть лицо Вора и сможет плюнуть в него, и бросить любую мерзоту: гнилую брюкву, дохлую крысу или экскременты. А чтобы Вор не прятал от глаз людских лица своего да не отводил его от преподношений человеческих, вели пригвоздить его ухо каленым гвоздём к столбу. И как только он попытается пошевелить головой, то будет ему мукою адскою. И всяк тогда обманутый

Вором, насладится ловкостью своей и отомстит за унижения свои. То же сделать и с псами его, к цепи прикованными и на него лающими: плевать и щедро забрасывать мерзотами.

И так до последнего луча солнца. А потом зажги костры ясные вокруг лающих холуев и спусти на них народ с камнями и плетями и вели ему засечь поганных до смерти, как бешеных собак, а потом бросить тела их на съедение огню. И уж в последнюю очередь смилостивиться и над Шерханом — отдать ему должное упокоение: отрезать мечом пригвожденное к столбу ухо, спустить со столба брюхом на каменный плац и бросить в клетку на растерзание голодным свиньям. И когда свиньи дожрут останки Вора, оставив от них лишь белые кости, кости эти собрать и тоже бросить в огонь. И уж только потом устраивать фейерверк. Раскрыть Небо и низвергнуть из него молнии на Ватиканский холм и спалить его до седины в пепле. А когда сотворишь сие, тогда уж и насылай на человечка Свой благословенный потоп. И все ветры Тебе будут в поклон. Вот в этом и будет Священный Твой глас и логос.

В глазах Адоная зажётся кровавый восторг.

— Ей врсноту ты, внуче, от диавола!? — воскликнул Он с чёрным восторгом. — Любо Аз не сможенша сякого ужаса измыслити.

— Нет, Дед, не жесток я, и не я выдумал эту жуть и трепет, а презинджантроп Твой! Йети авелевский, перерезающий горло самым невинным существам на свете и пьющий их кровь! Козни, которыми он полторы тысячи лет мучил свои жертвы, описаны им в одной тысяче двустах томах!

— Ни негли! — издал страшный вопль Старик, и в глазах его я увидел чёрный ужас. — Вона отнюдуже у твари сей Господней ниякой жути у жилах нетути. Обиташа на Юдоли, онсица ничтожа не сумняшися, а? Вай-ва-а-й! Ни Бога, ни Диавола не убояшися чума сия! Таки кудесы выпворяши! Тыщя двести хартии, рекл еси!? Аз не ослышалси?

— Не ослышался! Тысяча двести томов! — подтвердил я.

Всем своим циклопическим образом Старик жутко задумался в бороду, но спустя несколько рывков стрелки Анкера опрокинулся от этой свинцовости и вздел на меня Свои страшные очи, и я увидел в них снова белые протуберанцы гнева.

— Добре! — решительной молнией раздвоил Он мощной Своей десницей небесную твердь. — Да буде сице! Грящи на Юдоль та глаголь во все трубы йети, дабы молилися преизлиха за страшный суд Мя. В возблагодарение ему за его безбожну жестокость Аз дарую ему ище 120 лун, дабы не быти в долгу за таку его подлищну изразу. Ато туждатиша в скорби телесной люте и зле, аки и Шерхан. Та не поспешаю изделати ему ового *утешения*, сиречь губительства молниеносного. Углублю проклятого с блаженствием велим, ако щеняку. И не сразу, ако допредж, а целых 120 лун, дабы измучить его аки змея поганого. А ты станешь делати в то время си йети.

И Он, повернув лице Свое к Анкеру, послунывил черные корявые персты и перетасил ими красную роковую черту на циферблате, отсчитывающую луны до начала потопа, на сто двадцать граней в попятную сторону. И со зловещей усмешкой, обезобразившей Его лицо, взглянул злодейски прищуренным оком на свою работу.

— Осе любо буде! — довольно погладил яро взлохмаченную бороду. — А от тапере — подлый Плут! — продолжал Он. — Плуту глаголь изречену тобой казнь. Та буде сице, яко ты изрёк: Столп Срамный! Гвоздь калёный! Мерзоту в зрак! А в рёбры кльки свиней гладных! А таче огонь та дым Немекиды, та страшенны молоньи, та лаву кипящу на Холм Ватиканский. И буди Аз трижды с небес низвергнуши, аже не сотворю сие, аще Синклит и возбранит Ми таку безбожность. Аз рек!

Всё! Я сделал своё дело, и мне можно было уходить. Я, ничтожный гомункул, выиграл страшную битву с Вседержцем и должен был ликовать, но мне почему-то было не до ликований. Во мне всё свергло в бездонный мрак. Во мне всё трепетало. Я глядел в поникшее в печали лицо Старика, и какая-то нелепая жалость и стыд заливали мне сердце.

Да! Он был жестоким Тираном, великим мучителем мира. Немерено наделавший вреда и мне, хотя моей вины пред Ним ни на лепт и не было, если не считать той, что волею ветров аркадских был я потомком Каина, восставшего когда-то против Его несправедливости. Но почему-то этот дикий Агатодемон, безжалостный и своенравный Властелин всех мёртвых и живых материй, причинивший мне сонмы страданий, мерцал в моём сознании виновником дней моих печальных, и уж не Небесным, а Земным отцом моим, которого я никогда не ведал, и о котором мечтал жарко, томимо и бесплодно. Да, да, это были иллюзии, противные рассудку, ассоциации вечно больного моего воображения, и я хорошо осознавал это. Но я будто хмеля опился. Никогда не любил я своего Небесного Патриарха! Вельми не любил! И вряд ли когда полюблю! Но безответная кровь всё же брала своё, а безрассудное торжество всеправедного духа томило и уничтожало меня, и вся душа моя, вопреки своей необузданной воле, рвалась отдать исполнять этому Великому Чудовищу. И я был готов пасть непокорной своей головой пред Его стопы и простить Ему всё: и Его безумный гнев, и Его Потоп, и Его ненависть к светлому пращуру моему, и ненависть ко мне, мальчику, принявшему на себя по Его безумной воле всю тяжесть мира, и Его святую ненависть к Человеку, на которую Он имел тысячи лет право и за которую тысячи лет был прав перед святой иконой Неба. Прощал всё-всё! Все незамолимые Его грехи пред Миром. Безотчётно! Смиренно! Тупо! Прощал, и не смел глянуть Ему в лицо.

Я уходил, повергнутый тяжестью сердца, без гвоздей распятый. И уж коснувшись рукой полога шатра, и уж отвернув его, готовый сделать шаг в бездну, я в последний миг осмелился взглянуть в строгие очи Деда и вздрогнул. В глазах Его, всегда кроваво злых и жестоковыйных, стояло теперь какое-то затаенное, и горькое стяжание, и были зеркала эти печальней пепла, и мне показалось, что грозный Старик до последней секунды ждал от меня какого-то исповедания. И я понял, какого. И пресечённым горлом выдал Ему эту искомость:

— Не суди меня, Дед! Это не я, буян и дрязгун неуёмный, говорил Тебе серьягу. Не я! А говорила то праведность моя, к которой Ты всегда призывал человека! Криво ль косо ли, с добром иль худом, а Ты дал мне ещё сто двадцать лун, и теперь мне, может, и удастся сотворить то, чего не удалось сотворить Тебе. Нового человека. Не поминай лихом! Звёзды нас рассудят! — И я впервые в жизни наложил на себя широкодушный крест и низко, к самой тверди небесной, поклонился Ему.

Это был мой долг, не записанный ни на каких скрижалях, а носимый в духе моём, и, конечно же, именно этого ждал Адонай от меня. Исполнив свою светлую мораль, я почувствовал небесную лёгкость в груди, и мне стало вольно дышать, будто душу мою омыл ветер. Великий Старец утешился моими беспорочными глаголами. Взглянул на меня уже чисто и беззлобно и уболаготворенно кивнул Своей страшно заросшей головой.

— Добре! — пророкотал Он. — Вся ныне добре! Ватикан буде спинатиша в огонь и не успеет сотворити се лихо, бо не достигнет в се блудстве личбы зверя — 666, а ежли оно сице, ино и праведный Армагеддон с Сатаной-таки состоится, созидай ныне без прещеня то, оже замыслил, то бишь си Человека от Каина по образу и подобию своему. Та выпадут те алмазны звёзды. Синклит не оставит тя. И никого не бойсь!

Всё буде сице! Ано Аз слагаю с Себя крылья Вседержца. Буду просити Синклит отлучити Мя от сего тяжкого чина. Заматоревший Аз во днех, дабы с Сатаной тягаться, а туму и не бажаю первовозлежания на Небеси! Ато страждуют архангелы овые, коль им заволится порядитися пред Сенью Небесной в шутовском колпаке Всемирца. Ано Аз омываю длани. На покой бажаю! В нарды с ангелами-плутами грати!

Аз рек! Грящи с Духом Моим!

Аминь!

И Старик, отмщённо расхохотавшись во всё небо, адски громыхнул жезлом по тверди Небесной, и твердь с оглушающим треском раздалась, и Он, трепеща полами огненного хитона, гигантской птицей внёсся в этот страшный зев и исчез в нём, и вслед Ему полился хор ангелов, взголосивших с невидимого клироса жалобный тропарь:

«Свят, Свят, Свят Господь наш, небо и земля полны славы Твоей. Благодарни суще недостойнии раби Твои, Господи, о Твоих великих благодеяниях на нас бывших, славяще Тя хвалим, благословим, благодарим, поем и величаем Твое благоутробие, и рабски любовию вопием Ти: Благодетелю Спасе наш, слава Тебе! Слава Тебе! Слава Тебе, велий Государе на-а-аш!»

Конец магнитофонной записи.

На этом статья «Крушение человеческих надежд на рай небесный», подписанная именем автора (Каинова Аваддона), заканчивается.

Местопребывание «001» до сих пор неизвестно. Жду дальнейших указаний.

Агент «Версификатор».

Сообщение №6(10) — Manchester (12.06.66) агент «Версификатор» — «Дяде Сене».

Статья «001» «Роковая ошибка Бога или Крушение человеческих надежд на рай небесный», опубликованная в газете № 21, 66 «Благие вести Монтсеррата», принадлежащего Британии острова Монтсеррат архипелага Малых Антильских островов, за несколько дней разлетелась по всем центральным газетам мира со ссылкой на указанную газету от 07.06.66 г. его Высокопреосвященство кардинал Альфр'едо Оттави'ани — секретарь Священной Канцелярии Римской Курии запросил премьер министра Великобритании Вильсона Гарольда дать пояснения относительно публикации богопротивной статьи самозванца, по имени Каинов Аваддон, в газете № 21, 66 «Благие вести Монтсеррата», принадлежащего Британии острова Монтсеррат архипелага Малых Антильских островов.

В.Гарольд ответил кардиналу Оттавиани, что на принадлежащем Великобритании острове Монтсеррат никаких печатных органов не имеется.

Сообщение №6(11) — Manchester (15.06.66) агент «Версификатор» — «Дяде Сене».

Ватикан сделал ноту Великобритании, в которой требовал в кратчайшие сроки выдать ему преступника планеты №1 Каинова Аваддона Апполионовича, скрывающегося на территории Королевства под опекой его разведывательных служб. В противном случае Ватикан угрожал королевству отлучением от христианских святынь. Если это не простая дипломатическая угроза, рассчитанная на беспрекословное подчинение, то в случае отлучения Королевства от лона церкви, оно потеряет всё своё могущество в мире и вмиг превратится в отверженца, так как ни одно государство, даже нехристианских конфессий, не посмеет препятствовать гневу Ватикана. Елизавета была смертельно напугана папской нотой и вынесла вопрос о поимке

некоего преступника мира на экстренно собранное заседание Кабинета министров. Ситуация выправилась сама собой. Министр иностранных дел Великобритании Дик Уайт решительно отверг ноту Ватикана посланием ответным, в котором категорически отрицал нахождение на территории Королевства некоего изгнанника мира и его преступника №1 Каинова А. А., именуемого Святым Престолом предтечей Антихриста и называющим себя потомком Господа Бога по небесной линии, а по линии земной — потомком Каина, сына Адамова. В свою очередь Д. Уайт, опираясь на существующее в государстве положение, что органы внешней разведки Великобритании и Секретной разведывательной службы, под крылом которых якобы скрывается разыскиваемый Ватиканом преступник, не имеют для своего существования и деятельности никакой правовой базы, и само их присутствие в государственных сферах не может подтверждаться правительством Королевства, а монархом, коим является Елизавета, — тем паче. И таким образом нота Ватикана носит оскорбительный характер, за что ему надлежит принести публичные извинения.

Ватикан на эту ноту цинично промолчал, и тогда разгневанный Д. Уэллс отослал телеграммой на имя Павла VI лаконичную, но очень дерзкую фразу, которую папа принял как знак свьше и на которую ответить, естественно, ничего не мог: «Keep quiet and pray!» (Молиться и молчать!)

В итоге Англия избежала проклятия, а папа был вынужден поменять тактику. Он написал буллу «В назидание народу Божьему», в которой взывал к христианскому миру: «Всяк, кто убьёт или пленит врага рода человеческого, посланника сатаны Каинова, будет возведён в лик святых при жизни, а после смерти вознесён на небеса».

Буллу, опубликованную в «Римском вестнике», перепечатали все ведущие газеты мира. Здесь же папа разместил и

высочайшее своё повеление: «Три дня и три ночи, с пятничной утрени 24.06 до утрени понедельника 26.06 звонить во все колокола непрерывно, побуждая сим христиан к свершению великого во имя Церкви и Господа подвига — уничтожения или поимки святопреступника Аваддона Каинова».

Этим Донесением Досье на Поднадзорного под кодовым названием «001» за № 09543878/15.07.53 заканчивается.

Теперь читатель знает о нашем герое всё, и мы можем беспрепятственно продолжать свое повествование, не боясь того, что нас поймут неправильно.

По планете шел июнь 1966 года. До начала потопа оставалось 608 лун.

М а р и н а

З б а р а г

г. Керчь
Збараг Марина Ивановна родилась в Выборге Ленинградской области. Закончила пединститут. В Керчи с 1987 года. Работает учителем в ош №23. Публиковалась в еженедельнике «Боспор» и газете «Керченский рабочий».

ТРЕУГОЛЬНИК ФРОНТОВОЙ

Треугольник фронтовой
 Был отцом моим написан.
 Он важнее прочих писем,
 Треугольник фронтовой.

«...А вчера мы шли в разведку...
 ...Я стреляю очень метко.
 ...Берегите маму, детки,
 Скоро я вернусь домой...»

Только с фронта не вернулся
 Мой отец Иван домой:
 Был убит он в сорок пятом,
 Только мне он — как живой.

Раскрываю треугольник,
 Треугольник фронтовой —
 И мне кажется, что с фронта
 Мой отец идёт домой.

Треугольник фронтовой
 Был отцом моим написан
 Он важнее прочих писем,
 Треугольник фронтовой.

АДЖИМУШКАЙСКИЕ КАМЕНОЛОМНИ ДЕТСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Мы игрушки, разжав ладони,
На могилку им положили.
И суровый слезу уронит,
Лишь представив — как дети жили...

И ютятся игрушки эти
С мятой, ржавой кроватью рядом.
Через годы, через столетья
Забывать об этом не надо.

В подземелье в Аджимушкае
Это нам довелось увидеть.
Низко головы мы склоняем.
Больше их никто не обидит.

Не увидят глаза их рассвета,
Пенья птиц не услышат их уши.
Но никто не забудет об этом.
Вечно живы их детские души.

СНЕГ К РОЖДЕСТВУ

Ласково ложится снег пушистый, белый,
Чтобы чисто было к Рождеству Христову.
Ты, снежок, не бойся, опускайся смело —
Здесь тебя приветить мы давно готовы.
В храм идём по снежным беленьким дорожкам —
Попросить прощенья за грехи у Бога:
У кого-то много, у кого — немножко.
Бог очистит душу, белый снег — дорогу.

* * *

Кто-то хочет уюта в доме,
 Кто-то — просто сидеть на печке,
 Кто-то — много иметь знакомых,
 Кто-то — рыбу ловить на речке.

Этот хочет побольше денег,
 Тот — и малостью обойдётся.
 Кто боится собственной тени,
 Кто-то — страхам в глаза смеётся.

Поливая кого-то грязью,
 Сам навряд сохранишься чистым.
 Кто-то рвётся подняться в князи,
 Кто — доволен быть трубочистом.

Всем отмеряно кем-то свыше,
 И не надо на жизнь сердиться.
 Дальше будешь, коль едешь тише —
 Лишь бы в сани свои садиться.

Т а т о я н а

А н и с и м о в а

г. Керчь

Родилась в Сибири, с двухлетнего возраста — керчанка. Закончила Ялтинское педучилище. Работала художником, воспитателем. Стихи пишет с детских лет. Печаталась в газетах Киева, Керчи. Являлась членом литературно-интеллектуального клуба «Русское собрание» в г. Киеве. Многочисленные поездки по стране отражены в её творчестве.

БЫЛА ВОЙНА

Ей двадцать не было ещё,
 Когда остановился счёт:
 Она для жизни расцвела,
 Да вот беда — война пришла!

И он был юн, отважен был,
 И всей душой её любил,
 Но в бой Отчизна позвала
 И он ушёл — война была!

В боях мечтал о встрече с ней,
 Хотел назвать женой своей,
 Но пуля-дура не видна —
 Любви завидует война!

Она носила в медсанбат
 Войной отобранных солдат,
 И вдруг всё скрыла пелена —
 За милосердье мстит война!

Лежат они в земле сырой
 Под общим именем «Герой» —
 Их повенчала тишина...
 Была война, была война...

СЛУЧАЙ

Прибереги своё мнение
 И точкой зренья не мучай:
 Всё познаётся в сравнении —
 Распоряжается случай.

То, что считал невезением,
Вдруг обернулось удачей;
Всё познаётся в сравнении —
Случай решает задачи.

Не прекращаются прения
С темой: что хуже, что лучше —
Всё познаётся в сравнении,
Всё, и тем более случай.

ЖИЗНЬ КАК ЖИЗНЬ

Жизнь коротка и быстротечна,
И пролетает, будто сон,
Но кажется нам бесконечным
Житейский этот марафон.
Раскаявшись после ошибки,
За новой мчимся, аж «держись»,
И констатируем с улыбкой:
Ну что поделать — жизнь как жизнь.

ОШИБКА

От своей любви отойдя во тьму,
Уступила чувству порочному.
Думала: чуть-чуть, думала: лишь миг,
А оно всю жизнь превратило в крик.

А оно всю жизнь превратило в боль:
Где моя мечта? Где моя любовь?
Как в кошмарном сне, в темноте брожу,
Рада бы на свет, да не нахожу.

Кто-то шепчет мне: ты в плену судьбы,
После темноты не ослепнуть бы...
Только я ищу, только я кричу:
Мне бы хоть на миг, мне бы на чуть-чуть!

* * *

Премудрость показать желая,
К замысловатой высоте
За помощью мы прибегаем,
А гениальность — к простоте.

Мы в своих мыслях бесконечных
Сами теряемся порой;
Зато понятны всем извечно
Талант и краткость — брат с сестрой.

А сколько технологий ныне
Ищут в искусстве идеал...
Играл на скрипке Паганини
С одной струной, но как играл!

ПРОГУЛКА

На улице был дождь, был март
И низкое давление;
И мы бродили: я и фарт,
В различных направлениях.

И плакал март не по-мужски,
Что с ним весна разделалась,
И я от мартовской тоски
Раскисла и расклеилась:

Тоже посетовала вслух,
Вздохнула от признания,
Что муж к моим проблемам глух,
Нет должного внимания.

И не был мною позабыт
Простой отчёт авансовый
И весь осточертевший быт,
И дефицит финансовый,

Ещё поплакалась Творцу,
Что мало покровительства...
Гляжу: стою лицом к лицу
С лицом без места жительства:

Бродяжка села на бордюр —
Безродная, бесславная...
И поняла я, что из дур
Я, видно, дура главная.

ВЫБОР МАЛ

Выбор мал — нет другого удела:
Товар — деньги и деньги — товар:
Все в плену у торгового дела,
Когда жизнь — грандиозный базар.
...Только сердце диктует упрямо:
«Подари мне романс при свечах;
Всё равно ты прекрасная дама
(Хоть с торговым столом на плечах).

СТЕПЬ

Ветер гладит степь сухую,
Одиноко завывая:
«Разве я тебя такую
Полюбил в начале мая?

Ты струила жизнь и силу,
Вся цвела навстречу лету —
Нынче ж будто смерть скосила,
Позавидовав расцвету.

Расскажи мне, дорогая,
Кто обрёл тебя на лихо?»
И, стыдясь, что вся нагая:
«Жизнь», — степь выдохнула тихо.

КРЫМ ИДЁТ В РОССИЮ

Солнце весело играет,
Всюду льются песни,
Сердце радость наполняет —
Крым с Россией вместе!

Дружно хлопают в ладоши
Волны в море синем
Этой новости хорошей —
Крым идёт в Россию!

После длительной разлуки
Снова вместе братья
И навек сомкнулись руки
В тёплые объятия!

Если брат стоит за брата,
 Что им не по силе?
 Это точка невозврата —
 Крым идёт в Россию!

Много разных нас у Бога,
 Все хотим мы счастья.
 И одна у нас дорога —
 Мира и согласия.

Мы давно об этой чести
 Небеса просили
 И теперь опять мы вместе —
 Крым пришёл в Россию!

Юмор, народ и

Леонид

Панин

ПАРОДИИ

*Пришла ко мне из ванной голой.
Дизайн, конечно, интересный...
(.....)*

ДИЗАЙН

Ты была сегодня странной:
Жизнерадостной, весёлой,
Потому что вдруг из ванной
Ты ко мне припёрлась голой.

Ни словечка не сказала,
Повертелась, покрутилась,
Мне дизайн свой показала
И опять за дверью скрылась.

Понял я, что не случайно
Ты сегодня прибалдела,
И орудием дизайна
Удивить меня хотела!

Как прекрасен мир телесный!
Загляну-ка я в глазочек,
И дизайн твой интересный
Осмотрю ещё разочек!

*На острие печали,
Как на ноже
Душа закричала.
(Александр Ткаченко. «Ё МОЁ!»)*

На острие крутой печали,
Где всюду лезвия торчали
Наверх, однажды, не спеша,
Взобралась бедная душа.

Стоять душа не захотела,
На остриё с размаху села
И в окружающей глуши
Раздался громкий вопль души.

Как начала душа кричать
Что с острия не может встать,
Что ей печали остриё
Вонзилось в тело, ё моё!

Терзает слух душевный крик,
Мол, я похожа на шашлык,
И вскоре в соусе печали
Меня зажарят на мангале!

Зажав в ладонь тугую сталь,
Я с силой дернул за печаль,
И в тот же миг, едва дыша,
С печали спрыгнула душа.

Я всё забыть себя заставил
И вдруг на миг себе представил,
Как я орал бы, ё моё,
С размаху сев на остриё!

*Запутался я в девках, Боже мой!
Куда ни глянь — знакомые подруги!
Стращают меня сделать отбивной
За все антиАмурные заслуги!
(Задорожный Вадим)*

Я от девок отбиваюсь
Изо всех последних сил,
Их повсюду опасаясь,
Где б не ездил, не ходил!
Катка звонит постоянно —
Просит двери отворить,
Томка вечно хочет в ванну
Меня голым затащить.
Ленка лезет под рубашку,
Ирка в брюки заглянуть,
Анька хочет нараспашку
Мне конторку расстегнуть.
Мне сегодня девки эти
Не дают спокойно жить
И в свои паучьи сети
Всё стремятся заманить
Я сбежать от них пытаюсь,
И уйти в густую в тень,
Всюду спрятаться стараюсь
Чтоб не видеть целый день.
Ведь суровых дней подруги
Мне сегодня не нужны
И амурные заслуги —
Мне пока что не важны
Может мне остепениться
И взрослей немного стать?
На минутку появиться

И подальше всех послать!
 А пока что я в округе
 В пацанах ещё хожу
 Нудным девкам на досуге
 Средний палец покажу.

*Ночью тёмной, в тишине,
 Под вороньим диким криком,
 Видишь кладбище во мгле
 Отрепённо смертным ликом.
 (Дарья Гребенюк
 «Прелесть ночных кошмаров»)*

КЛАДБИЩЕНСКАЯ ТИШИНА

Большеглазая девица,
 Кинга с жадностью читая,
 Тупо пялится в страницы,
 Дробь зубами выбивая.

Только, что же эта книга
 На листах своих рисует?
 И о чем устами Кинга
 Эта книга повествует?

Может быть, не побоюсь я
 На вопрос узнать ответа?
 И на время окунусь я
 В недра мрачного сюжета!

Там, в краю с нечистой силой,
В глубине, лишённой смысла,
На погосте над могилой
Тишина в петле повисла

Тёмной ночью на кладбище
В тишине со смертным ликом
Чёрный ворон дико свищет,
Тишину, пугая криком,

Тишина свой образ рваный
Отрешённо обнажила
И закаркала гортанно,
Будто ворон над могилой.

Где-то в стае волки воют
Землю иней устилает,
И под полною луною
Гроб с покойничком летает.

А вокруг, во мраке скорби,
В тишине седой печали,
Под землёй очнулись зомби
И наверх повылезали.

Злобно, белыми костями,
Вдалеке скелеты блещут
И ужасными когтями
В тишине ночной скрежещут.

Вурдалаки в тишь ночную
Ищут, чем бы поживиться,
И с размаху в плоть живую
В поздний час зубами впиться.

Из глубин могильной клади
Грозно призраки восстали,
И, застыв, как на параде,
Стали в строй на пьедестале.

В тишине скорбящей воли
Издают они устами
Тихий стон охрипшей доли
Над могильными крестами!

Жаль, что тёмными ночами
Не читал я книги лучшей —
Хорошо, что под трусами,
Памперс был. На всякий случай.

*Я в звёздное небо уставился тупо
Смотрел на него я наверно с минуту
Звёзды моргали в ночной тишине
Может такому ж придурку как мне...
Пусть не всегда я жую колбасу
Пусть даже порой не тяну на хамсу
Всё это пыль, всё мелочи жизни
Плохо, что катится в жопу Отчизна!
(Виктор Ериновский)*

VERSACE

Однажды, на днях, телескоп я купил
И в небо уставился, словно debil,
Где звёзды горят и мерцают
И мне, как придурку, моргают!

Я долго мечтал, как на жёлтой Луне
С любовью помашет ладошками мне,
Моргая единственным глазом,
Какой-то космический разум.

Но вдруг мне мигнула Луна, невзначай,
Мол, водочки тяпни, потом помечтай,
Или же бутылочку чачи
От суперагенства Versace.

Я вспомнил, что где-то заначка была,
Но мне, как назло, не хватило бабла,
Чтоб с Танькой отведать на даче
Продукцию фирмы Versace

Мне раньше хватало на банку хамсы,
И даже на круг кровяной колбасы,
А мелочей жизни хватало
На шмат украинского сала!

Пора постепенно иная пришла,
Теперь ни на что не хватает бабла,
Но наша Страна процветает
И быстро куда-то сползает.

А звёзды стараются мне подмигнуть,
Торопят опять в окуляр заглянуть,
Чтоб сквозь телескопную призму
Я в жопе увидел Отчизну.

*Что же делать мне, бедолаге?
Наберусь я, всё же, отваги
И сплету паутинку с туманом,
И обвею их воздухом пряным,
Лист багряным закатом раскрашу
И сама буду есть эту кашу.*
(Елена Собко)

ЯДРЁНАЯ КАША

При плохой и хорошей погоде
Я стихов не пишу о природе
Это мне не дано, бедолаге.
Нет на это ни сил, ни отваги.

Лучше, как-нибудь, в знойном июле
Я куплю в магазине кастрюли
И отличный обед зашарашу,
Из природы сварив себе кашу.

Паутины я насобираю
И с деревьев листья посрываю,
На закате, порою туманной,
Всё закрасу приправой багряной.

В эту смесь кислорода добавлю
И на печку вариться поставлю.
Наберусь я немного терпенья
И обед доведу до кипенья.

Когда сварится эта природа,
В тишине, вдалеке от народа,
Я творенье стихом разукрасу
И сама проглочу эту кашу.

*Два силуэта на закате.
Она в прозрачном лёгком платье,
Он рядом, выше и сильнее.
Как добрый, верный страж при ней.
(Елена Собко)*

ОХРАННИК

Я, силуэтом на закате,
Стою одна, почти без платья,
А тело, как из паутин
Одето в лёгкий крепдешин.

А рядом ты, легко и просто,
Всегда сильнее и выше ростом —
Твой непрозрачный силуэт
В руке сжимает пистолет.

Ты не попутчик и не странник,
Ты мой единственный охранник,
Опора крепкая моя
И вечный символ бытия.

Ты бдишь меня и охраняешь
И беспробудно зенки пялишь
Уж, не один десяток лет
На мой прозрачный крепжоржет...

Два силуэта на закате:
Один одет, другой без платья,
На ней — прозрачный туалет,
На нём — стальной бронежилет.

*А лето пахнет дымом от мангала...
Малиной, морем, проливным дождем...
Черешней спелой, кремом для загара
И отпуском, которого мы ждем!
(Лариса Глебова)*

* * *

Пахнет лето маринадом,
Луком, перцем, чесноком,
Пахнет водкой, шоколадом,
И бараньим пашлыком.

Пахнет лето мокрой тиной,
Пахнет пивом и вином,
Пахнет лето паутиной,
Малярийным комаром.

Пахнет летняя погода
Солнцем, зноем и жарой,
Недостатком кислорода
Минеральной водой.

Пахнет солнечным загаром,
И купанием в волне,
Беспробудным перегаром
И кефиром на спине.

Пахнут биотуалеты
Летним вечером слегка,
Пахнет дымом сигареты
И бутылкой коньяка.

Пахнет овощем и фруктом,
Пахнет потом на ногах
И испорченным продуктом
Пахнет лето «на югах».

*Пегас прекрасный и могучий!
Тебя люблю, к чему скрывать!
Но только зря кладешь ты кучи,
В которых нечего искать!*
(Ольга Шапран)

* * *

Прекрасный конь, Пегас могучий, —
Созданье вечной красоты,
Из-под небес большие кучи
Кладёт на землю с высоты.

Когда в порыве вдохновенья
Пегас Парнас ногой рыхлит,
То густо сыпется творенье
Из-под Пегасовых копыт

Мне стало очень интересно,
Зачем крылатый конь Пегас
Так некультурно, повсеместно,
Дерьмом загадил весь Парнас?

Проверить лично я решила,
Что может конь в дерьме скрывать?
Все кучи переворошила,
Пытаясь перлы отыскать.

Но драгоценных элементов
Я не нашла там ни фи́га
Лишь только горы экскрементов
Взрыхляла конская нога.

А чтоб закончить повесть эту,
Я вывод сделаю сама:
Быть может, сделать конь конфету
Упорно хочет из дерьма!

*Уже в который раз село откукарекало...
(Владимир Володин «Ночное свидание»)*

СЕЛО

В который раз село отмекало,
Отгавкало и отмычало,
В который раз откукарекало,
В который раз отгоготало!

Село родное отмяукало
Отбекало и оторжало,
В который раз оно отхрюкало,
Открыкало и отвизжало!

В который раз село отвякало,
Отшмякало и отскавчало.
В последний раз оно откакало,
Отписяло и замолчало.

*Улица плачет дождём.
Пузырями соплей
Ужасают всех лужи.
(Елена Литецкая)*

СОПЛИ

Снова небо хмурится,
Хлюпая ноздрями,
Распустила улица
Сопли пузырями.

Улица рыдает
Серыми дождями
Землю покрывает
Длинными соплями

Дождик меж домами
По дорожкам кружит
И вокруг соплями
Наполняет лужи

Что-то мне невесело
И ужасно стало —
Улица развесила
Сопли, где попало.

И теперь я вместе
С улицей рыдаю
И на мокром фейсе
Сопли утираю.

*Я обожаю слово «секс»,
Люблю желанную свободу,
Ношу в кармане огурец
Из кислорода!*

*И голова моя вполне
На бомбу страшную похожа,
Короче, не башка и не
Лицо, а рожа!
(Костантин Артёмин)*

* * *

Я секс люблю со страшной силой,
Боготворю и почитаю
И все в округе «сексбомбилей»
Меня заслуженно считают.

Люблю желанную свободу,
В седьмое небо улетаю,
От недостатка кислорода
Теперь я больше не страдаю!

Я огурцы ношу в кармане
И кабачки из углерода,
А помидоры в чемодане
И все из сероводорода!

На зная бед, нужды и страха
Я гимн играю деградантам,
Моя улыбчивая ряха
Всех параллельно кроет матом.

На все запреты я чихаю
 И зря своё здоровье трачу,
 Когда я пальцы загибаю
 И комбинации фигачу.

И, опустившись с небосвода,
 Я, как бесплотный, падший ангел
 Своей башкой из водорода
 Цмыкую «Приму», а не «Данхил»!

О л о г а

У а н њ а н

СОН

Мне снился сон. Земля, где изобилие.
Там яблоня растёт в прекраснейшем саду.
И любопытства лёгкое насилие
Ведёт меня туда, как лошадь в поводу.

Под яблоней той травы шелковистые,
И яблоко висит румяное на ней,
Там соловьиных трелей звуки чистые
И гада хвост свисает меж густых ветвей.

Текут в реке привольно воды вешние.
Видны сквозь их хрусталь все камушки на дне.
И сорван плод. И чьи-то руки нежные
Пол яблока, как дар, протягивают мне.

Решусь плода отведать мякоть спелую
И смертного греха преодолею страх,
И знаю, мне потом за то, что делаю,
Гореть в огне на жарких адовых кострах.

Сменила кущи адская действительность.
Здесь запахи смолы — отнюдь не фимиам.
Терплю чертовских рож я отвратительность
За тот запретный плод, что съеден пополам.

Уносит сон с собою ночь капризная.
Я утром разомкну ресницы сонных глаз
И захочу тот сон увидеть сызнова,
В котором было всё понятней, чем сейчас.

* * *

Дурь из башки пока не выйдет вся,
Грущу морально и физически.
Хоть мы с тобою редко видимся,
Ты в снах мне снишься эротических.

Тех снов, что с четверга на пятницу,
Запомню верные пророчества:
Хоть у других и толще задница,
Тебе меня сильнее хочется.

Жара стоит невыносимая,
И сад не шелохнет листочками.
Сегодня я твои любимые
Надела трусики с цветочками.

Подкрался вечер серой кошкою.
А чтоб сбывались все желания,
Ко мне протоптанной дорожкой
Ты приходи без опоздания.

Сегодня вечером надела я
Халат с оборочками дивными.
Ведь я цвету, как роза белая,
Лишь только для тебя противного.

А ты опять гуляешь с рыжею
И кривоногой этой Капою.
Вот заловлю её бесстыжую
И всю ей морду испарапаю!

И скоро ты, мой друг изменчивый,
 Поймёшь со всею страшной силою,
 Что поступил ты опрометчиво,
 Своей пренебрегая милою.

Легла любовь на сердце раною,
 Но с этим справлюсь обязательно.
 И знай, что поздно или рано я
 Тебя забуду окончательно.

ПОЕЗД НАДЕЖДЫ

Минула пора эротических снов
 И звёзды мне счастье пророчат.
 Мне поезд надежды привозит любовь
 Теперь иногда среди ночи.
 Бывает усталой она иногда,
 Бывает настроена скверно,
 Но это, друзья, небольшая беда,
 Была б она нежной и верной.

Мой поезд маршрут не менял до сих пор,
 В пути остановки всё те же.
 Но что-то подмигивать стал семафор
 Мне глазом зелёным всё реже.
 А в небе луны одинокий фонарь
 То светит, то вдруг исчезает.
 Быть может, какая-то подлая тварь
 Средь ночи пути разбирает?!

А может быть, сделал начальник пути
 Ему непосильным задание
 И он не сумел ко мне ночью дойти,
 Устав выполнять расписание?!
 Мне ясность в картину бюро не внесёт,
 В нём справки правдивы, как мифы...
 Сегодня мой поезд опять не придёт:
 Минтранс, видно, поднял тарифы...

МОЙ МИЛЫЙ – ТРУДОГОЛИК

Мой милый покоряет
 Любую высоту,
 С упрямством проявляя
 Характера черту.
 Грущу порой до боли
 И ночью плохо сплю.
 Мой милый — трудоголик,
 Но я его люблю.

Не нравится мне что-то
 Подобная «ля ви».
 Ужель его работа
 Важней моей любви?
 Хотя его заботам
 Вновь не хватает дня,
 Но верить мне охота,
 Что любит он меня.

Всю сложность отношений
 Понять мне не дано.
 Боюсь, моё терпенье,
 Увы, покажет дно.

Так сложно разобраться,
Регресс или прогресс,
И хочется ругаться
На буквы «пэ» и «эс».

Ему по телефону,
Не в силах промолчать,
Я что-то в резком тоне
Сказала сгоряча
И вновь, как скромный нолик,
Без единицы сплю.
Мой милый — трудоголик,
Но я его люблю.

ПОПЫТКА СТИХОТВОРЕНИЯ

*«Молчи, молчи, душа.
Молчи,
Молчи, душа...»
А.Ткаченко*

Мне не спалось. И незаметно
Сюжет задумал я хитро.
Но Музу ожидая, тщетно
Терзал бумагу и перо.

Набили зад Парнаса кочки,
И ржёт Пегас, подлец, в ночи,
Но не сливает рифма строчки
Да и душа, увы, молчит.

* * *

«Жить и умирать».

А.Ткаченко

Плыву стихом, цепляя днищем рифы,
Сок мыслей пью, что жизнь твою итожат,
И с изумленьем думаю: «О Боже!
Ужель тебе твои прощаю рифмы?!»

* * *

«...Ты яд подсыпала мне в кофе».

К.Артемин

Была ты, не скрываю факта,
В борьбе с вредителями профи,
Но все же, ошибившись как-то,
Ты яд подсыпала мне в кофе.

Но крепче будучи желудком,
Чем паразитов злое племя,
Я, просидев в сортире сутки,
Остался жив. Видать не время!

РАЗГОВОР НА ВОКЗАЛЕ АБО РОЗМОВА НА ВОКЗАЛІ

ст. Ю.Визбора в переводе О.Шапран

- Я не поняла, Вы заказали?
- Ні, блукае гад незнамо де!
Нас в цих ресторанах при вокзалі — от нахаби!
Зовсім не вважають за людей!
- Я из Сочи жму скорее в Ровно.
Муж мой без меня там впал в тоску...
- А мені це Рівне й безкоштовно непотрібне!
Я в Мацесту, скинути вагу.

Припев.

Излишний вес, он, словно бес,
Он цепко держит наши органы в осаде,
А также виден он и спереди, и сзади,
Чтоб он исчез, излишний вес.

- Встаньте, дорогая, и пройдитеесь...
Ой-ей-ей, вот тут у Вас висит!..
- Люба, при моєму апетиті
Ледве уміщаюсь я в таксі.
- Надо съездить в город Мелитополь.
Бабка варит там один супец...
Выпьешь — станешь стройная, как тополь!
— Що, насправді?!
- Як артист... Володя... Данилець...

Приспів.

Тягар ваги, мов сатана,
В облозі цупко наші органи тримає.
Вага і спереду, і ззаду випирає...
Хай зникне назавжди вона!

- Ну а эти, извиняюсь, йоги?!
- Люба, кожен йог, пробачте, псих!
Я одного разу склала ноги в позу «лотос»,
Ледве потім розв'язала їх!
- Говорят, мосластым нет прохода...
Не глядят на пышных и в белье...
- Крихітко, так це ж не наша мода, європейська!
Наші любляють те, що є.

Припев.

- На ночь кушать вредно, между прочим!
После восемнадцати — антракт.
- А як в гості хтось до нас наскочить, що робити?
- Гости пусть рубают, что хотят!
Где ж официант, что за порядки?!
- Ось врешті лиходій до нас іде!
Мені, будь ласка, чотири порції оладків
із сметаной.
- А мне картошки, пива и сельдей!

Приспів.

Припев.

Я ИГРАЮ РОК-

Эй, мой друг,

Н-РОЛЛ

гляди-ка веселей!

Спою сегодня песню без мечтаний и соплей.
Слова упали на мотив,
Умы серьёзные смутив
Фактическим отсутствием идей.

Всего лишь мелочь бытия,
Но от неё балдею я,
И как не странен жизненный прикол,
Но сразу ощущаю я,
Как дует свежая струя,
Когда с тобой играю рок-н-ролл.

И уже не помню я, когда
Сказал ты то ли в шутку, то ль всерьёз, что я — «звезда».
О том не думала, ей-ей.
Тебе со стороны видней,
Но нет болезни звёздной и следа.

Всего лишь мелочь бытия,
Но от неё балдею я,
И как не странен жизненный прикол,
Но одолев сомнений яд,
На звёздный имидж свой плюя,
С тобой хочу играть я рок-н-ролл.

Не найти покоя мне никак.
Увы, потёрся на локтях
Мой музыкальный фрак.
Знакомый мне от до до си,
Пускай в шкафу он повисит,
Сменить его на время мне пора.
Всего лишь мелочь бытия,
Но от неё балдею я,

И как не странен жизненный прикол,
 Но ритмы тянут, как магнит,
 И скинув старый свой прикид,
 С тобою я играю рок-н-ролл.

ДУЭТ

Мы сидим вполоборота, ты вступаешь с полуфразы,
 И моя рука на грифе вовсе не дрожит.
 Позабудем про заботы и про все проблемы разом
 И устроим ненадолго праздник для души.

Припев.

Слова ложатся на мотив,
 А добрый зритель терпелив,
 И, коль собьёмся, не беда,
 Он нас поддержит, как всегда.

В добрый час попеть дуэтом посетила нас идея,
 Мы адреналин концерта делим на двоих.
 Хоть нехитра эта песня, очень-очень я надеюсь,
 Что не зря сплетала ночью музыку и стих.

Припев.

Пусть дожди роняют слёзы и снегами кружат вьюги,
 Это вовсе не помеха, и ещё не раз,
 Разбавляя жизни прозу, ощущая локоть друга,
 Вместе авторскую песню мы споём для вас.

Припев.

С в е т л а н а

Б у р о в а

ЭПИГРАММЫ

ПЯТАЯ КОЛОННА

То воду мутят, то брюзжат, то скачут.
 Болеют за Россию – мочи нет.
 В одном кармане, правда, фигу прячут;
 В другом – валюту и в Америку билет.

НОВАЯ ЗВЕЗДА

— Красотки безбородые, вы где?
 Где ваших рыцарей восторженная свита?
 — Ушла к звезде по имени Кончита,
 Чья сила в несравненной бороде.

РЕГРЕСС

Что происходит – непонятно.
 Был Дарвин прав в неполной мере.
 Процесс идёт, только обратный:
 Чем дальше в лес, тем ближе к зверю.

Литературно-художественное издание

Ли́ра Боспо́ра

Альманах

Выпуск XV

Ответственный за выпуск – Ю. Я. Иваниченко

Подписано в печать 20.11.2014 г. формат 64x84 1/16

Гарнитура Petersburg. Объём 24 усл. п. л. Тираж 200 экз.

Бумага офсетная. Печать офс.+электрографическая.

ОО «СГТ»:

Г. Симферополь, ул. Горького, 8.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии «Форма»

